

охота

и охотничье хозяйство

3

2013

Неугодная наука

Виталий РЯБЦЕВ

Какова роль и значение «заповедной» науки? Многие десятилетия заповедники были полноценными научными учреждениями, в которых первым заместителем директора был заместитель по науке. Научные советы заповедников имели высокий авторитет. Заповедная наука самым серьезным образом патронировалась Комиссией по заповедному делу АН СССР. Как правило, именно научные сотрудники составляли нравственный стержень «заповедных» коллективов, грядью вставали на пути попользований воспользоваться находящимися под охраной природными ресурсами. Показателен пример среднеазиатских заповедников. Ликвидация их научных отделов в 1990-х гг. привела к резкому ухудшению уровня охраны заповедных природных комплексов и объектов. Отечественные национальные парки, организация которых началась в 1980-х гг., стали обзаводиться собственными научными отделами не сразу, тем не менее к середине 2000-х гг. этот процесс был почти завершен.

Однако с 1990-х гг. начинаются негативные изменения. Нищенское финансирование, мизерные зарплаты привели к ухудшению кадрового потенциала заповедной науки. Изменения охватывали идеологию охраны природы. Постепенно размывались принципы, на которых десятилетиями базировалось заповедное дело. Само понятие «заповедность» становилось все более непопулярным. В ситуации, когда природные ресурсы страны по существу отданы «на поток и разграбление», иного отношения к ООПТ и быть не может. Заповедники призывались к открытости, к интегрированию в социально-экономическую жизнь своих регионов. В число их обязанностей была включена эколого-просветительская деятельность, все чаще поднимался вопрос необходимости развития туризма. Подготовка Олимпиады в Сочи спровоцировала изменения в законодательстве, ослабившие режимы охраны всех ООПТ: разрешили проведение в национальных парках массовых спортивных мероприятий, строитель-

ство спортивных объектов. В 2011 г. новые поправки к Закону об ООПТ практически легализовали «заповедный туризм», резко ослабили возможности охраны природы на территории национальных парков. На очереди еще более кардинальные законодательные новации, в том числе позволяющие преобразовывать заповедники в национальные парки. В таких условиях заповедная наука постепенно становится ненужной и неуместной.

На примере Прибайкальского национального парка (ПНП), где я работал с 1995 по 2012 г., расскажу, чем занимался наш научный отдел, как официальные лица объяснили его фактическую ликвидацию.

С 1999 по 2011 г. в ПНП работали 3—4 научных сотрудника, включая (с 2003 г.) заместителя директора по науке. С 1996 г. мы вели мониторинг состояния растений и животных, занесенных в федеральную и региональную Красные книги. В программе орнитологических исследований ПНП (Рябцев, 1996) основное место было отведено редким и особоуязвимым видам, а также участкам, позднее внесенным в список Ключевых орнитологических территорий России (КОТР) международного значения. Особое внимание уделялось растениям — узко локализованным эндемикам, обитающим только на территории ПНП (копеечник зундукский, астрагал ольхонский, мак Попова, ряд других), а также птицам, находящимся под реальной угрозой исчезновения в Предбайкалье (балобан, орел-могильник, орлан-белохвост и др.). С 2005 г. в парке работал свой герпетолог, велось исследование редких реликтовых видов амфибий и рептилий, для сохранения которых в регионе территории ПНП исключительно важна. С 2004 г. материалы полевых наблюдений обобщались в виде «Летописи природы». С 2006 г. в нее входили таблицы фенологических наблюдений, заполняемые инспекторами ПНП.

Велся периодический мониторинг состояния 18 участков, имеющих ключевое значение для сохранения биоразнообразия реликтовых лесостепей Байкальской котловины; трех КОТР международного значения: «Эндемичный орнитологический район — остров Ольхон и Приольхонье», «Зимовка водопадающих птиц в верхнем течении Ангары», «Южно-Байкальский миграционный коридор хищных птиц». Были, в основном, завершены инвентаризационные исследования флоры и фауны ПНП, собрано более 1000 гербарных листов. В 2005 г. опубликована коллективная научная мо-

нография иркутских специалистов по сосудистым растениям ПНП (1385 видов), в 2008 г. — монография новосибирских и иркутских ботаников по спорным растениям (1761 вид). По своему биоразнообразию ПНП заметно превосходит любую ООПТ Байкальского региона. В 2012 г. планировалось завершение работы над монографиями «Птицы ПНП» (В.В. Рябцев, С.В. Пыжьянов) и «Хищные птицы Предбайкалья» (В.В. Рябцев). Всего в 1998—2011 гг. было опубликовано 165 научных сообщений (из них за рубежом — 20), а также 2 коллективных монографии (тираж каждой 500 экз.), 2 сборника научных трудов (тираж 1400 экз.). Научные сотрудники ПНП регулярно выступали на научных конференциях с сообщениями о проблемах сохранения биоразнообразия ПНП и Байкальского региона. Накопленная информация позволяет утверждать, что неблагополучие южно-азиатских зимовок является ключевой проблемой в деле сохранения мигрирующих птиц Восточной Сибири. В рамках экпросветительской работы мною была написана и издана научно-популярная книга «Орлы Байкала» (3000 экз.), фотоальбом о ПНП (3000 экз.), 14 буклетов и брошюр (общим тиражом 16 тыс. экз.). Опубликовано более 60 газетных и 30 журнальных статей, многие из которых были посвящены острым природоохранным проблемам. Подготовлено более 30 телевизионных сюжетов, 2 видеоролика (размещены на ютубе), выпущен 1 CD-диск о ПНП (2001 г.). Совместно с ИГОО «Байкальское экологическое просвещение» снят 30-минутный видеофильм «Царь-Орел», получивший приз Байкальского экологического кинофестиваля 2006 г. с формулировкой — лучший научно-популярный фильм. Материалы эти вошли в три видовые очерка «Красной книги птиц Азии». Подготовлено около 40 видовых очерков по редким позвоночным для Красной книги Усть-Ордынского Бурятского автономного округа (2003), 10 очерков для «Красной книги Иркутской области» (2010). В 1998—1999 гг. осуществлен первый, и пока единственный для юга Восточной Сибири, проект по изучению миграций птиц (орел-могильник) с помощью спутниковых радиопередатчиков, в 2012—2013 гг. планировалось повторное радиомечение орлов.

В 1998—2007 гг. осуществлено 12 природоохранных проектов. Для их выполнения были привлечены средства благотворительных природоохранных фондов на общую сумму более 78 тыс. американских долларов. По хозяйственным темам (5 проектов) получено

охота

и охотничье хозяйство 3 2013

Ежемесячный иллюстрированный журнал
Уредители: трудовой коллектив редакции журнала
Союз охотников и рыболовов РФ.

* Основан в октябре 1955 г.

Автор статьи, орнитолог В.В. Рябцев. Орёл-могильник с передатчиком

еще 485 тыс. руб. Я, как заместитель директора по науке, вел зоологические наблюдения, кроме того, принимал участие в тушении лесных пожаров, в рейдах по борьбе с браконьерством, в проведении экскурсий, бесед, чтении лекций для школьников и студентов, туристов.

Еще 11 лет назад в газете «Заповедный вестник» была опубликована моя статья «Без науки не может быть полноценной охраны!» В ней говорилось: «Допустимо ли вообще противопоставлять природоохранную и научную деятельность ООПТ? Только в сказках оказывается возможным найти и сохранить «то, не знаю что». Могут ли инспекторы ПНП самостоятельно определить, например, что вот эти палатки поставлены на одном из немногих местообитаний неприметного травянистого растения — астрагала ольхонского (узколокализированный эндемик ПНП)? А ведь только в степной флоре нашего национального парка насчитывается около 180 видов растений (эндемики, реликты, виды на границе ареала и т.д.), заслуживающих особой охраны. А еще есть 53 «краснокнижных» вида животных, причем некоторых из них (в частности птиц) сможет определить в природе далеко не каждый зоолог. От кого, если не от собственных научных сотрудников, отдел охраны получит сведения о необходимости особого внимания к лицам «арабской национальности», косящим по степи в поисках сокола-балобана (и о признаках, косвенно указывающих, что именно этим бизнесом они занимаются), или к озерам, которые являются последними в Предбайкалье нерестовыми водоемами реликтовой популя-

ции монгольской жабы, но при этом еще и используются туристами для мытья автомобилей?..

Для того, чтобы сохранять «природные комплексы и объекты», необходимо не только знать о наличии таковых на ООПТ, но и постоянно отслеживать их текущее состояние, при необходимости — осуществлять специальные мероприятия по охране и восстановлению. Сделать это способны отнюдь не заезжие «варяги», а только специалисты, связавшие свою жизнь с судьбой заповедников и национальных парков, постоянно работающие и живущие на их территории. Основным результатом их деятельности и должно быть не что иное, как создание и поддержание оптимального режима охраны ООПТ. И наоборот, представленные самим себе работники отдела охраны склонны считать основным показателем своей деятельности только количество составленных протоколов, изъятых ружей, сетей и т.п. Сосредоточившись на охоте за такими трофеями, основное внимание они будут уделять районам, где проще и эффективнее задерживать нелегальных охотников и рыболовов. Но при этом без надлежащей охраны останутся районы, где менее многочисленные и заметные контингенты «потребителей природных ресурсов» успешно добывают диких копытных (бобров, тарбаганов, выдр и др.), опустошают последние гнездовья сокола-балобана (беркута, филина и др.), вылавливают «краснокнижных» рептилий, насекомых (на юге дальнего Востока). В результате, несмотря на прекрасные цифровые показатели работы службы охраны, дикая природа ООПТ может оскудевать». Все вышесказанное справедливо и сейчас.

Должен сказать, что в 2010—2011 гг. интенсивность нашей работы, особенно ее эколого-просветительского и пропагандистского блока, была наивысшей. Именно в это время издан, и даже переиздан (все в 2011 г.), фотоальбом (в первом случае текст предвзяло слово к читателям директора ПНП О.А. Апанасика, во втором — самого заместителя министра Минприроды Р.Р. Гизатулина), брошюра для туристов «Как себя вести, отдыхая на Ольхоне» (oopt.info/data/files/Ryabtsev.pdf), путеводитель по острову Ольхон, а моя статья «Ну, за экологию!» получила диплом 1-й степени всероссийского конкурса за лучшую публикацию о заповедных территориях (проводился Центром охраны дикой природы в рамках Марша парков-2011).

Летом 2011 г., отвечая на вопросы интернет-конференции о деятельности ПНП относительно ситуации с заповедной наукой, я писал: «Основная сегодняшняя проблема — Минприроды РФ проводит политику коммерциализации заповедников и нац. парков. Во главу всего ставятся деньги, важнейшим видом деятельности объявляется туризм (это в заповедниках!), директорами ООПТ назначаются бизнесмены. В такой ситуации научные отделы — бельмо на глазу «эффективных менеджеров», мешающее процессу заработка денег на заповедной природе. Уже давно и последовательно роль науки в заповедниках свертывалась, теперь этот процесс охватил и национальные парки — мнение научных сотрудников игнорируется, к важным проблемам и мероприятиям их вовсе не допускают. Сейчас близится критический момент, лоббируемые поправки к закону об ООПТ развяжут руки и биз-

Микрорезерват для птиц и растений (ПНП)

несу, и чиновникам. Будет создана новая коррупционная «площадка». Поэтому можно ожидать резкого сокращения числа научных сотрудников, возможно и закрытие научных отделов». Вскоре в ПНП так и произошло.

Приказом № 428 от 28.12.2011 г. директор ПНП «вывел из штатного расписания» должности заместителя директора по науке и начальника отдела лесного хозяйства, сократил 2 штатные единицы научных сотрудников. Заместитель директора В.В. Рябцев, научные сотрудники М.Г. Тропина и М.Н. Алексеев, нач. лесного отдела Т.В. Макаров под Новый Год вместо поздравлений получили уведомления о предстоящем увольнении. Приказ директора № 428 фактически ликвидировал научный отдел. Осталась лишь одна ставка научной сотрудницы (ботаника М.М. Мазайкиной), находящейся в отпуске по уходу за ребенком. В Свердловском районном суде г. Иркутска 26.04.2012 г. рассматривались наши исковые заявления о восстановлении на работе. Суд не признал доводы о незаконности увольнения, отказал по 3 искам из 4. М.Н. Алексеевко удалось восстановиться в должности научного сотрудника посредством мирового соглашения (основанием послужили проблемы со здоровьем). Не помогло и мнение профсоюзного комитета ПНП, высказавшегося против нашего сокращения. Сейчас это мнение «работодатель» может спокойно игнорировать.

Все доводы «ответчика» суд принял без возражений, хотя многие из них вызвали недоумение. Наличие в научном отделе 1 сотрудницы, находящейся в отпуске по уходу за ребенком, позволило суду считать, что отдел не ликвидирован, а потому закон «Об

ООПТ», закрепивший за национальными парками статус научно-исследовательских учреждений, не нарушен. Но после увольнения трех сотрудников, на которых ориентирован план научно-исследовательской деятельности 2012 г., научная деятельность ПНП фактически прекратится. Эти доводы, подтвержденные письмами иркутского отделения Русского Географического общества, Восточно-Сибирской Академии Образования, Сибирского Института физиологии и биохимии растений (СИФИБР), а также перечень конкретных работ и проектов, прекратившихся в связи с нашим увольнением, суд не заинтересовали.

Наши должности были сокращены «в целях оптимизации хозяйственной деятельности и штатного расписания». Вообще-то ПНП является природоохранным, эколого-просветительским и научно-исследовательским государственным учреждением. «Хозяйственная» деятельность среди его приоритетных задач не значится, научный отдел никакого отношения к ней не имеет. А вот основная — природоохранная — деятельность национального парка без науки практически невозможна. Из примерно 170 сотрудников национального парка лишь 4 занимались наукой, обеспечивали целое направление его деятельности. Учитывая огромную протяженность ПНП, его уникальное биоразнообразие, остроту многочисленных природоохранных проблем, число научных сотрудников было совершено недостаточным. Это понимают все специалисты в области охраны природы, но только не директор ПНП О.А. Апанасик. Напротив, именно научными сотрудниками он решил пожертвовать, но ввести вместо них в штатное рас-

писание еще 1 бухгалтера, 1 специалиста по закупкам, 4 гос. инспекторов. Таковы его приоритеты. Могут согласиться, что инспекторов в ПНП недостаточно, но незначительное увеличение их числа за счет фактической ликвидации научного отдела — крайне непродуманное, некомпетентное решение проблемы.

В качестве обоснования произведенной «оптимизации» суду было представлено государственное задание ФГБУ «Прибайкальский национальный парк» на 2012 г. Пояснения следующие: работодатель счел, что раздел 4 этого документа, посвященный научно-исследовательской работе, содержит столь небольшой объем мероприятий, что можно спокойно сократить 3 научных сотрудников из 4. Это государственное задание включает лишь небольшое число показателей работы, реально выполняемой научным отделом парка. В него не вошли различные природоохранные проекты, выполняемые на спонсорской основе, либо совместно со сторонними организациями и специалистами, в том числе иностранными (проекты по созданию микрорезерватов, изучению и охране редких видов, разработке информационных щитов и аншлагов об уникальных природных объектах, созданию каталога деревьев — памятников природы, уменьшению негативного влияния массового туризма на биоразнообразие острова Ольхон и др.), подготовка ответов на многочисленные запросы различных организаций (в том числе ЮНЕСКО, Минприроды РФ, Минприроды Иркутской области, природоохранной прокуратуры), написание писем и заключений, участие в разнообразных природоохранных мероприятиях, работу в Комиссии по Красной книге Иркутской об-

Прибайкальский национальный парк (ПНП)

Орёл-могильник с передатчиком

ласти, большой объем эколого-просветительской и пропагандистской работы, выполнявшейся именно научным отделом. Но и вошедший в государственное задание объем работы не столь уж мал. Кто же теперь, как запланировано, будет заниматься в 2012 г. разработкой двух научных тем, инвентаризацией компонентов природных комплексов, проведет в поле 120 дней полевых работ, подготовит и издаст 3 научные монографии, 7 научных статей, 2 научные рекомендации? Если директора не устраивал объем научно-исследовательских работ, планы можно было заранее скорректировать, однако конкретных предложений от него не поступало. На заседании Научно-технического совета ПНП 27.12.2011 г. О.А. Апанасик сам проголосовал за план научной деятельности на 2012 г. Подписанное им постановление утвердил (21.12.2011 г.) заместитель министра природных ресурсов и экологии РФ Р.Р. Гизатулин. Этот документ является обязательным для исполнения. Как же теперь может быть выполнен его 4-й раздел, если почти все сотрудники, которые должны были этим заниматься, оказались уволены? И это гос. задание представляется в суд в качестве довода законности нашего увольнения, хотя на самом деле оно подтверждает необходимость сохранения имеющихся научных сотрудников! Нынешний директор ПНП О.А. Апанасик демонстрирует непонимание сути выполняемой им работы, а судья — доверчивость ко всем его доводам в данной отрасли.

В судебном иске говорилось, что увольнение научных сотрудников — реакция О.А. Апанасика на два коллективных письма сотрудников ПНП, отправленных в 2011 г. на имя президента РФ и посвященных развалу работы Прибайкальского национального парка, кризису отечественной заповедной системы в целом. Из 12 человек, подписавших первое письмо, 3 уволились по «собственному желанию», 4 были уволены по сокращению штата (одному из них — ст. гос. инспектору Еландинского лесничества С.А. Гончаро-

ву — в конце 2011 г. удалось восстановить через суд), 1 — отказался от своей подписи. Это ли не доказательство давления директора парка на «подписантов»? Действительно, за 9 месяцев, последовавших после обнародования обращения, увольнения коснулось лишь 2/3 подписантов. А между тем давление оказывается и на еще не уволенных «бунтовщиков». Летом 2011 г. Иркутской областной организации профсоюза работников лесных отраслей уже приходилось защищать председателя профсоюзного комитета ПНП Т.П. Шумову (еще один подписант) от незаслуженных «строгих выговоров». Почти каждый из подписавших письма мог бы много рассказать о сильнейшем прессинге со стороны дирекции. Но в ходе так называемых «проверок» никто никого не считает нужным спрашивать. Очень точно название одной из интернет-публикаций о ситуации в нашем парке: Напиши о проблеме Президенту — и тебя уволят!

Зам. директора по науке СИФИБР В.И.Воронин на свое письмо в защиту научного отдела ПНП получил ответ из Минприроды (за №12-38/6050 от 19.04.2012 г.), который стоит прокомментировать. Директор департамента гос. политики и регулирования в сфере охраны окружающей среды и экологической безопасности С.В. Юрманова сообщает, что дирекцией ПНП была произведена «кадровая реструктуризация научного сектора на основе всестороннего анализа итогов работы данного природоохранного учреждения». Но где же этот анализ? Почему никого из уволенных с ним не позначкомии? Кто его выполнял? Директор, дилетант в заповедном деле, ничего не понимающий (и не желающий понимать) в биоразнообразии, которое призван охранять? Или «анализ» — это и есть упоминавшееся выше мнение О.А. Апанасика о гос. задании на 2012 г.?

В 2011 г. деятельность ПНП проверяли Росприроднадзор по СО и финансовые органы (КРУ), но с их стороны претензий к научному отделу не было.

Между прочим, за годы своей работы лично я не имел взысканий, но награждался грамотами от Минприроды РФ (2008 г.), Минприроды Иркутской области (2009-2010) гг., да и от самого Апанасика (2011 г.). Юрманова С.В. пишет, что, по мнению руководства парка, для реализации стоящих перед этим учреждением задач следует широко использовать научный и образовательный потенциал региона, привлекая на территорию парка сотрудников НИИ и студентов-практикантов ВУЗов. «Научный сотрудник национального парка выступает в роли координатора научной работы, систематизирует ее результаты, тесно взаимодействуя с отделом экологического просвещения». Такие мысли витали в чиновничьих верхах, просачиваясь в «Заповедный Вестник», еще 10 лет назад, на них я и отвечал своей тогдашней статьей. И вот пришла пора реализовать эти идеи. Итогом будет прекращение реальной научной деятельности по охране дикой природы, включая многолетние наблюдения за редкими видами, уникальными природными объектами. Очень многие, выполняемые ныне в ООПТ, исследования не по силам заезжим «варягам», тем более — студентам-практикантам. Вместо реальной работы останется ее имитация, пиар. Исходя из этой логики, следует ожидать и кадровой реструктуризации службы охраны ООПТ. Действительно, почему бы не отказаться от собственных инспекторов, но зато «максимально широко использовать потенциал» МВД?

От разных поползновений приходилось лично мне защищать свой национальный парк. Самыми опасными были неоднократные попытки изъятия из ПНП 112 тыс. га земель сельхозназначения (реликтовые байкальские степи, ценные водно-болотные угодья). Самое курьезное — обращение министра Минприроды Иркутской области (2010 г.) с просьбой разрешить частной фирме сбор минералов для сувенирных коллекций на территории ПНП, да еще и в пределах минералогического памятни-

Уникальный вид — кроншнеп-малютка

Узколокализированный эндемик — копеечник зундукский

ка природы! Постоянно встают вопросы, требующие вмешательства науки. Например, 2 мая 2012 г. местные жители сообщили о массовой гибели мигрирующих воробьиных птиц на о. Ольхон. В радионовостях сообщалось, что «сотрудники национального парка уже выехали на место». А между тем специалисты парка, компетентные в этих вопросах, уже были уволены директором парка «за ненадобностью».

Юрманова С.В. пишет, что «подобная реорганизация научной деятельности осуществляется директором ПНП в рамках предоставленных ему полномочий». Действительно, полномочия директоров заповедников и национальных парков, предоставленные Минприроды, сейчас столь велики, что позволяют чуть ли не ежедневно производить изменения в штатных расписаниях, не имеющие ничего общего с реальными нуждами учреждений, но необходимые для изгнания неугодных.

Наш научный отдел по основным показателям работы входил в число лучших среди национальных парков России. Что не помешало нас «реструктуризировать». Такая опасность сейчас угрожает практически всем ООПТ, еще сохранившим работоспособные научные отделы. Не нужны мы Минприроде, мешаем ее чиновникам, а главное бизнесу, желающему заработать ещё и на заповедной природе. Ну, а найти правду в суде, если не была нарушена процедура увольнения, очень проблематично. Тем не менее подавать каскационные жалобы мы будем.

Официальные объяснения произошедшего в ПНП основаны исключительно на демагогии, они подготовлены чиновниками, понятия не имеющими о нашей работе. Возможно, увольнение научных сотрудников ПНП является показательным мероприятием, цель которого — заставить работников ООПТ смириться с происходящим. Молчите — и какое-то время еще поработаете. Но лишь в 2011 г. вслед за нами гневные коллективные письма писали сотрудники Приокско-Террасного заповедника, заповедника «Кологривский лес». Из материалов СМИ можно судить о подобных конфликтах в национальных парках «Куршская коса» и «Нижняя Кама», Дарвиновском, Дагестанском, Командорском заповедниках. Наверняка реальный список ООПТ, где ситуация крайне неблагоприятна, очень велик. Нельзя «молчать по углам», нужно бороться за то, чтобы ООПТ остались природоохранными и научно-исследовательскими учреждениями, а не превратились в особо охраняемые территории бизнеса и коррупции. И необходим специальный орган исполнительной власти по ООПТ, не связанный с Минприроды!

Е. Л. Кривулько — дальневосточный заводчик русской пегей гончей

Заводчик русских пегих гончих

Уважаемая редакция журнала «Охота и охотничье хозяйство»! Обращается к вам с письмом ваш давний поклонник, охотник и подписчик журнала с тридцатилетним стажем Скляренко Александр Анатольевич.

Высылаю вам фото своего войскового товарища, большого любителя охоты и рыбалки, гончатника со стажем — Кривулько Евгения Леонидовича с его любимцами — выжлецами Заливаем и Певуном.

Если в двух словах о нашей жизни, то можно сказать, что нас связывает длительная совместная служба в Вооруженных силах на Дальнем Востоке, любовь к бескрайней красоте природы, а главное, это совместно проведенные незабываемые дни и ночи на охоте и рыбалке.

А какой Евгений любитель и знаток охотничьих собак! Климат на Дальнем Востоке жесткий и суровый, но он этих двух красавцев гончих, что на фото, привез с Украины маленькими щенками, вырастил и воспитал достойными помощниками, а теперь не без основания гордится результатом своего труда. Я был с Евгением и его гончими на охоте на зайца — это песня достойных солистов в два голоса. А если еще и выстрел в цель, то такую охоту забыть невозможно.

Я полагаю, что в Хабаровском крае крайне мало, а, возможно, и вообще нет таких охотников с гончими, как Евгений Кривулько.

А. СКЛЯРЕНКО
г. Хабаровск

Начало весны

Анатолий СЕВАСТЬЯНОВ
Фото автора

Солнечный день в марте — как праздник. Серая в зимние хмурые дни лесная дорога повеселела и «просится в кадр».

У жителей леса весенние хлопоты. Свиристель ищет уцелевшие после весны ягоды. Поползень задержался возле дупла. Строить гнездо еще рано. Пока только присматривает место для него.

Ссорятся дятлы — делят территорию.

Прилетели грачи. Один нашел что-то в подтаявшем снегу. Держит в клюве так, что стал похож на хищную птицу.

По утрам слышно бормотание тетерева.

Будут еще и морозы, и метели, но все обитатели леса чувствуют — настоящая весна не за горами.

Антропогенное воздействие на популяции диких животных

А. ЕРМОЛЕНКО, охотовед, «Собинское ГООХ». Фото автора

Одной из характерных особенностей современной человеческой цивилизации является все возрастающее давление, оказываемое на экосистемы. Это явление носит фактически повсеместный характер, однако в России последствия его воздействия наиболее заметны в центральных областях, где на сегодняшний день наблюдается высокая концентрация населения.

Среди классических видов негативного антропогенного воздействия выделяются отвод земель, пожары, применение ядохимикатов, пестицидов, инсектицидов и т. д., влияние транспортных средств и иных техногенных факторов, легальную и нелегальную охоту. Однако в последнее время в угодьях приходится наблюдать ряд нетипичных факторов отрицательного антропогенного воздействия на популяции диких животных.

Первый нетипичный фактор связан с интенсивной сельскохозяйственной деятельностью. Это своего рода «палка о двух концах». С одной стороны, она довольно негативно влияет на численность эндемичных видов, поскольку предполагает уничтожение их привычной среды обитания. Животные сами покидают эту территорию или искусственным способом изгоняются из нее. Европейская практика также показала отрицательный опыт работы с так называемыми монокультурами, многолетнее культивирование которых привело в значительному сокращению видового разнообразия. Интегрировавшиеся же виды попадают под колеса и жернова спецтехники, погибают в результате отравления удобрениями и средствами по борьбе с вредителями. С другой стороны, сельскохозяйственные угодья привлекают некоторых диких животных, в частности кабана, который довольно вольготно чувствует себя в таких условиях, активно используя новые пищевые ресурсы.

Однако и регрессия сельскохозяйственной деятельности не является однозначно положительным явлением. К примеру, головную боль охотпользователю могут доставлять заброшенные системы орошения на полях. Наибольшая их часть, как правило, скрыта под землей и, сама по себе, даже в случае разрушения трубы и провала грунта, не так опасна. Основную проблему представляют собой колодцы, на дне которых находится вентиль с торчащим из него штырем. Это настоящие ловушки, скрытые в густой траве, и попадание в них приводит к гибели не только молодняк, но и взрослых особей. Так, в августе 2011 г. на территории Собин-

ского хозяйства в одном из таких колодцев была обнаружена мертвая свинья и еще живой поросенок. Животные, очевидно, провалились в колодец около недели, так как за 8 дней до этого семейство кабанов наблюдали на соседнем кукурузном поле. Глубина колодца и его отвесные стены не позволяют самостоятельно выбраться из него не только «копытчатым», но и «лапчатым» пленникам, поэтому жертвами (правда, довольно редко) становятся также зайцы, лисы и т. д. Несмотря на большую концентрацию в таких местах полевой дичи, это травмоопасное «наследство» не позволяет, без предварительной подготовки, использовать угодья и под участок для натаски легавых, так как сохраняется опасность попадания в колодец собаки или самого охотника. Таким образом, на охотпользователя накладывается дополнительная обязанность по выявлению таких колодцев и закрытию их специальными крышками, которые раз в несколько лет приходится заменять.

Другой вид негативного антропогенного воздействия — усиление фактора беспокойства охотничьих животных вследствие нахождения в угодьях большого числа людей. Особенно актуальна эта проблема в зоне «дачной досягаемости» от мегаполиса. Год от года все больше людей устремляется в лес. И в каждое время года это несет свою негативную специфику. Весной и в начале лета нерадивые, а зачатую и не-

трезвые, рыбаки оставляют после себя не только горы мусора, но и непотушенные костры, что в условиях торфянистой почвы может иметь катастрофические последствия. Так, несколько лет назад на территории хозяйства выгорел большой участок леса. При этом очаг возникновения огня находился на торфяной бровке — традиционном месте «отдыха» рыболовов.

В годы обильного урожая дикоросов, во второй половине лета — начале осени, нашествие горожан в леса приобретает характер массированных атак. Вплоть до первого снега любители «тихой охоты» активно прочесывают угодья, что не только мешает проведению загонных охот, но и создает опасность для самих «туристов».

Наличие большого числа людей — источник постоянного прессинга для особо ценного маточного поголовья зверей, что вынуждает его активно перемещаться, и это увеличивает риск гибели на автодорогах, тогда как обычно там погибают только более активно перемещающиеся самцы. Силу испытываемого животными стресса наглядно характеризует следующий пример. Во время загонной охоты егерями хозяйства был обнаружен кабан, застрявший между двух берез, растущих из одного корня. Мертвая трехлетняя свинья до момента обнаружения уже довольно долго висела в таком положении. Судя по всему, зверь на большой скорости в прыжке просто вклинился

Заброшенная система орошения дает приют водоплавающим птицам

в естественную ловушку. Реконструкция событий позволяет предположить, что свинья была поднята с лежки грибом, так как естественные враги кабана на данной территории отсутствуют, а законная охота здесь проводилась первый раз за этот сезон.

Значительно осложняется в таких условиях и проведение биотехнических мероприятий, поскольку при сооружении подкормочных площадок возникает необходимость учета не только «привлекательности» угодий для зверя, но и их посещаемости туристами и дачниками.

Приходится также принимать во внимание, что дороги, ведущие к подкормочным площадкам, не только дают доступ к ним сотрудникам хозяйств, но и облегчают проникновение вглубь угодий всякого рода «страждущих», не желающих пройти пешком лишние 300—400 м, а стремящихся «собрать с комфортом», подогнав свою машину прямо к месту сбора. К концу сезона грибной и ягодной охоты вместо неярких дорожек появляются хорошо накапанные трассы, и только окончательное разбивание разбухшей от дождей колеи грунтовых дорог способно прекратить вторжение. Небольшой период относительного покоя выпадает только на конец марта — начало апреля, когда снег раскисает, и леса делаются непроходимыми для «стандартных» лыжников, а лесное бездорожье не манит даже самых отчаянных экстремалов.

Отдельного разговора заслуживает мусор, зачастую просто вывозимый жителями поселков в близлежащие канавы. «Авось, куда-нибудь денется». Не денется, и не может деться. Простая визуальная оценка таких куч позволяет с уверенностью сказать, что наши внуки и правнуки их еще застанут. В ночное время эти импровизиро-

ванные свалки с удовольствием посещают кабаны и поедают не только содержащиеся в них пищевые отходы, но и полиэтилен, в который эти отходы могут быть завернуты. Для взрослого животного эта «пищевая добавка» не представляет опасности, а вот молодняк, наглотавшийся пластиковых пакетов, чаще всего гибнет от закупорки кишечника. С момента появления на свалках полиэтиленовых пакетов в лесу попадают трупы таких «обжор». Небольшая частота их обнаружения просто объясняется тем, что трупы маленьких поросят быстро поедают хищники или сами же их сородичи. Риск значительно увеличивается из-за того, что взрослые особи зачастую тащат такой пахучий и «долгоиграющий» мусор на лежки. К примеру, наблюдался случай, когда кабан нес в пасти и жевал пластиковую бутылку на протяжении 1,5 км.

Несмотря на регулярные сообщения в прессе, в числе отрицательных видов антропогенного воздействия традиционно не упоминают появление бродячих собак, а ведь превращение домашних любимцев в вечно голодных бродяг — напрямую наша вина. Они и праздно шатающиеся без должного присмотра «промысловые» собаки становятся причиной гибели зайцев, коз и молодых других копытных (которые зачастую остаются неучтенными). Так, зимой 2011—2012 г. на р. Клязьма стая собак загнала в полынью самку пятнистого оленя, в результате чего ее затянуло под лед течением.

Несмотря на кажущееся отсутствие прямой связи, одним из видов негативного антропогенного воздействия следует считать и прогрессирующее сегодня охотничье бескультурье. Максимальное упрощение процедуры получения охотничьего билета привело к увеличению в угодьях количества «охотни-

ков-неохотников» — любителей «бабахинга» и «пострелушек». Имея возможность на законных основаниях получить лицензию, они считают себя вправе палить по всему, что движется (ибо уплочено), не удосуживаясь ни толком научиться стрелять, ни, уж тем более, ознакомиться с методами охоты и особенностями биологии дичи. Отсюда — пулеметные очереди по утке, летящей «под небом», недобренные подранки, за которыми было «влом» лезть, стрельба по ондатрам, чайкам, сойкам. Один такой новоиспеченный охотник открыл для себя охоту на водоплавающих птиц на утренней зорьке стреляя по... летучим мышам, приняв их за чирков. Было бы смешно, если бы не было так грустно. Беспорядочная стрельба не только портит охоту окружающим, но и создает дополнительный фактор беспокойства для дичи, который нельзя не учитывать. Все вышесказанное наглядно демонстрирует масштабы проблемы и значительное многообразие способов отрицательного воздействия антропогенного фактора на популяцию диких животных. Это «явление» нуждается в анализе и изучении.

Виды мусора и сроки его разложения: помет животных — до 10 дней; пищевые отходы — от 10 дней до 1 месяца; газетная бумага — от 1 месяца до 1 сезона; картонные коробки — до 1 сезона; бумага — 2 года; доски со стройки — до 10 лет; железная арматура — до 10 лет; железные банки — до 10 лет; старая обувь — до 10 лет; обломки кирпича, бетона — до 100 лет; автоаккумуляторы — до 100 лет; фольга — до 100 лет (жестяная банка — 90 лет); электрические батарейки — до 100 лет; резиновые покрышки — более 100 лет; пластиковые бутылки — более 100 лет (полиэтиленовая пленка — 200 лет); алюминиевые банки — 500 лет; стекло — более 1000 лет.

На какой только мусор не наткнешься в угодьях!

Вот так разбивают дороги в весенний период

Следы бурых медведей на снегу

С. ПУЧКОВСКИЙ, доктор биологических наук,
профессор Удмуртского государственного университета. Фото автора

22 апреля 1985 г., Ярский район Удмуртии, исток р. Вятка. На водоразделе Вятки и её притока Чепцы располагаются ещё покрытые снегом поля. Окрестные леса в основном приурочены к многочисленным логом: с севера — неглубокие лога, впадающие в долину Вятки, с юга — лога, ориентированные в долину Чепцы. Чепецкие лога значительно мощнее и глубже, начинаются крутосклонными вершинами, а ручьи в них — многоводные и шумные. В лесных насаждениях заметны ель и пихта, но преобладают лиственные породы, среди которых много липы. Ель и пихта должны бы доминировать, но их-то вырубает в первую очередь.

Мы с Володей (студент-биолог) пробираемся по густому лесу в вершине одного из чепецких логов, где нас заинтересовали следы одного взрослого медведя, а его интересовали следы лосей. Мы на лыжах (голицы), которые здесь в основном приходится нести, с трудом продираемся через заросли из разновозрастных лип, елей и прочих деревьев и кустов. Решили выходить на поле — уж очень трудно даются даже немногие десятки метров. И вот я выбираюсь (в основном на четвереньках) в поле, поднимаю голову — и застываю от неожиданности: на нас цепью идут четыре медведя! День пасмурный, но облачность неплотная, и в апрельское утро после сумрачного лога здесь очень светло, поэтому на ослепительном белом снегу медведи выглядят чёрными и одинаковыми по размеру. Прошли секунды, за которые стало ясно, что это семья, что медведи пересекают поле в самом узком месте и мы их не интересуем, а идут они в вершину лога (откуда мы выбрались), где смогут скрыться от возможной опасности. Медведи довольно быстро добрались до опушки в нескольких десятках метров от нас, в конце этого пути они сблизилась. А потом мгновенно исчезли: «провалились» в укромном лого.

Троплением в пята мы нашли примерно в километре их берлогу (рис. 1), которая располагалась на вырубке, густо заросшей мелкими берёзками, осинками, ивами и малиной. Около берлоги было несколько лёжек, три каловые пробки и много медвежьих следов, в том числе оставленных грязными лапами. Двигались медведи от берлоги неторопливо, путь их среди леса был извилист, медвежата много раз забирались на молодые липки, а потом спускались с них, оставляя завитки содранного когтями луба. По пути они развалили несколько трухлявых пней. Зато через поле (шириной около 200 м) путь медведицы с медвежатами был прямым и двигались зве-

ри довольно быстро. Я так и не понял, успели ли они заметить нас, но последние метры они явно ускорили темп. Что привлекало медведей в лого? Довольно крутые склоны, обращённые к югу, раньше других мест освобождаются от снега, здесь больше шансов найти вытаявшие муравейники и раньше появляются свежие снытки. Кстати, местные зимующие лоси тоже придерживаются этих мест и только в мае перемещаются к северу в лесные массивы, где снег сходит позже.

Измерение совершенно свежих отпечатков лап показало, что в составе семьи медведица с шириной передней лапы (речь идёт об отпечатках, и далее в статье — тоже) 13 см и три лончака (медвежата второго года жизни), аналогичное измерение их следов 10, 10,5 и 10,5 см. В это время температура воздуха была плюсовая, снег глубиной до 70 см — сырой и плотный (на поверхности чуть подтаявший наст), а отпечатки лап — неглубокие и очень чёткие. Максимальной глубина снега была близ опушки, в тени леса; дальше на север (вглубь поля) снеговой покров значительно тоньше.

Поскольку я намерен обсудить вопрос точности в измерении следов медведей и чётко отличать научный подход от категории «охотничьих рассказов» (всему своё место и время!), сделаю необходимые уточнения. К сожалению, литература о медведях засорена неверно толкуемыми понятиями и недостаточно строгим выполнением методических требований. В частности, это относится к анатомическим поня-

тиям и соответствующим измерениям.

Пальмарная мозоль представляет собой часть опорной поверхности передней лапы медведя, которая соответствует кисти человеческой руки. «Palma» на латинском языке означает «ладонь», «рука». Длинная ось пальмарной мозоли располагается поперёк передней лапы медведя, и некоторые специалисты называют наибольшее измерение пальмарной мозоли именно длиной. Однако, по уже сложившейся традиции, длинами принято называть те измерения следов (на грунте или на снегу) и расстояний между ними, которые расположены по длине тела зверя и по направлению его движения. Поэтому **ширина отпечатка передней лапы медведя и ширина пальмарной мозоли есть одно и то же измерение** (рис. 2). Строго говоря, в некоторых случаях эти измерения, возможно, могут и не совпадать, но вероятными различиями пренебрегают, и я не знаю исследований, в которых кто-нибудь пытался внести уточнение для медвежьих следов.

Плантарная мозоль принадлежит задней лапе медведя («planta» по латыни означает «подошва», «ступня»). Критически настроенным и сомневающимся рекомендую заглянуть, если такая возможность есть, в латинско-русский словарь или в Интернет.

Чаще всего в научных целях, в практике охотоведения и мониторинга (слежения) за популяциями бурого медведя используют именно ширину пальмарной мозоли. Для измерения применяют жёсткую сантиметровую линейку подходящей длины. Простота этого ин-

Рис. 1. Берлога, где успешно перезимовала семья медведей

струмента и самого процесса измерения вводит многих в заблуждение, вследствие чего получаются результаты, которые трудно сравнивать и которые могут рождать недоразумения и законное недоверие специалистов. Результаты могут зависеть даже от манеры исполнителя. Вот пример: мой коллега и я сделали серию измерений одних и тех же отпечатков медвежьих лап, и результаты стабильно различались примерно на 0,5 см. Кроме того, ширина пальмарной мозоли (и другие измерения тоже) одного и того же медведя может зависеть от упитанности зверя, механического состава почвы или грунта, его влажности и вязкости, наличия подстилки из листьев, мохового покрова и ряда других причин.

Вечером, когда мы возвращались к месту ночлега, отпечатки лап медведицы и трёх лончаков заметно (на сантиметры) «подросли». В следующие дни было тепло и там, где снег совсем не сошёл, эти же следы расплылись и стали ещё больше. Впрочем, нас это не особенно удивляло, ибо за дни тропления свежих медвежьих следов мы много раз встречали многодневные заячьи следы, отпечатки задних лап которых достигли размеров медвежьих отпечатков. Деформация следов (расплывание и, конечно, увеличение размеров), оставляемых зверьями и птицами на снегу, достаточно хорошо известна таёжникам, которые ходят по следам в начале зимы, когда случается оттепель, или в конце зимы и ранней весной. В горных условиях, где всё лето сохраняются снежники или на какое-то время выпадает свежий снег, такое явление тоже не представляет редкости. О влиянии тёплой погоды на размер и пропорции следа зверя писал Н.А. Зворыкин (1934). К этому можно ещё добавить (из моего опыта весенних троплений), что в апреле в лесах Удмуртии снега бывает ещё много, и взрослые медведи, которые в это время покидают берлоги, нередко пересекают такие участки. В этих случаях медведь (допустим, передвигался днём по талому снегу) может оставить

прекрасные отпечатки лап, которые ещё много дней не будут деформировать горячие лучи солнца, ибо медведь при ходьбе глубоко проваливался. Однако при расположении отпечатка на глубине около 0,5 м делать его промеры (стараясь провести эту операцию точно) очень неудобно.

Надо сказать, что свойства снега могут очень заметно и разнообразно изменяться под действием отдельных факторов (температура воздуха и её перепады, влажность, ветер, загрязнение поверхности снега и проч.) и их сочетаний (Рихтер, 1945). Авторы известных мне руководств по описанию следов зверей и птиц (Г.А. Новиков, П.Г. Ошмарин и Д.Г. Пикунов, Н.Н. Руковский, А.Н. Формозов) много внимания обращают на тонкости различия видов и определения давности следов на снегу, однако вопрос влияния свойств снега и погоды на размеры отпечатка в статьях не освещают. А между тем бурый медведь в межсезонье или в мягкие зимы более южных регионов нередко вынужден передвигаться по снегу в самых разных частях своего огромного ареала (рис. 3).

Эффект деформации и значительно-го увеличения следов на снегу немало способствовал распространению мифов о «снежном человеке». Наверное, кое-кто помнит довольно давний снимок, на котором след на снегу, приписываемый гималайскому снежному человеку, представлен в сравнении с ледорубом (Ульман, 1957). Впечатляющая должна быть нога, оставившая этот гигантский отпечаток! Исследователи Гималаев и мифа о снежном человеке Э. Хиллари и Д. Дойг (1983) с интересом ознакомились со следами снежного человека (по местному — йети) на снежном высокогорном склоне и пошли по ним. Однако когда цепочка следов, огибая гору с солнечного склона, «зашла» в тень, отпечатки стали мельчать и вскоре превратились в следы лисицы. Шерпы нисколько не смутились, ибо в их понимании снежный человек

просто превратился в лису. С такой же лёгкостью снежный человек может обернуться волком, снежным барсом, другим зверем или даже птицей — а потом, естественно, улететь. Теперь читателю понятно, почему снежного человека так трудно не только изловить, но даже и просто увидеть!

И всё-таки, как показали исследования специалистов, изучавших крупных млекопитающих Непала, именно местный бурый медведь чаще всего отождествляется (по следам или шурам) жителями Гималаев со снежным человеком (Хиллари и Дойг, 1983; Gurung, 2004). Коренные обитатели тайги Евразии (охотники, оленеводы и другие таёжники) более реалистично воспринимают следы медведей на снегу, да и без снега тоже. Правда, им при такой находке бывает нужнее не линейка, а ружьё, хорошие собаки и надёжный товарищ. Однако умения достаточно точно измерять отпечатки лап, следовать научной терминологии, уверенно представлять для общего пользования свои результаты и с обоснованной критичностью относиться к чужим данным необходимы всем, кто в наше время интересуется бурым медведем: зоологам, специалистам по охране природы и количественной оценке животных ресурсов, охотоведам и владельцам охотничьих хозяйств.

Начитанные люди вполне резонно скажут, что пора применять новые технологии. Например, в Германии при регистрации собаки заводится её индивидуальный генетический паспорт (для чего проводится анализ ДНК). Если такая собака по оплошности хозяина оставит на газоне свои экскременты (в них есть клетки из кишечника, а в клетках — ДНК), то специалисты быстро найдут нарушителей порядка. Отчего бы не завести такие паспорта для диких российских медведей? А потом анализировать ДНК любого зверя по образцам (кусочек мяса, клок шерсти или кусок невыделанной шкуры, экскременты). Но бурых медведей в России свы-

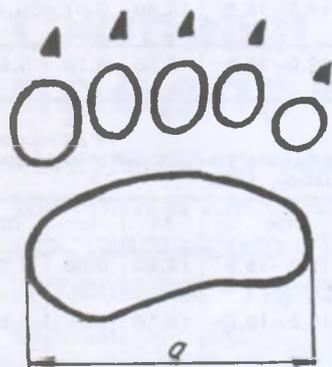

Рис. 2. Схема отпечатка левой передней лапы бурого медведя: а — ширина пальмарной мозоли

Рис. 3. Свежие следы бурого медведя. Румыния, декабрь. Фото S. Attila

ше 150 тысяч, у нас в стране пока нет достаточного количества лабораторий, оснащённых аппаратурой и обеспеченных квалифицированными специалистами, да и проведение анализа последовательности ДНК одного образца стоит около 500 руб. Поэтому передовые технологии не скоро станут общедоступными. Зато измерение ширины пальмарной мозоли на следах медведя доступно многим и не требует больших затрат. Но необходима методическая тщательность!

В недавно опубликованной статье А.С. Гилязова («Охота и охотничье хозяйство», №11, 2011) описано множество интересных подробностей из биологии буроого медведя Лапландского заповедника. Но в теме измерений ширины отпечатка передней лапы (Гилязов по ошибке пишет — «плантарной мозоли») возникают вопросы. Согласно Гилязову, для группы самых крупных медведей этот показатель составляет 18—22 см. У меня вызывает сомнение наличие столь крупных зверей на Кольском полуострове. Но это вопрос особый, и я планирую его обсудить в другой статье. Пока же отмечу, что за многие годы измерений пальмарной мозоли медведей (на почве или грунте) в Удмуртии, Кировской и Тюменской областях, на Верхней Печоре, в Западном Саяне я встретил отпечатки размером не более 17 см. Разумеется, отпечатки с признаками деформации (например, зверь поскользнулся при движении) я в расчёт не брал.

А.С. Гилязов приводит данные о размерах пальмарной мозоли местных медведей, которые были получены «холодной зятой весной 2007 года». В этой серии измерений отпечатки поменьше, для самцов указаны размеры 155—175 мм, что для северных популяций европейских бурых медведей довольно много. Однако в 2004 и 2006 гг. добавились медведи с размером пальмарной мозоли в 180 и 190 мм. К сожалению, автор нигде не уточняет, на каком субстрате (мох, грунт, снег) оставлены следы. Можно предположить, с учётом весеннего времени, что в части случаев был снег, но лучше бы это обстоятельство знать точно. Насколько такие подробности важны для оценки результата измерения, читатель, наверное, уже понял. В публикациях российских авторы нередко дают примеры следов медведей с огромной (20 см и более) шириной пальмарной мозоли. К сожалению, и здесь обычно не указано, на каком субстрате оставлены следы медведя. Редкое исключение — публикация П.И. Данилова и К.Ф. Тирронена (2011), которые назвали по одному уникальному случаю для Карелии и Финляндии. Отпечатки передних лап медведей с шириной 28 и 26 см были зарегистрированы поздней осенью, по снегу.

Работа методической направленности по изучению размеров отпечатков лап (и расстояний между ними) бурых медведей была проделана нами в 1985 — 1988 гг. в Ярском и Сюзинском районах Удмуртии (Пучковский,

Сунцова, 1991). В экспериментальной части исследования были использованы сравнительно простые модели лап медведя. Из доски толщиной 2 см были выструганы подошвы лап (без пальцев и когтей, с закруглением от нижней поверхности к боковой) и обтянуты листовым поролоном и полиэтиленовой плёнкой, которая располагалась снаружи. Размеры моделей: передней — 14,5 (ширина) x 13,0; задней — 14,0 (ширина) x 25,0 см. Размеры даны по верхней стороне модели; нижняя сторона, за счёт закругления, становится выпуклой и размеры её отпечатка на пластичном субстрате (глинистый грунт, например) меньше, чем полные размеры.

Экспериментатор укреплял модели с помощью ремней на руках и ногах и изображал передвижение медведя в дни с разной погодой и на разных субстратах. Получалась цепочка следов, измеряемых сериями по 20 отпечатков, причём следы с заметными признаками деформации были забракованы. Данные подвергнуты статистической обработке. Полученные результаты в сокращённом виде помещены в табл. 1, в этой статье обсуждаются только измерения ширины передней лапы зверя.

Очевиден довольно значительный размах изменчивости размера в пределах каждой, отдельно взятой, серии из 20 отпечатков (lim), а также заметная разница в средних данных (M), полученных на разных субстратах, свойства которых зависят от их меха-

нического состава, влажности и температуры воздуха. Разница между средними значениями в сериях 3 и 7 составила 3,26 см!

Различия в ширине отпечатков натуральной пальмарной мозоли медведей в зависимости от свойств субстрата (грунт) не столь велики, но также довольно заметны. В табл. 2 показаны результаты измерений (то же из 20 повторностей в каждом случае) отпечатков лап одного и того же зверя, но на разных грунтах. Разница между средними значениями серий 1 и 4 составила 0,53 см.

Измерения ширины пальмарной мозоли буроого медведя полезны для целей мониторинга, например, такая работа уже ведётся много лет в Тверской области (Бондарь и др., 2011). Полученные авторами результаты дают дополнительные возможности судить о многолетней динамике численности и соотношения основных групп, различаемых по размеру следов. Это пример получения данных об относительной численности вида. Однако для определения абсолютной численности населения медведей области (и отдельных административных районов) методика непригодна: изменчивость измерений отпечатков лап одного и того же зверя по ряду причин (индивидуальные особенности исполнителей, влияние свойств субстрата и проч.) порождает ошибку, которая вполне может превысить действительные различия в размерах пальмарной мозоли двух медведей близких размеров, обитающих совместно.

Таблица 1
Ширина отпечатков модели передней лапы буроого медведя на различных субстратах (Удмуртия, 1987—1988)

№ п/п	Условия	lim	M	±m	CV
1	Речной пляж с рыхлым речным песком, слегка прибитым дождем	11,5—14,6	12,95	0,16	5,35
2	Речной пляж с сырым песком	11,2—13,3	12,18	0,12	4,46
3	Речной пляж с плотным речным песком	11,2—12,5	12,04	0,07	2,74
4	Суглинистая почва на лесной дороге после дождя	12,0—15,5	13,58	0,19	6,20
5	Сырая глина	11,0—13,0	12,07	0,14	5,05
6	Пашня после дождя, супесь	11,5—14,0	12,90	0,16	5,71
7	Снег, уплотнённый ветром и морозом, глубиной 20 см, t° воздуха минус 25 °С	14,2—15,4	15,30	0,07	1,4
8	Снег глубиной 3—5 см, t° воздуха минус 5—7 °С	13,0—16,4	14,80	0,18	5,45

Таблица 2
Данные измерения ширины передних следов взрослого самца буроого медведя на разных грунтах (Ярский район, 1988)

№ п/п	Описание субстрата	lim	M	m	CV
1	Лесовозная дорога, грунт супесчаный, плотный, сухой	15,5—16,5	15,98	0,08	2,12
2	Лесовозная дорога, грунт суглинистый, сырой	15,8—16,6	16,10	0,06	1,59
3	Пашня, почва суглинистая	15,7—16,3	16,03	0,04	1,15
4	Пашня, почва вязкая суглинистая	16,2—16,8	16,51	0,04	0,95

Более полное выявление состава популяции с различием возраста, пола и индивидуальности (для взрослых зверей), семей и гонных групп можно осуществить на ключевых территориях сравнительно небольшой площади (150—200 км²). Такая работа требует высокого уровня организации учётных работ и затраты значительно больших усилий на единицу площади (Пажетнов, 1990; Пучковский, 1993; Пучковский, Борисов, 2001). Для решения этой задачи нужны подготовленные исполнители, способные достаточно точно измерять отпечатки лап, оценивать свежесть следов, учитывать погодные условия на момент прохождения зверя и во время регистрации следа, давать характеристику субстрата. Особенно важно учитывать отличия следов, оставленные зверем на почве (или грунте) от следов на снегу, свойства которого очень изменчивы.

Результаты, полученные на ключевых участках, дадут возможность сделать пересчёт численности и плотности (метод экстраполяции) на территории с близкими значениями относительной численности медведей.

Известно множество способов приблизительной оценки размера следов медведя: шапкой (след «шапкой не накроешь!»), спичечным коробком, «мерным» пальцем, листочком из тетради в клеточку и т. д. Если читатель заинтересован в точности своих измерений, нужно достаточно строго следовать некоторым простым правилам, желательно также учитывать рекомендации.

1. Пользуйтесь жёсткой линейкой, достаточная длина её — 25 см. Будьте осторожны с пластиковыми линейками, которые легко деформируются от жара. Для больших размеров (ширина шага зверя и проч.) припасите мягкую сантиметровую ленту или рулетку.

2. Желательная точность измерений — 1 мм. При возможности измеряйте два десятка следов и рассчитайте средний показатель. Такое среднее значение будет для вас надёжным опорным показателем.

3. С учётом изменчивости размеров отпечатков по ряду причин (названы выше), различать конкретных зверей в одной местности с точностью до 1 мм у нас не получалось. На практике мы при-

меняли различия в 0,5 см, в записи это выглядело так: след медведя — 13,5.

4. Собирайте полученные средние показатели для медведей разного пола и возраста в вашем районе. Они ценнее, чем любые данные, полученные в других регионах, и помогут вам в последующей работе.

5. Указывайте и учитывайте свойства субстрата. Особенно внимательно отнеситесь к следам на снегу, при этом укажите состояние погоды и свойства снега (сухой — сырой, рыхлый — плотный, свежий — многодневный и т. д.).

6. Полезно организовать свой эталон состояния следов на снегу. В огороженном месте нанесите в ряд десяток отметин (половником, донышком бутылки и т. д.), каждый день измеряйте их размер. После измерений нанесите следующую цепочку следов и так — вся дни, пока есть на чём оставлять следы. Результаты измерений записывайте.

Известно, что охотников отличает независимость характера и смекалка, это прекрасные качества. Но не забудьте про сравнимость результатов, а для решения такой задачи необходимо единство методики.

Юдаков А.Г., Николаев И.Г. **Зимняя экология амурского тигра.** По стационарным наблюдениям 1970 — 1973, 1996 — 2010 гг. в западной части Среднего Сихотэ-Алиня /20 изд., испр. и доп. — Владивосток: Дальнаука, 2012, 202 с.

В монографии отражены результаты полевых исследований экологии и поведения амурского тигра — редкого подвида, находящегося под угрозой исчезновения и внесённого в Красную книгу Российской Федерации. На основании длительных зимних троплений тигровых следов на стационарном участке в Среднем Сихотэ-Алине впервые подробно охарактеризованы перемещения тигров разного пола и возраста, величина и структура их

участков обитания. Выяснена пространственная структура популяции этого вида на исследуемой территории. Освещена роль снежного покрова в жизни тигра и другие вопросы его зимней экологии, также приводятся данные по поведению тигров при встречах с человеком.

Во 2-е издание добавлены новые данные в таблицу размеров тигриных следов, глава о современном состоянии группировки тигров и условиях их обитания на стационарном участке, а также приложение с очерком о А.Г. Юдакове.

Предназначена для зоологов, специалистов по охране природы и охотничьему хозяйству, а также широкому кругу читателей.

Охотники, заготовители, предприниматели!

Покупаем за наличный и безналичный расчёт шкурки и хвосты беличьи, колонковые. Оплату поставленного Вами сырья, расходов по пересылке - гарантируем в кратчайшие сроки.

610004 г. Киров, ул. Р. Люксембург, 23

тел. (8332) 64-94-27, факс 64-03-22

E-mail: Snab@brush.kirov.ru

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Из славной плеяды первопроходцев К 180-летию со дня рождения М.И. Венюкова

Л. МАМОНОВ. Фото автора

Первым пионером обстоятельного географического исследования почти всего течения реки Уссури был М.И. Венюков. Результатом этого первого русского путешествия вдоль всего течения Уссури была съемка реки и множество расспросных сведений о притоках реки, талантливо сгруппированных и изложенных путешественником в его интереснейшей статье «Обозрение реки Уссури».

П.П. Семенов—Тянь-Шанский

Летом 1857 г. пароход-корвет «Америка» открыл удобные бухты в Японском море: Святой Ольги и Святого Владимира. Необходимо было разведать путь к этим бухтам от реки Уссури. Для решения этого вопроса государственной важности в декабре 1857 г. генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев вызвал из Иркутска в Петербург молодого офицера, выпускника академии Генштаба Михаила Ивановича Венюкова. Сам Михаил Иванович впоследствии вспоминал: «Генерал-губернатор объявил, что эта экспедиция будет поручена мне. Лучшей программы деятельности на будущее лето нельзя было придумать, и я с жаром занялся приготовлениями к предстоящему странствованию: прочитал все, что было написано о Маньчжурии и Японском море, скопировал карты, сделал длинные выписки».

В июне 1858 г. экспедиция в составе 16 человек, возглавляемая Михаилом Ивановичем Венюковым, вышла из станции Казакевичево, что была расположена при впадении Уссури в Амур. Отряд направился вверх по реке Уссури, таща за собой на веревках тяжело груженные лодки. Экспедиции предстояло преодолеть сотни верст по нехоженой тайге, найти перевал к морю через мощные хребты Сихотэ-Алиня, составить точную карту. «Не желая, чтобы составленная мною карта оставалась в недоумении тех, которые бы стали руководствоваться ею, я не позволил себе определять расстояния на глаз, а прошел все пространство от Уссурийского поста до устья Лифула пешком, ведя счет шагам», — вспоминал впоследствии Венюков. — «Путь по высокой, густой траве на берегах, местами по грязи, крупным камням или лесной чаще очень утомлял меня, так что иногда я засыпал немедленно по окончании съемочной работы, успев лишь написать дневник». Во время практически всей экспедиции шел дождь. Водой пропиталась вся одежда, портились продукты. 15 июля отряд по реке Фудзин вышел на перевал — Сихотэ-Алинь был впервые покорен русскими людьми (в настоящее время перевал носит имя М.И. Венюкова и на нем установлен памятный знак). Еще через три дня пути, 18 июля, экспедиция вышла к Японскому морю,

на несколько десятков верст севернее залива Святого Владимира. «Я — писал в своем дневнике Венюков — вышел на берег Японского моря не около Владимирской гавани, а несколько восточнее и севернее... В знак нашего пребывания в тех местах поставлен крест с надписью, что мы были там». Исправить ошибку и пройти последние 35 верст до Владимирской гавани помешали внезапная болезнь Венюкова (сам он полагал, что его отравил китаец, у которого накануне он был в гостях) и толпа из 30 вооруженных китайцев, перегородивших путь экспедиции. «Взяв на себя ответственность за несовершенный успех дела, с глубоким сожалением повернули мы на прежнюю дорогу» — писал Венюков в отчете «Обозрение реки Уссури и земель к востоку от нее до моря».

Эта экспедиция навечно поставила М.И. Венюкова в ряд первопроходцев восточной окраины Российской империи.

Русский путешественник, географ и этнограф XIX в. Михаил Иванович Венюков родился 23 июня (5 июля) 1832 г. в мелкопоместной дворянской семье в селе Никитинском Вязанской губернии. Отец — Иван Андреевич из древнего, но разорившегося, дворянского рода, мать — Елизавета Михайловна. В семье не было средств для прокормления всех детей, и маленького Мишу отдали на воспитание бабушке — Кутузовой Елизавете Петровне. Уже в 5 лет мальчик научился читать и прочитал много книг, в основном о разных странах, что, очевидно, сказалось впоследствии на выборе им жизненного пути. В 13 лет Михаил был зачислен во второй класс кадетского корпуса в Петербурге, и в 1850 г. закончил его в чине артиллерийского прапорщика. Ни муштра, ни розги не убили живой души Венюкова. Даже проходя службу на батарее, он продолжал заниматься самообразованием. Большое влияние на молодого офицера оказали запретные в то время книги Герцена (в 1867 г. состоялась и личная встреча с ним). В 1853 г. Михаил Иванович начал работать репетитором физики в кадетском корпусе, посещая одновременно лекции по естествознанию в университете. Год спустя он поступает в Академию генерального штаба, кото-

Михаил Иванович Венюков (1832—1901)

рую заканчивает в 1856 г. Свое восхождение в плеяду первопроходцев дальневосточного края поручик Венюков начал в мае 1857 г., в Иркутске, куда он прибыл в качестве адъютанта штаба войск Восточной Сибири. Здесь на него обратил свое внимание «собиратель дальневосточных земель» под крыло России, генерал-губернатор Н.Н. Муравьев (в то время еще не Амурский), предложив Венюкову ехать вместе с ним на Амур. В те времена амурский вопрос на Дальневосточных российских рубежах стоял очень остро. Крымская война развязала руки ряду западных держав, которые начали боевые действия, имеющие цель оттеснить Россию от берегов Тихого океана. Героическая оборона Петропавловска нарушила их планы, но задача укрепления дальнейшей обороны края оставалась актуальной. Для решения этой самой задачи губернатор лично осматривал новые земли, снаряжал и напутствовал переселенцев. 19 июня 1857 г. Венюков впервые увидел Амур и стал не столько свидетелем, сколько участником весьма значимых для Отечества исторических событий, суть которых он изложил в «Воспоминаниях о заселении Амура в 1857—1858 годах».

«Это не были нашествия русских войск с целью кого-либо разгромить или покорить оружием... Присоединение его (Амура. — Л.М.) не стоило России ни капли крови, ни единого выкупленного патрона. Войска брались на всякий случай... а главное — как рабочая сила для водворения русских оседлых» — писал автор в своих «Воспоминаниях». Эта экспедиция явилась

хорошей школой для молодого исследователя. Он получил капитальные навыки полевых работ, описал край и, что немаловажно, стал смотреть на вещи и явления с государственных позиций в интересах России. Наградой за его вклад в дело освоения Амура стал орден Св. Анны.

В июне 1858 г. состоялась экспедиция, описанная в начале этой статьи, во время которой русские люди впервые прошли через Сихотэ-Алинь. В сентябре месяце, во время работы над отчетом этой экспедиции, Венюков решил покинуть ставшие ему родными Дальневосточные берега. Причиной тому стали штабные дразги. Его недоброжелатель, в лице непосредственного начальника, К. Будогоский назвал Венюкова выскочкой и всеми силами пытался навредить своему сопернику по карьере. В декабре 1858 г., в Иркутске, Венюков сдал отчет губернатору и прямо высказал ему, что «интриг против себя... терпеть не намерен». Губернатор, в свое время сам испытывав-

ший в полной мере «козни двора», возражать не стал и 15 января 1859 г. Венюков покинул Восточную Сибирь.

По прибытии в Петербург М.И. Венюков 7 марта 1859 по высочайшему повелению был назначен начальником экспедиции в Туркестан, на реку Чу. Затем была служба на Кавказе, в Польше, но везде, где бы он не служил, в глаза бросался низкий моральный уровень чиновников, финансовые манипуляции, расхищение государственных земель, взяточничество. Обо всем этом он неоднократно писал в своих статьях, чем приобрел немало недругов. В 1869—1870 гг. Венюков совершает кругосветное путешествие, посещает Китай, Японию. В 1871—1876 гг. Михаил Иванович проходит службу в Генеральном штабе, откуда и увольняется в чине подполковника. Венюкову полагалась пенсия, но он от нее отказался: «Считаю... обременением казны, когда пенсия дается человеку, не искалеченному на службе и способному трудиться...»

Благодаря своим научным трудам, М.И. Венюков был широко известен в научном мире многих зарубежных стран, но в России он чувствовал себя весьма неуютно. Слишком смелые и острые выступления снижали ему славу неблагонадежного. 20 сентября 1877 г. Венюков пишет императору Александру II письмо, где беспощадно критикует бюрократические порядки, обличает злоупотребление властью, корыстолюбие и беспринципность многих представителей знати, включая членов царской семьи. Там же он отмечает: «Можно лишить меня полученных в течение 26 лет отличий, можно вычеркнуть мое имя из списка русских граждан, но нет силы, которая бы могла исключить меня из числа преданных сынов земли русской». Находясь в невыносимых условиях душевного разлада М.И. Венюков принимает решение уехать из России в Париж.

В Европу М.И. Венюков пошел уже довольно зрелым географом и достойно представлял русскую географическую мысль на международном географическом конгрессе, проходившем в Париже. Труды его переведены на английский, французский и немецкий языки. Именно Венюков впервые познакомил Европу с трудами Н.М. Пржевальского и других исследователей Азии. Во время эмиграции Михаил Иванович очень переживал разрыв с Россией, но возврата на Родину ему не было из-за его критических статей. Большого, нищего и одинокого его подобрали на улице Парижа 3 (16) июня 1901 г., где он и закончил свой земной путь в одной из больниц. Похоронен в Ницце. Задолго до своей смерти М.И. Венюков распорядился своим наследством: книги, карты и рукописи он завещал Хабаровской городской библиотеке, а свои скромные средства разделил между школами в с. Никитинском (где он родился) и в с. Венюково на р. Уссури, названном в его честь.

Даже спустя многие годы стойкое

отношение к эмигрантам, как отщепенцам русской культуры, царившее в советской историографии, поставило гриф секретности на трудах М.И. Венюкова, а ведь они актуальны как никогда для нынешней России. Главным в них стоял вопрос: быть или не быть нашему тихоокеанскому побережью прочным? Венюков считал присоединение Приамурского края наиболее замечательным событием XIX века, позволившем мирным путем выйти к открытому морю, где Россия сможет развить свои морские силы и приобрести мировое влияние. Он также считал, что только добровольное переселение на Дальний Восток, только крепкие крестьянские хозяйства могут создать базу для процветания края. Венюков писал: «Мы преступно мало обращаем внимания на эту далекую нашу окраину». Невольно при этом вспоминается положение края: разоренные колхозы и совхозы, заросшие сорняками поля, обнищавшее и спившееся крестьянство (да и не только оно), жалкое прозябание военного и гражданского флотов, разваливающаяся промышленность. В своих трудах Венюков, уже на уровне глобальных мировых проблем, обратил свое видение на управленческую организацию внутрироссийского пространства. Именно сочетание военно-географического подхода с политической этнографией и демографией позволили выйти ему на несколько иной уровень оценки значения азиатских окраин. Очевидно, это и есть державность, оправданная не только родовой фамилией и гербом, но и всей жизнью.

Нынешнее поколение русских людей не должно забывать свою историю. Преступно в наше время быть «Иванами, родства не помнящими». Необходимо воздать дань уважения русскому географу и исследователю Дальнего Востока и Восточной Сибири, русскому первопроходцу. Для этого необходимо по крайней мере собрать средства для строительства памятника М.И. Венюкову и установить его на перевале Сихотэ-Алинь, который носит ныне его имя.

Памятный знак на перевале М.И. Венюкова. Сихотэ-Алинь. Установлен в 1959 г. Этот перевал прошли: Венюков М.И. 1858 г., Пржевальский Н.М. 1887 г., Арсеньев В.К. 1906 г.

Таёжная река

Паразитарные пузыри в тушах лосей

С. ШЕСТАКОВА, кандидат ветеринарных наук; Т. НОВИКОВА, доктор ветеринарных наук, профессор, Вологодская молочно-хозяйственная академия им. Н.В. Верещагина; М. БРИТВИН, главный врач поликлиники № 5, г. Вологда

На территории Российской Федерации лось распространен практически повсеместно. В Вологодской области в последние годы увеличилось количество лосей и составляет около 27 тыс. голов. Это связано в первую очередь со значительным снижением годовой нормы отстрела лосей, численности волков и уровня браконьерства. Однако есть ряд факторов, сдерживающих рост численности лося. Одним из них является наличие различных заболеваний, в том числе гельминтозов.

Мясо лосей — ценный продукт питания. К сожалению, лоси могут поражаться тканевыми гельминтозами, что в некоторых случаях может быть опасно для человека.

Изучению гельминтозов диких жвачных в большинстве регионов России не уделяется должного внимания. Практически нет разработок по профилактике и мерам борьбы с гельминтозами диких жвачных. В связи с этим на кафедре эпизоотологии и микробиологии факультета ветеринарной медицины Вологодской государственной молочно-хозяйственной академии им. Н.В. Верещагина в 2004 г. была начата работа по изучению паразитофауны лося в условиях Вологодской области. За этот период были обследованы внутренние органы 43 лосей из различных районов области. Среди выявленных паразитарных болезней лося наибольший интерес представляют паразиты, локализирующиеся во внутренних органах (сердце, печени, легких и

т.д.) и в мышцах. Среди этих паразитов есть виды, потенциально опасные для человека и сельскохозяйственных животных. Эти гельминтозы наносят максимальный экономический ущерб в виде выбраковки туш и внутренних органов лосей.

Паразитарные пузыри во внутренних органах лосей были обнаружены у 19 из 43 обследованных животных, что составляет 44,86%. Размеры пузырей сильно варьировали. Так, пузыри, расположенные на сердце, имели величины 1—1,5 см в диаметре (рис. 1), на печени и легких — от нескольких миллиметров до 8 см в диаметре (рис. 2), на сальнике и брыжейке кишечника достигали диаметра до 15 см (рис.3).

Наружная оболочка пузыря может быть тонкой полупрозрачной или довольно толстой и матовой. Внутреннее содержимое пузыря представлено жидкой или студенистой массой, или творожистым содержимым.

Чаще всего пузыри являются личинками гельминтов (народное — глистов), которые во взрослом состоянии паразитируют в кишечнике домашних и диких плотоядных животных (собаки, волки, лисы, енотовидные собаки, рыси, куницы, кошки). Эти животные во внешнюю среду выделяют с фекалиями яйца паразитов, которые загрязняют почву, траву, грибы, ягоды, воду. Лоси и некоторые другие животные (кабаны, коровы, козы, овцы, домашние свиньи, а в некоторых случаях и человек) заражаются при поедании кормов, загряз-

ненных яйцами паразита или при питье воды. В их кишечнике оболочка яйца растворяется, яйцо с кровью и лимфой заносится в ткани организма (чаще в печень и легкие). Там начинается рост личинки в виде пузыря, размер которого может быть от нескольких мм до головы новорожденного ребенка. Продолжительность жизни паразитарных пузырей в организме лося обычно совпадает с длительностью жизни самих лосей. По мере роста пузыри оказывают давление на органы, вызывая их атрофию. При локализации их в печени часто развивается цирроз; в легких — ателектаз и фиброз легких. Пораженные органы значительно увеличиваются в размере и весе. Увеличенные органы дают на сердце, селезенку, сосуды, нервные сплетения, вызывая нарушения пищеварения, кровообращения. При разрыве пузырей возможны перитониты, плевриты и другие осложнения.

Собаки, волки, лисицы и другие плотоядные заражаются при поедании органов и тканей животных, пораженных паразитарными пузырями. В их кишечнике личинки освобождаются от оболочки и с помощью крючков и присосок прикрепляются к слизистой оболочке тонких кишок и начинают расти, формируясь в половозрелых ленточных паразитов (в течение 2—3 мес. после попадания личинок в организм хищника). Взрослые гельминты имеют длину от нескольких мм до 4—5 м. У одной собаки (волка, лисы) могут одно-

Рис. 1. Пузыри на сердце лося

Рис. 2. Пузырь с толстой оболочкой на печени

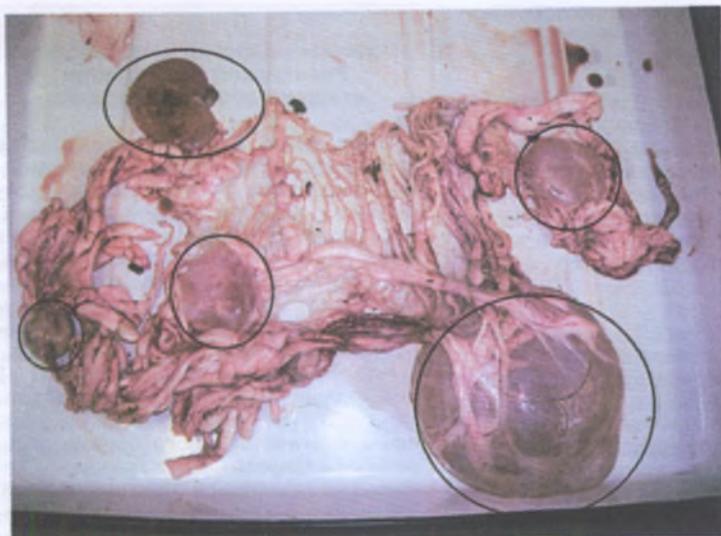

Рис. 3. Пузыри на сальнике

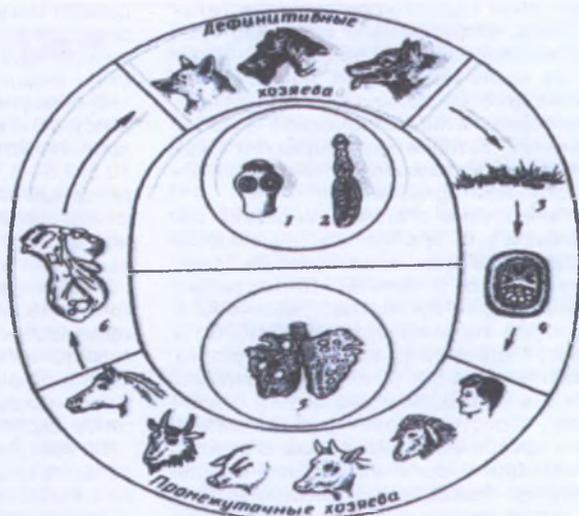

Рис.4. Схема развития тканевых паразитов:
1 – голова паразита; 2 – общий вид гельминта,
3 – загрязнение яйцами внешней среды; 4 – строение яйца; 5- пузыри в легком; 6 – пузыри в печени

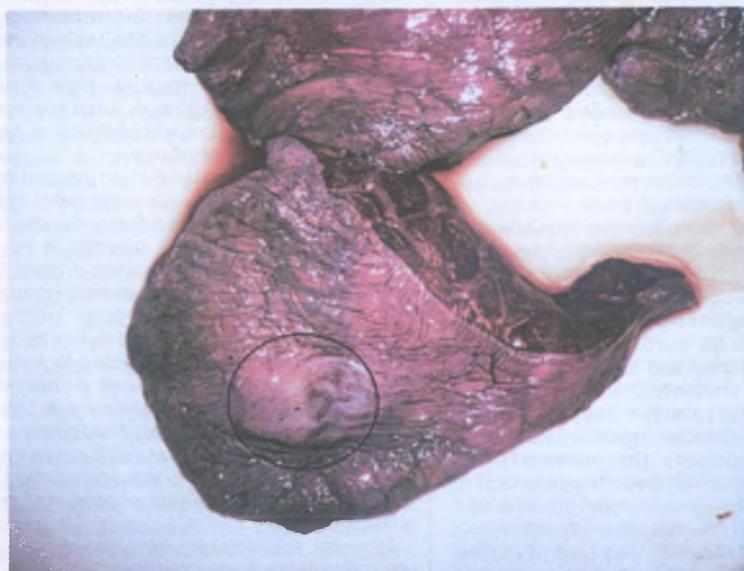

Рис.5. Эхинококковый пузырь в лёгких лося

Рис.6 Эхинококковый пузырь на поверхности печени лося

Рис.7. Эхинококковый пузырь в толще печени

Рис. 8. Паразитарные пузыри в сердце лося

временно паразитировать сотни гельминтов, загрязняющих внешнюю среду яйцами паразита (рис. 4).

Из числа выявленных тканевых паразитов потенциально опасным для человека является **эхинококкоз** — заболевание, которое характеризуется явлениями интоксикации и иммунной перестройкой организма.

Личиночную стадию эхинококка мы выявили у 15 % обследованных лосей. Пузыри при этом локализовались в легких (рис. 5) и печени. Пораженные органы были бугристые, увеличены в размере. На их поверхности (рис. 6.) и внутри органов (рис. 7) обнаружены округлые пузыри различной величины (от 5 мм до 8 см в диаметре), имеющие слоистую оболочку и наполненные прозрачной жидкостью. В местах фиксации к органам пузыри имели молочно-белый цвет. У части животных в толще печени и легких прощупывались образования размером 2,5x2,5 см, которые флюктуировали при прощупывании. Внешний вид органов на первый взгляд соответствовал норме. После разреза этих образований обнаружена полупрозрачная жидкость красноватого цвета. Наружная капсула пузыря молочно-белая, матовая, толстая. Внутренняя оболочка белая, легко отделялась, что является характерной чертой паразитарных пузырей. Количество пузырей у одной особи колебалось от единиц до нескольких десятков.

На территории регионов, где встречается эхинококкоз животных, регистрируется и эхинококкоз человека. Так, в Вологодской области выявлены единичные случаи заболевания эхинококкозом людей: за последние 10 лет в области зарегистрировано 14 случаев эхинококкоза с тенденцией выраженного прироста заболеваемости: за последние три года зарегистрирован 71 % случаев от числа выявленных. Три случая можно рассценивать как завозные (Астрахань, Казахстан). При анализе было выявлено, что заболевшие люди посещали лесные массивы с целью охоты и сбора грибов и ягод. Можно предположить, что факторами передачи послужили: вода открытых водоемов, употреблявшаяся без кипячения; руки, загрязненные зараженной почвой; ягоды, поедаемые при сборе. Необходимо знать, что непосредственно заражения охотников при разделке туши лося произойти не может. Но при вскрытии пузырей происходит заражение внешней среды. Собаки и дикие хищники при поедании внутренних органов, содержащих пузыри, заглатывая личинки паразитов и примерно через 2 мес. начинают выделять во внешнюю среду яйца гельминтов. Охотники могут заразиться эхинококкозом при снятии и выделке шкур волков, лисиц, рысей и других диких и домашних хищников, при вдыхании пыли, содержащей мельчайшие частицы кала больных животных. Лечение больных людей осуществляется только хирургическим путем, причем это не всегда приводит к выздоровлению, так как

пузыри могут одновременно локализовываться в различных органах и в различном количестве. Это может привести к инвалидности.

В скелетной мускулатуре, в сердце (рис. 8) и языке обнаружены пузыри продолговатой формы, размерами 7,0—10,5x2,5—4,5 мм. Такие личинки ветеринарные эксперты часто диагностируют как личинки бычьего цепня (финноз или цистицеркоз), поскольку места локализации и внешний вид пузырей при этих заболеваниях одинаковы. Большое количество пузырей приводит к выбраковке целых туш лосей, так как финноз является заболеванием, опасным для человека (циркуляция возбудителя происходит между человеком и крупным рогатым скотом).

Во всех доставленных нам для исследования тушах, пузыри в сердце, языке и мышцах оказались личинками оленьего цепня, паразитирующего во взрослом состоянии у домашних и диких плотоядных, а в личиночной стадии — у лосей (для человека не является опасным). Однако не исключена возможность заболевания лосей финнозом (личинками бычьего цепня).

Самостоятельно отличить опасные или неопасные пузыри для человека охотники не смогут, поэтому необходима обязательная ветеринарно-санитарная экспертиза органов.

Для борьбы с тканевыми гельминтозами при нутровке туш охотничье-промысловых животных категорически запрещается скармливать собакам пораженные внутренние органы добытых животных или их части. Все отходы от нутровки необходимо сжигать или закапывать на глубину 2 м. Охотничьих собак, в соответствии с ветеринарным законодательством, необходимо дегельминтизировать (пролечивать от глистов) перед началом охотничьего сезона и далее ежемесячно до его завершения. Но, по нашему убеждению, дешевле, а главное, без ущерба для здоровья собак, исследовать их фекалии по такому же графику, что и проведение дегельминтизации. Необходимо помнить, что в большинстве случаев антигельминтики (препараты против глистов) снижают иммунную защиту организма и губительно действуют на нормальную микрофлору кишечника, что негативно отражается на рабочих качествах собак. Исследование собак на гельминтозы проводят в ветеринарных клиниках и районных ветеринарных лабораториях. В случае обнаружения паразитов собак дегельминтизируют. После дачи лекарственного препарата собаку выдерживают на привязи в течение 24 час. Все выделенные после дегельминтизации собак экскременты сжигают или обезвреживают в емкости с 5—10 %-ным раствором хлорной извести в течение 3—4 час. Нельзя брать воду для питьевых целей из естественных водоемов, где имеются места подхода к ним диких животных.

Эта информация полезна для всех людей, связанных с охотой.

Н. АСТАФЬЕВ,
Почётный работник Прокуратуры
Российской Федерации,
старший советник юстиции

В последнее время принят ряд правовых актов, имеющих отношение к оружию, в том числе к охотничьему. Следуя давней традиции, наш журнал информирует своих читателей об этих правовых актах.

I. Ряд правовых норм Федерального закона “Об оружии” Конституционным Судом РФ признаны не соответствующими Конституции РФ.

Например, в части десятой ст. 13 Федерального закона “Об оружии” сказано, что право на приобретение охотничьего огнестрельного оружия с нарезным стволом имеют граждане, которые не совершили правонарушений, связанных с нарушением правил охоты, правил производства оружия, торговли оружием, продажи, передачи, приобретения, коллекционирования или экспонирования, учёта, хранения, ношения, перевозки, транспортирования и применения оружия. При этом не уточняется уголовно наказуемое правонарушение или наказуемое в административном порядке.

Эта правовая норма в Инструкции по организации работы органов внутренних дел по контролю за оборотом гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации, утвержденной приказом МВД России от 12 апреля 1999 г. № 288 (далее Инструкция) с последующими изменениями, изложена в такой редакции: аннулирование лицензий и разрешений осуществляется в случае возникновения предусмотренных Федеральным законом “Об оружии” обстоятельств, исключающих возможность получения лицензии или разрешения (ст. 100 п. “в”).

Исходя из закона, получается, что гражданин за единственный случай, например, привлечения к административной ответственности за нарушение правил оборота оружия или нарушения правил охоты, пожизненно лишается права на приобретение охотничьего нарезного оружия.

Конституционный Суд РФ в своём постановлении от 29 июня 2012 г. по делу о проверке конституционности положения части десятой статьи 13 Федерального закона “Об оружии” в связи с жалобами граждан Г.В. Белокриницкого и В.Н.Тетерина признал положение части десятой статьи 13 названного закона не соответствующим Конституции РФ “в той мере, в какой оно, не конкретизируя срок запрета на приобретение охотничьего огнестрельного оружия с нарезным стволом гражданами, совершившими правонарушение, связанные с нарушением правил охоты, правил производства оружия, торговли оружием, продажи, передачи, приобретения, коллекционирования или экспонирования, учёта, хранения, перевозки, транспортирования и при-

Юридическая консультация

менения оружия, а также вид юридической ответственности, в связи с которой назначается данная административно-предупредительная мера, в силу своей неопределённости, порождающей возможность неоднозначного толкования и произвольного применения, позволяет рассматривать её как установленную в отношении таких граждан бессрочно — вне зависимое от степени общественной опасности и тяжести совершённого правонарушения, а также срока, в течение которого лицо считается подвергнутым административному или уголовному наказанию”.

Таким образом, в названной части ст. 13 Федерального закона “Об оружии” с 29 июня 2012 г. не подлежит применению, соответственно, не подлежит применению в этой части и Инструкция”.

Конституционный Суд РФ предложил законодателю внести в Закон “Об оружии” необходимые изменения.

Какие и когда будут внесены изменения в закон наш журнал проинформирует читателей. До этого времени при разрешении споров по изложенным вопросам можно сослаться на названное постановление Конституционного Суда РФ, так как оно обжалованию не подлежит, вступило в силу после провозглашения, то есть 29 июня 2012 г., действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

2. Приказом МВД РФ от 27 апреля 2012 г. № 372 утверждён Порядок проведения проверки у граждан РФ знания правил безопасного обращения с оружием и наличия навыков безопасного обращения с оружием в организациях, определённых Правительством РФ (далее Порядок).

Вот некоторые положения этого Порядка.

Для проверки знаний в организации, которая занимается обучением, создаётся комиссия, в которую включаются

преподаватели, руководители организации, а также должностные лица лицензионно-разрешительной работы органов внутренних дел.

Проверяются теоретические знания и практические навыки, включающие практические упражнения с использованием гражданского оружия.

Те граждане, которые проходят периодическую проверку, при проверке практической части, могут использовать гражданское оружие и патроны к нему, принадлежащие им на законных основаниях.

К проверке знаний допускаются граждане, которые прошли полный курс подготовки по соответствующей программе, а также те граждане, которые уже являются владельцами огнестрельного оружия ограниченного поражения, газовых пистолетов, револьверов, гражданского огнестрельного гладкоствольного длинноствольного оружия самообороны и обязанные пройти не реже одного раза в пять лет периодическую проверку знания правил безопасного обращения с оружием и наличия навыков безопасного обращения с оружием.

Для прохождения проверки граждане должны подать заявление в комиссию по установленной форме, документ, удостоверяющий личность гражданина РФ.

Тем гражданам, которые должны проходить периодическую проверку один раз в пять лет, необходимо представить копию лицензии на приобретение соответствующего оружия или копию разрешения на право хранения или хранения и ношения огнестрельного оружия.

Проверку теоретических знаний комиссия проводит с использованием карточек, в которых имеется по 10 вопросов с не менее чем двумя вариантами ответов. При 2-х и более ошибочных ответов выставляется неудовлетворительная оценка. Кто сдал теоретическую часть проверки, допускается к практической части, но предварительно проходит инструктаж по технике безопасности. Если испытуемый не

выполнил одно из контрольных упражнений, он считается не прошедшим практическую часть проверки.

Результаты проверки оформляются актом, который вручается гражданину. В случае, если он не сдал теоретическую часть проверки, то к акту прилагается карточка опроса с отмеченными вариантами ответов. Если он не выдержал практическую часть, то к акту прилагается протокол о прохождении практических упражнений.

Копии карточек и протоколов хранятся в организации в течение 5 лет.

Данные о лицах, прошедших проверку, результаты проверки представляются в соответствующий территориальный орган МВД.

Решение комиссии о результатах проверки может быть обжаловано в соответствии с действующим законодательством.

Надо иметь в виду, что в соответствии со статьей 13 Федерального закона об оружии, подготовку и проверку знания правил безопасного обращения с оружием и наличия навыков безопасного обращения с оружием обязаны пройти граждане, впервые приобретающие гражданское огнестрельное оружие, гражданское огнестрельное оружие ограниченного поражения, газовые пистолеты, револьверы или охотничье пневматическое оружие, за исключением граждан, имеющих разрешение на хранение, или хранение и ношение огнестрельного оружия, граждан, проходящих службу в государственных военизированных организациях и имеющих воинские звания, либо специальные звания или классные чины, либо уволенных из этих организаций с правом на пенсию.

Владельцы огнестрельного оружия ограниченного поражения, газовых пистолетов, револьверов, гражданского огнестрельного гладкоствольного длинноствольного оружия самообороны должны проходить проверку знания правил безопасного обращения с оружием и наличия навыков безопасного обращения с оружием в определенных Правительством организациях в соответствии с названным порядком не реже одного раза в пять лет.

Итоги фотоконкурса «Охота и природа, 2012»

Подводя итоги фотоконкурса, редакция решила:

Первую премию (10000 р.) присудить Колобову Александру Евгеньевичу за серию фотографий о природе Карелии.

Вторую премию (5000 р.) присудить Тишкевичу Сергею Александровичу за ряд фотоочерков об охотничьих животных и охоте на них.

Третьею премию (3000 р.) присудить Трапезникову Павлу Николаевичу за фотоочерк по Архангельской области и (3000 р.) Бровашову Александру Федоровичу за фотографии зверей и птиц.

Редакция журнала благодарит всех участников конкурса. Ваши фотографии, и получившие, и не получившие премии, могут быть использованы в качестве иллюстраций к очеркам и статьям, публикуемым в журнале.

Просьба к участникам конкурса – сопровождать присылаемые фото небольшим текстом, объединяющим их в тематические очерки.

Условия фотоконкурса «Охота и природа, 2013» читайте в журнале №1, 2013 г.

Медвежонок

А. ДИГИЛЕВИЧ
Фото автора

В один из отдаленных районов Вологодской области я поехал ранней весной на глухариный ток попытаться провести фотосъемку. Поселился в деревне у старого охотника, знавшего эти места. Неподалеку жила бригада лесорубов, которые заготавливали лес. Вскоре к нам в избу зашел один из них и сказал мне (они узнали, что я фотокорреспондент), что из берлоги поднялась медведица и убежала, остался один маленький медвежонок.

Мы сели в машину и быстро направились к месту событий. Медвежонок был крохотный, но очень активный. Он долго не давался в руки, был агрессивен, ловко изворачивался, но голод и усталость взяли свое и он был пойман. Его покормили и поместили в темное помещение. Через несколько дней я вновь к ним заехал, медвежка стал почти ручным. Бригадир лесорубов сказал, что скоро за ним приедут и заберут для цирка.

Лес в России рубили всегда и большей частью в зимнее время. Но зима на нашем севере (Вологодская, Архангельская, Карелия и др. регионы, не говоря уж о Сибири) продолжается до мая, т.е. до того времени, когда у многих лесных обитателей появляется потомство. Техника и люди в лесу часто становятся непроизвольными виновниками лесных трагедий. Нарушенная берлога или другое логово, где находятся детёныши, чаще всего приводит к их гибели. В этот начальный период своей жизни малыши совершенно беззащитны и абсолютно не приспособлены к самостоятельной жизни. Хотя иногда некоторым из них везёт, как этому медвежонку, и они попадают в руки добрых людей. Как складывается дальнейшая судьба этих найдёнышей тема отдельного разговора, но счастливой её редко можно назвать.

Русская охотничья культура

Е. ЦЕЛЫХОВА

Сегодня часто говорят о сильном упадке культуры современного общества в целом и охотничьей культуры в частности. А что же вообще представляет собой охотничья культура? Как мне кажется, её возможно определить как *совокупность достижений человечества в области охотничьей деятельности, всего того опыта, который был накоплен за время существования и активности человека-охотника*. Таким образом, как основные относительно универсальные для всех стран элементы охотничьей культуры могут выступать:

- практическое и теоретическое охотничье дело (охотоведение и охотничье хозяйство), включающее техники практических охот;

- охотничье образование (любые ипостаси передачи охотничьих умений и навыков — от практического обучения в семье, заканчивая специальными школами, осуществляющими подготовку к сдаче государственного охотничьего экзамена и специальными высшими учебными заведениями, готовящими охотоведов — профессионалов); обращение с оружием и навыки практической стрельбы; обращение с добытой дичью, трофейная традиция; охотничье право; объединения охотников (союзы, общества и т. д.); охотничий язык; охотничьи традиции; история охоты; охотничье искусство (живопись и графика); охотничья литература; охотничья музыка (роговые сигналы); охотничья одежда и атрибутика.

Многие мировые культуры обладают богатыми охотничьими традициями. Охотничья культура в них воспринимается как неотъемлемая часть духовного и материального общественного достояния.

А почему у нас не так? Сегодня на страницах периодических изданий и Интернет-форумов можно вычитать различные предположения: что де выросло поколение, не читавшее Зворыкина и Бианки, но отлично знающее баллистику и замечательно владеющее практикой использования армейских тепловизоров, что, может быть, и не было никакой охотничьей культуры, ибо на пустом месте поколение любителей «мочить все, что движется» вырасти не могло... На мой взгляд, причина заключается в том, что в дореволюционной России охотничья культура (существовавшая как бы в двух ипостасях: культуры спортивной и промысловой охоты) была чем-то само собой разумеющимся, еще не нуждающимся в выделении, передающимся от поколения к поколению. Произшедший затем разрыв нарушил естественную преемственность поколений, традиционную систему передачи знаний, не бывшей единственно возможной, но игравшей зна-

чительную роль. Сегодня, с изменением сознания общества, назрела необходимость изучения и популяризации охотничьей культуры. Должна быть проведена фактически ее инвентаризация, подготовка справочных изданий и учебных пособий, по которым желающие смогут ознакомиться с ней (к примеру, в Европе такая практика широко распространена и совершенно нормальна). К сожалению, некоторые компоненты русской охотничьей культуры почти не сохранились. Единичным примером иконной табуизации (формулы, образованные путем усечения некоторых слогов) является дошедший до нас, благодаря «Уряднику сокольного пути», обряд пожалования из рядовых сокольников: «Вре(мя) ли, го(суда)рь, со(верш)ать (де)ло? -С(овер)шай дар». Почти не сохранились охотничьи песни, за исключением примера застольной песни псовых охотников в книге Е. Э. Дрянского «Записки мелкотравчатого». Обращение с добытой дичью не является традиционно обусловленным (за исключением отрезания пазанков у зайца на охоте с гончими или борзыми) и остаются на совести добывшего ее охотника и т. д. Некоторые аспекты являются почти полностью заимствованными, как, к примеру, трофейная традиция.

Однако нам есть с чем работать. Сегодня наблюдается положительная тенденция: создаются центры возрождения традиционных видов охоты, которые занимаются поиском и переизданием старопечатных книг, старопечатной периодической литературы и ее популяризацией. Проявляется интерес охотников к правильной, традиционной охоте. По этой причине возникла идея представить читателям цикл статей, описывающих некоторые частные элементы русской охотничьей культуры: традицию приготовления дичи, охотничьего костюма, охотничьих суеверий и т. д. Некоторые из них уже появлялись в различных периодических и Интернет изданиях, однако данный цикл — попытка представить их как составные неотъемлемые части единого культурного пласта. Хочется надеяться, что постепенно мы придем к тому, что произойдет понимание того, что охотничья культура нужна нам как обязательная составляющая багажа знаний каждого охотника, как часть культурного достояния нашей нации.

Музыка охоты

На охоте всегда существует необходимость обмениваться информацией, координировать действия участников охоты. Особенно остро эта проблема стоит при передаче сигналов на большие расстояния. До изобретения мобильных телефонов и раций она с ус-

пехом решалась с помощью охотничьего рога. Подаваемые им сигналы (или позывы) призваны были известить участников охоты о том, какой именно зверь находится в гону, о взятии зверя, призывали других охотников на помощь. К примеру, вот как описывает окончание одной из охот в своих «Записках мелкотравчатого» Е. Э. Дрянский: «Управившись с делом, охотники подали один за другим три сигнала ловчому, что «зверь принят». Минут десять после того борзятники из различных пунктов извещали в рога о том же... На нашей стороне приняли восьмерых. На правой стороне затравили волчицу с тремя молодыми и двух переярков. Наконец подали позыв «Охотникам на съезд!»...» На охоте сигналы, подаваемые рогом, несли не только чисто практическую, но и эстетическую функцию — они наполняли охоту ярким колоритом и прочно утвердились в сознании наших соотечественников как символ классической русской псовой охоты.

Но, несмотря на принадлежность к традиционно русскому типу охот, явление это универсально для большинства охотничьих культур и имеет очень древнюю историю. Прообразом современных духовых инструментов были большие морские раковины или рога животных (отсюда и само название), которые в некоторых уголках земли до сих пор используются для подачи сигналов. Первые изготовленные человеком инструменты, внешне напоминающие современные трубы, появились приблизительно в четвертом тысячелетии до нашей эры, с возникновением культуры обработки металла. Они существовали у древних египтян, греков, китайцев и т. д. Везде труба, зачастую вследствие своей портативности, служила в основном для передачи военных сигналов. В мирное время ее звуки возвещали о прибытии важных персон, начале празднеств и т. д. Неудивительно, что этот инструмент, издающие звуки так называемой натуральной шкалы, был взят на вооружение венценосными европейскими охотниками.

Традиция специальной охотничьей музыки зародилась во Франции, где во времена страстных охотников Людовика XIV и Людовика XV она достигла небывалого расцвета и стала неотъемлемой частью охоты королевского двора.

Основное предназначение охотничьих сигналов тогда заключалось в подаче ориентиров в погоне за оленем. Различные разновидности охотничьих музыкальных инструментов (простые прямые рога и трубы) в большинстве своем могли издавать только один тип звуков и мелодия состояла из позывов различной долготы и краткости. Вал-

торн как таковых на тот момент еще не существовало. Первая охотничья труба была изобретена в 1680 году. Тогда же были сочинены первые музыкальные произведения для нее — фанфары. Пятью годами позже изобретена труба, свернутая в полтора оборота, а в 1723 году появилась классическая труба для псовой охоты — Дампьера с тоном „ре“ (названная так по имени маркиза де Дампьера). Позднее ее конструкция была несколько изменена и труба имела уже два с половиной оборота. Это позволяло носить ее просунув голову и руку в кольцо трубы. Наиболее распространенная в современных охотничьих ансамблях „орлеанская“ труба была изобретена лишь в 1855 году и имеет 3,5 оборота. Самых охотничьих сигналов во Франции существовало огромное количество: свои — для каждого этапа охоты на оленя, свои — для большинства охотничьих замков, все новые сигналы появлялись после некоторых торжественных мероприятий — сигнал „Королева“ впервые прозвучал на бракосочетании Людовика XV и Марии Лещинской и в дальнейшем подавался при погоне за двухлетним оленем, еще не менявшим рогов.

До сегодняшнего дня по всей Европе в ходу классические охотничьи рога, которые используют только природные тона, образующиеся в результате изменения напряжения губ. Разновидностей рогов также немного. К примеру, в Германии их всего два:

Das Parforcejagdhorn (рог для парфорсной охоты или большой рог) — этот рог с диапазоном звучания от мягких и полных тонов до грубых и дребезжащих был заимствован из французской охотничьей культуры вместе с традицией парфорсной охоты в 17 — начале 18 века. Его значительный размер позволяет всаднику освободить обе руки и является, по сути, трубой Дампьера.

Das Furst — Pless — Jagdhorn (kleines Horn) (малый рог) — назван так в честь своего создателя, обергермейстера кайзеров Вильгельма I и Вильгельма II князя фон Плеса. Он вошел в употребление с 1870 года и полюбился простотой и выразительностью своих мелодий. Чаще всего он звучит в конце охоты когда дичь «отпеваётся» — над дичью, разложенной в особом порядке играет определенными набором мелодий «во славу добытой дичи», причем для каждого вида животных и птиц — своя.

В России культура придворной охотничьей музыки также получила некоторое развитие. В частности, здесь был создан абсолютно уникальный оркестр, состоящий из усовершенствованных охотничьих рогов различного размера. Изобрел его при Елизавете Петровне в 1752 г. уроженец Богемии Я. Мареш, капельмейстер Нарышкиных. В состав оркестра входили от 70 до 120 рогов различного размера — от восьми сантиметров до пяти с половиной метров!

И при этом каждый из них исполнял одну единственную ноту низкую (большие рога) или высокую (малые рога)). Сложность такого исполнения заключалась в том, что каждый инструмент должен был подавать свой голос лишь в строго определенный момент, превращая тем самым весь оркестр в аналог живого органа. В дальнейшем такими оркестрами обзавелись и некоторые состоятельные аристократы.

Непосредственно же охотничьи сигналы изначально сильно отличались от западных. Но из-за охотного заимствования всего иностранного старинные позывы почти затерялись в заимствованных из Европы. Да и среди самих охотников к 19 веку уже не существовало единогласного мнения. У каждой охоты, а то и у каждой малой группы охотников, сформировались свои сигналы и потому часто возникала большая неразбериха.

Первую попытку разобраться в ней предпринял Л.П. Сабанеев, считавший, что исконные русские охотничьи сигналы игрались более протяжно и, начинаясь с низкой ноты, всегда переходили на высокую. При сравнении с ней, к примеру, немецкие позывы «отличаются большей виртуозностью и короткостью, сухостью нот и походят на военные». Отобранные сигналы были проверены на 10-й выставке, проводимой журналом «Природа и охота» и те из них, которые были признаны наиболее удачными, были записаны в виде нот. Но европейские и русские охотничьи позывы, помимо яркой национальной специфики, имели еще одно крайне важное различие — различны были основные типы объектов охоты, а потому и сигналы отражали различные охотничьи реалии.

В России охотничьи сигналы обслуживали сферу комплектных охот, объектом которых являлись лисы, волки и зайцы. Каждый из этих зверей при

травле отличается яркими особенностями поведения, к примеру, волк мог справиться со слабыми или малочисленными борзыми (экземпляры, бравшие волка в одиночку, все же были сравнительно редки) и потому для успешной охоты иногда требовалось призвать на помощь борзятника, стоявшего на соседнем лазу. Потому понятным становится набор русских позывов: «Сбор», «Метать гончих», «Лисица», «Волк». «Взять» «Вызов гончих из острова», «На драку» и т. д. Охотничьи рога в России также несколько отличались и отличаются от европейских. На княжеских охотах времен Киевской Руси, вероятно всего, так же как и в Европе использовались «природные» рога, имеющие форму полумесяца. У Брокгауза и Эфрона упоминаются небольшие полукруглые рога борзятников, носимые через плечо, почти прямые рога у выжлятников и самый крупный рог, дающий хороший бас, у доезжачего. Большие рога, надеваемые через плечо, лишь некоторое время использовались на императорских охотах как подражание западной традиции. Широкого распространения они не получили, что не удивительно — комплектные охоты, где их участники передвигаются в основном верхом, уже к концу 19 века встречались довольно редко, а пришедшая им на смену ружейная охота также мало способствовала распространению тяжелых и больших охотничьих рогов — давали знать о себе чаще и неудобья российских просторов.

В современной охотничьей традиции, несмотря на наличие современных средств связи, до сих пор чаще всего используются валторны (от немецкого Waldhorn — лесной рог) и небольшие рога полумесяцем, которые, в сочетании со старыми русскими охотничьими позывами, до сих пор являются неотъемлемой частью ружейной и возрождающейся псовой охоты.

К. П. Беггров. Охота на оленя с гончими. 1830-е

Проблемы карельских лаек

Л. ГИБЕТ, кандидат биологических наук, эксперт всесоюзной категории

Первый чемпион Рейма 1902, г. Москва

Непростая история складывается с российской породой карельской лайки, которую мы имеем шанс потерять. Часто люди лишь со временем начинают понимать какими они обладают сокровищами. Так и мы, хотя обладаем с незапамятных времен и уже более 80-ти лет занимаемся специальным разведением, только сейчас ужаснулись от того, что можем потерять аборигенную породу северо-запада России — рыжую остроушку — карельскую лайку.

История появления небольшой рыжей собаки включает в себя мало сведений. Мы предполагаем, что эта остроушка сопровождала человека, начиная с каменного века. И судим об этом по находжению останков так называемой «торфяной собаки», собаки людей, живших в свайных постройках. И подтверждением этому служат костные останки, почти идентичные скелетам современных карелок и, может быть, русско-европейских лаек. Во всяком случае, в настоящее время это две самые близкие по своему строению и психическим качествам породы.

Предки карельских лаек населяли всю Восточную Европу, что подтверждается тем, что в настоящее время по обеим сторонам Волги сохранились пространства, заселенные мордвой и марийцами — ближайшими родственниками карел. Эти народы до недавнего времени владели аборигенными лайкоидными собаками. В 1959 и 1960 гг. охотовед Ю. Петров в отдаленных марийских деревнях находил небольших однотипных явно породных лаек, в том числе и рыжих, очень похожих на современных карельских лаек. Ю. Петров писал (ж. «Охота и охотничье хозяйство», № 2, 1963), что в марийских деревнях совершенно нет непородных собак, дворняжек или помесей. Он провел экспертизу 89 лаек, и

оказалось, что 38 собак (45,8%) получили за породность и экстерьер «очень хорошо» и «хорошо», причем собакам снижали оценку за небольшой рост.

Марийцы живут в лесном крае, а основная территория Восточной Европы все больше и больше заселялась в X—XI вв. славянами, которые активно развивали сельское хозяйство и оттесняли коренное население на север и северо-запад, где дольше всего сохранился естественный быт людей (охота, рыбная ловля) и сопутствующие ему собаки.

Первым серьезным трудом, посвященным изучению остроухих собак России, был «Альбом северных собак лаек», составленный князем А.А. Ширинским-Шихматовым и опубликованный в 1895 г. Во время своих многочисленных поездок на охоты на медведя, а затем специально с целью изучения северных остроухих собак, в Олонецкую, Архангельскую, Вологодскую, Костромскую и Вятскую губернии князь в альбоме привел карту-схему распространения отродий лаек. Обозначенная на карте территория, включающая в себя современную Карелию, Финляндию, северо-западную часть Архангельской и северную Ленинградской областей, заселяли финно-карельские лайки, названные так автором.

Впервые осознанное разведение лаек началось в г. Ленинграде, который являлся значительным кинологическим центром. В этот центр попадали остроухие собаки, привезенные в основном из Карелии и окрестных областей. Первое время на выставки выводили единичные экземпляры лаек, но вскоре пришлось организовывать самостоятельные ринги этих собак. Первоначально все лайки разных мастей и размеров ходили в одном ринге, но вскоре было замечено, что собаки рыжего и шакальего (серо-рыжего) окрасов всегда более мелкие и обладают сходными, присущими им, особенными чертами экстерьера. Кинологи, среди которых ведущими были Е. Леонтьева и А.П. Бармасов, заметили эти признаки, а кроме того яркие отличительные черты в характере (живость, внимательное отношение к хозяевам), уже в 20-х гг. XX в. попробовали спаривать рыжих остроушек между собой и получили отличный результат: собаки стабильно передавали свои черты потомству. Все потомство было достаточно однородным: имело рыжий окрас, небольшой рост и характерное строение головы. Все владельцы этих собак подчеркивали их необычайную привязанность к себе, стремление к охоте и охране дома. Таким образом, уже в 20-х гг. XX века будущая порода карело-финских лаек была выявлена русскими кинологами.

Наверное, в 50 — 60-х гг. то же можно было сделать и в Марийской республике и создать национальную породу — марийская лайка. К сожалению, энтузиастов не нашлось.

Энтузиасты, занимавшиеся разведением рыжих собак, которыми руководили Е. Леонтьева и А.П. Бармасов, приняли для них временный стандарт, то есть скорее описание, и карело-финские лайки оказались первыми как бы стандартизированными из остальных лаек, породы которых были озвучены только в 1947 г., а стандарты утверждены в 1952 г. До этого существовали многочисленные так называемые «отродья» северных остроухих собак, на базе которых только после 1947 г. стали формировать породы лаек.

Надо учесть, что «порода — это целостная группа животных одного вида, созданная трудом человека, в определенных социально-экономических условиях... отличающаяся от других пород характерными признаками продуктивности...» в нашем случае — охотничьими качествами.

В конце 20-х гг. XX в. в Ленинграде уже были выдающиеся представители карело-финских лаек. Например, на первых полевых испытаниях лаек по белке, которые проводило Ленинградское общество кровного собаководства (ЛООКС) 30 декабря 1928 г. и которые судили А.П. Бармасов, П.Ф. Пупышев и В.В. Шлок, принимали участие 4 лайки, и победительницей среди них стала карелка Нора И.И. Киселева.

В 1934 г. была организована первая испытательная станция лаек, выработана определенная система экспертизы на полевых испытаниях. Первые полевые состязания лаек в работе по белке проводились на ней 24 и 25 января 1937 г. и на них 1-е место с дипломом II степени при 78 баллах заняла карело-финская лайка Марс П.Н. Кожанова, а второе — Нора И.И. Киселева при 74 баллах. Основным организатором всех мероприятий с лайками был председатель этой секции А.П. Бармасов.

Большой урон численности карело-финских лаек нанесла Отечественная война. В блокадном Ленинграде сохранились лишь единицы этих собак. В Карелии, в деревнях, положение было лучше, но, по рассказам охотников, при отступлении финских войск много карелок было увезено в Финляндию. Об этом свидетельствовали многие охотники из деревень северо-западной Карелии, где мы с Л.П. Никифоровым в 50-е гг. XX в. проводили специальные опросы. О вывозе карело-финских лаек финнами пишет и С. Лапшин со слов В.Б. Рубушкова, получившего эти све-

дения от своего отца Б.А. Рубушкова. Тем не менее опять из Карелии стали поступать собаки в Ленинград, и порою начала развиваться очень успешно. В 1957 г. на выставке было представлено 27 карело-финских лаек, при этом никакого завоза финских шпицев не было. В эти годы в Ленинграде карело-финские лайки по числу почти не уступали русско-европейским, а западносибирских практически не было.

В начале 50-х гг. в Карелии (тогда Карело-Финская ССР), где мы с Л.П. Никифоровым на протяжении четырех лет проводили специальные исследования, в карельских деревнях бегали лайки различных мастей, среди которых были и рыжие, других собак кроме лаек не было. Много лаек бегало на полной свободе по г. Петрозаводску, который и сам был «большой деревней» с единственным асфальтированным проспектом, идущим от вокзала.

О состоянии собаководства в Карелии можно судить по Карельской республиканской выставке охотничьих собак, проводившейся в г. Петрозаводске в 1951 г. На этой выставке было 30 русско-европейских и 24 карело-финские лайки (других лаек не было), ни одна из этих собак не имела свидетельства о происхождении. Однако экспертный уровень карело-финских лаек оказался довольно высоким: 3 собаки получили Малые золотые медали, 6 — Большие серебряные, 10 — Малые серебряные, 3 — Бронзовые медали и лишь 2 признаны непородными. Экспертизу проводил эксперт всесоюзной категории А.П. Бармасов из г. Ленинграда.

В 1952 г. в г. Петрозаводске была проведена выводка лаек, на которой одна карело-финская лайка получила «отлично» и три «очень хорошо». Все это свидетельствует о том, что в 50-х годах XX века в Карелии еще сохранились высокопородные аборигенные карело-финские лайки. Однако ни кинологов, ни экспертов в Карело-Финской ССР не имелось, не появился и энтузиаст, который мог бы заняться племенным разведением аборигенных рыжих остроухих собак. Все заводское разведение велось только в Ленинграде.

Но в конце 40-х гг. была сделана попытка сохранить карело-финских лаек системой «Заготживсырье». Руководство этой организации создало специализированный госпитомник «Карельская лайка» около г. Медвежьегорска. В питомнике было собрано типичное аборигенное поголовье рыжих лаек, которое в 1950 г. инспектировал А.П. Бармасов, но питомник просуществовал только до 1953 года.

Стремление сохранить карело-финскую лайку отмечено в Карелии в системе Карзаготпушнины, а в г. Петрозаводске регулярно проводились выставки охотничьих собак.

В конце 50-х гг. два энтузиаста — петрозаводские охотники Константин Потарушин и Борис Рубушков — поста-

вили перед собой задачу воссоздать карелку на территории Карелии, считая ее такой же визитной карточкой края «как карельская береза» — написал Сергей Лапшов в своих записках в Интернете. Там же он пишет, что дело жизни отца продолжает его сын — Валерий Борисович Рубушков.

Б. Рубушков и К. Потарушин искали немногих сохранившихся карельских лаек по глупым заголовкам, особенно «в дебрях» Олонецкого района, где жители деревень вообще не говорили по-русски. Б. Рубушков привез щенка из дальней деревни, ее повязали с кобелем К. Потарушина, «и от них началась родословная линия возрождения нашей знаменитой отечественной породы». Во Всероссийской родословной книге охотничьих собак (ВРКОС) упоминаются эти собаки и их потомки: Альма и Лыска Б. Рубушкова, Бутон Емельянова, Аза и Арик Балина, Рыжик Потарушина и др. «Именно эти собаки значатся предками всех бывших, нынешних и будущих «карело-финок», практически новой породы, которую отец воссоздал» — говорил В.Б. Рубушков.

Селекционную работу Б.А. Рубушков вел более сорока лет. Как вспоминает В.Б. Рубушков: «У отца в 60—70-е годы перебивало десятка два собак», часть он привозил из районов, из них оставил лучших (Сергей Лапшов).

В Московском регионе разведение карело-финских лаек началось с 1953 г., когда в Москву из Карелии была привезена единственная сука Койра 1001/лкф Л.П. Никифорова с одноколенной родословной. Койра 1001/лкф происходила от двух отличных, но не имевших известного происхождения собак Карелии — Качю П.С. Богданова и Зорь-

ки, принадлежавшей Карело-финскому филиалу АН СССР. Койра от вязок с ленинградскими производителями Ураном (вл. А. Остинский) и Марсом (вл. А.А. Арбузов) дала немногочисленное, но очень породное потомство, имевшее уже двухколенные родословные и составившее в Москве основной костяк поголовья следующего поколения.

Племенная работа с карело-финскими лайками в Москве сразу пошла по пути заводского разведения. Руководили этим с самого начала Л.А. Гибет и Л.П. Никифоров, несколько позже еще Н.К. Пономарев, затем В.А. Коковин. Появился в стране первый чемпион породы — Рейма 1002/лкф, а с 1960 г. разведение карело-финских лаек заметно активизировалось: если в 1960 г. в план вязок было включено 12 собак (3 кобели и 9 сук), то в 1968 г. их было уже 36 (11 кобелей и 25 сук). Расцвет породы пришелся на конец 80-х гг., когда в плане вязок уже значилось около 80 кобелей и 130 сук.

В 60—70-е гг. по всей Европейской России активно восстанавливались и разводились карело-финские лайки.

Большое поголовье этих собак образовалось в г. Череповце Вологодской области. Много лет руководил большой энтузиаст породы. На выставках ринги карело-финских лаек были значительно многочисленнее, чем лаек других пород. Материал карелок первично был получен из Карелии и Ленинграда.

Значительный очаг разведения был в г. Северодвинске Архангельской области, там было много энтузиастов, особенно В.Т. Рожнов и В.М. Лукоянов. На выставках охотничьих собак преобладали карелки, основа которых была получена из Ленинграда и Кирова. После депрессии собаководства 90-х гг. в на-

Ч. Рави 2220 и ее дочь Рави-Лапси В.М. Бутузова, г. Москва

Лис-Рыжик и Пику А.М. Игнатъева, г. Иваново

стоящее время численность карело-финских лаек там увеличивается.

Пермская область отличалась значительным очагом разведения карело-финских лаек, которые на выставках образовывали самостоятельные ринги. Большим знатоком и руководителем породы был П.П. Салай.

Под руководством С.Н. Громова в 70—80-е гг. отмечался всплеск разведения карело-финских лаек в Калининской (Тверской) области, к сожалению, погашенный конкурентами.

Очень значительный очаг разведения карело-финских лаек был в г. Горьком (Нижегород), которым занимался кинолог охотничьего общества В. Максимов, позже трагически погибший в автокатастрофе. На выставках демонстрировались полноценные ринги карело-финских лаек.

Большой по площади и по числу карело-финских лаек была и остается Свердловская область, где карело-финских лаек разводят более сорока лет. Энтузиастом разведения этой породы был Е.А. Якорнов, впервые привезший суку с востока, а затем всецело базировавшийся на собаках из московского очага. Позже к Е.А. Якорнову присоединился молодой и активный эксперт М.Г. Шорсткий, а порода широко распространилась по Свердловской области, образовав еще один очаг разведения в Н. Тагиле под руководством Е. Смирнова.

Заинтересовался породой и опытный питомник ВНИИОЗа в г. Кирове. Однако, первоначально завезя аборигенных лаек из Ленинграда, а затем из Москвы, он занялся подлитием крови финских шпицев; но получаемые щенки широко распространялись в промысловые районы страны, где они исчезали, не оставив следа. И только единичные помеси, оставшиеся в г. Кирове у любителей, вошли в состав породы.

Приведенный перечень очагов раз-

ведения карело-финских лаек указывает на большой интерес к этой породе со стороны охотников и широкое распространение по стране. Все это время мне посчастливилось неоднократно проводить экспертизу карело-финских лаек на выставках охотничьих собак во всех перечисленных очагах разведения. В настоящее время, помимо перечисленных, возникают очаги на востоке: в Красноярске, Новосибирске, Томске, Иркутске, Магадане, Находке, Владивостоке. Попадают наши собаки на Камчатку, в Якутию, Бурятию. Постоянно интересуется ими Казахстан, а белорусы мечтают организовать с москвичами единое общество.

Разведению карело-финских лаек в едином «ключе» на огромной территории России способствует исполнение всех принципов «Положения» о племенной работе с охотничьими собаками, созданного российскими кинологами и окончательно подготовленного и утвержденного МСХ СССР в 1981 г. В настоящее время «Положение» о племенной работе еще более конкретизировано и принято Росохотрыболовсоюзом. И в соответствии с этим документом ведется все племенное разведение охотничьих собак России, находящихся в основном в единоличном пользовании.

Широкое распространение карело-финских лаек по громадной территории России и происходящий при этом обмен генофондом из разных природных зон способствует повышению жизнестойкости собак.

Постепенно как-то само собой произошло, что Москва и Московский регион оказались центром разведения карело-финских лаек. Здесь всегда четко следили за сохранением типа этой породы, и за 60 лет только в единичных случаях в качестве вводимого скрещивания использовали финских шпицев для расширения генофонда.

Наименование породы претерпело несколько изменений, но с образованием в СССР 16-ой союзной республики Карело-Финской ССР, утвердилось название породы карело-финская лайка. И это было ошибкой, т.к. в названии аборигенной породы из Карелии нельзя было включать обозначение другой страны.

У российских собаководов, владевших великолепными в экстерьерном отношении собаками с многочисленными родословными свидетельствами, но не признаваемыми как документы западными кинологами, возникло желание влиться в западноевропейское собаководство. Для этого в 1992 г. была создана Российская кинологическая федерация (РКФ), которая взяла «на вооружение» все правила и положения ведения собаководства Международной кинологической федерации (ФЦИ).

В области охотничьего собаководства была создана Российская федерация охотничьего собаководства (РФОС), которая с одной стороны пыталась сохранить самобытность российского разведения охотничьих собак, с другой — будучи составной частью РКФ, вынуждена подчиняться ее правилам. Частью этих правил было обязательное получение свидетельства о происхождении собаки (родословной) в форме, принятой в ФЦИ. Здесь мы столкнулись с казуистикой — все наши карело-финские лайки записывались в племенные книги с родословными по второй составляющей названия породы, т.е. как финские шпицы, т.к. финский шпиц был учтен как порода в ФЦИ. Но финский шпиц — это самостоятельная порода Финляндии, отличающаяся от карело-финской лайки по экстерьеру, высшей нервной деятельности (ВНД), а особенно — по охотничьим качествам. Они более возбудимы, разводят их в основном как выставочных собак и как охотников на глухаря, реже лося. Диапазон их охотничьего использования на родине очень узок. В то время как основной задачей племенного разведения карело-финской лайки в России было и остается сохранение экстерьера небольшой аборигенной охотничьей лайки Карелии и совершенствование ее разносторонних охотничьих качеств. Карело-финская лайка внешне более скромна, но сухая и выносливая, охотится она на все виды пушных и копытных зверей. Российским охотникам, которых вынуждали получать международные родословные, совсем не нравилось, что их рыжие охотничьи лайки вдруг в одночасье становились шпицами.

Заметно воодушевило сообщение, что в 1993 г. Министерство сельского хозяйства России (МСХ РФ) внесло карело-финскую лайку в Государственный реестр селекционных достижений, допущенных к использованию под №9428, как породу охотничьей лайки, а оригинатором породы является Московское общество охотников (МСОО МООиР). Это значило, что порода на-

ходится под государственной охраной.

Однако в рамках РКФ превращение карело-финских лаек в шпицев продолжалось, причем требование замены российских документов на международные со стороны кинологов охотничьих обществ становилось все агрессивнее. В результате охотники Свердловской области обратились с письмом в РФОС с просьбой о переименовании породы карело-финской лайки в породу русско-карельская или карельская лайка, т.е. просто убрать из наименования слово «финская». Состоявшееся в 2003 г. заседание бюро Президиума РФОС поддержало эту инициативу и приняло решение о названии породы русско-карельская лайка. Однако на этом все дело и закончилось, а карело-финскую лайку в РКФ продолжили превращать в финского шпица.

Особенно большой резонанс имело событие 2006 г. когда, не согласовав свою деятельность ни с Росохотрыболовсоюзом, ни с оригинатором породы МСОО МООИР, 5 июля 2006 г. президент РКФ А. Иншаков подписал соглашение с Председателем Финского Кеннел Клуба (ФКС) Кари Ярвином об объединении карело-финской лайки и финского шпица в одну породу «...соответствующую стандарту породы финский шпиц (номер по FCL — 49)». В соответствии с Соглашением «... эти собаки имеют право участвовать в национальных и интернациональных выставках, тестах и испытаниях, как финские шпицы». Одним рощерком пера карело-финская лайка была уничтожена, несмотря на то, что еще в 1993 г. была внесена в Государственный реестр селекционных достижений МСХ РФ.

Таким образом, президент РКФ А. Иншаков «подарил» Финляндии не принадлежащую ему национальную породу России. При этом совершенно не учитывались разные направления племенного разведения. Многими десятилетиями эти породы разводились различно: финский шпиц с упором на совершенствование экстерьера, больше как декоративная собака, а карело-финская лайка как сугубо охотничья с широким диапазоном охотничьего использования. При этом не было учтено, что карело-финская лайка разводится в России более 80-ти лет (с 20-х гг. XX в. г. Ленинград), а после 1947 г. как официальная стандартизированная порода, стандарты на которую были утверждены в 1952 г., затем в 1972 г. и последний стандарт утвержден Министерством сельского хозяйства (МСХ СССР) в 1981 г. При этом карело-финские лайки входят в племенной состав охотничьих собак, и с 1964 г. записывались во Всероссийскую родословную книгу охотничьих собак, а с 1994 г. во Всероссийскую племенную книгу охотничьих собак (ВПКОС).

Для сохранения породы, в основу которой легли аборигенные лайки Карелии, 3 июня 2010 г. Всероссийский кинологический совет (ВКС) Росохотрыболовсоюза, отвечающий за политику племенного разведения охотничьих собак на научно обоснованной, зоотехнически правильной основе, принял правильное решение — из названия породы убрать слово «финская» и именовать породу «карельская лайка».

23 мая 2011 г. состоялась заседание Президиума ВКС, на котором было принято решение, что с 1 января 2012 г. в справках о происхождении щенков, порода должна именоваться как карель-

ская лайка. Был решен вопрос о прекращении межпородных вязок и не регистрировать щенков, родившихся от одного из родителей породы «финский шпиц». С 1 января 2012 г. во Всероссийской племенной книге (ВПКОС) должны регистрировать только российский породу — карельская лайка. Но... кончается 2012 год, и если в охотничьих обществах (к сожалению, не во всех) ведется регистрация карельских лаек, то в РКФ продолжают превращать их в финских шпицев. Этому способствуют некоторые кинологи охотничьих обществ, частные питомники и клубы. В клубах ухитряются у попадающих в их «сети» карело-финских лаек отбирать охотничьи родословные и превращать их в финских шпицев, закрывая этим путь к племенному разведению в порода карельская лайка.

Удивляет беспринципность этих людей, полное отсутствие патриотизма и желания сохранить такое сокровище, созданное Природой и людьми, как карельская лайка. Полное игнорирование деятельности в сохранении уникальной породы и отдавших часть своей жизни таким энтузиастов, как Е. Лентьева и А.А. Бармасов из г. Ленинграда; Б.А. Рубушков и К. Потарушин из Карелии; Л.П. Никифоров, Н.К. Пономарев и В.А. Коковин из Москвы; В.Т. Рожнов из Архангельской области; В. Максимов из г. Горького (Н. Новгород); С.Н. Громов из г. Калинин (Тверь), П.П. Салай из Перми.

Хочется опять обратиться к публикации С. Лапшова, который цитирует высказывание В.Б. Рубушкова из Карелии: «Карело-финская лайка наша гордость, национальное достояние, живое рыжее золото, которое Карелии нужно пестовать, популяризировать и по всему миру продавать за валюту... Давайте научимся хранить и ценить то, что нам оставили предки».

В создавшейся ситуации с породой единственное, что может ее сохранить как охотничью лайку России, явилось ее переименование. То есть не переименование, а возвращение ей ее истинного названия — карельская лайка. Тем более, что в настоящее время уже не существует Карело-Финской ССР, а имеется республика Карелия. К этому и подошел Всероссийский кинологический совет и принял решение убрать из наименования породы слово «финская», оставив одно — карельская лайка. Теперь надо надеяться, что к этому прислушается МСХ РФ и без проволочек снимет несвойственное породе слово «финская» в Государственном реестре селекционных достижений, тем более, что фактический владелец породы Росохотрыболовсоюз это уже сделал. И надо надеяться, что РКФ вскорее зарегистрирует новую для себя российскую породу — карельская лайка и даст возможность демонстрировать ее на всех выставках под ее собственным именем.

Инто и Пикку-II М.Г. Шорсткого, Свердловская обл.

Учимся стрелять влёт

В. ТОЛМАЧЕВ, охотник

Взяв за основу таблицы упреждений в статье журнала «Охота и охотничье хозяйство» № 4 1967 года «Какое брать упреждение» (А. Шпуров) и методике подготовки стрелков, по специализации стендовая стрельба на круглом стенде из книги М.И. Полякова «Стрельба влёт», мы использовали следующую методику подготовки начинающих стрелков.

Один из основных элементов, влияющих на результат при стрельбе влёт, — это стойка стрелка. Стойка служит фундаментом быстрого освоения стрелковых приемов и легкости их точного и правильного выполнения.

Техника стрельбы состоит из следующих элементов: изготовка, вскидка, поводка, определение упреждений, прицеливание, спуск курка. В стрелковой технике движения эффективны тогда, когда они рациональны и выполняются без чрезмерного напряжения, достаточно быстро и предельно координировано. Стрельба должна быть легкой и плавной. Только регулярные тренировки с ружьем, так называемые домашние тренировки, — путь к получению, закреплению и совершенствованию полезных навыков в спортивно-охотничьей стрельбе влёт.

Для начала нужно проверить подходит ли данное ружье к вашему телосложению. Для подбора длины ложа стрелок вытягивает правую руку в сторону, сгибает ее под прямым углом в локтевом суставе, ставит ружье в вертикальное положение. Ложе ружья считается нормальным, если указательный палец первой фалангой ложится на передний спусковой крючок. Длина приклада подгоняется за счет укорачивания или удлинения приклада. Второе требование к ружью — подбор гребня приклада. При вскидке ружья в плече стрелок должен видеть ровную планку, а мушка должна проектироваться точно посередине над верхним контуром прицельной планки. Правильно подогнанное ружье оказывает положительное влияние на улучшение техники стрельбы и устойчивый рост результатов. Желательно регулярно работать с ружьем. Осваивать изготовку, вскидку, прицеливание и условный выстрел вначале по неподвижной мишени, например, по уменьшенному контуру мишени, наклеенной мылом на оконное стекло.

Добившись четкого проектирования мушки посередине прицельной планки и на мишени после трёх, пяти вскидок, отрабатываем вскидку с закрытыми глазами. После открытия глаз мушка должна находиться на линии зрачков глаза — мушка — мишень. Закрепив полученное умение многократными тренировками, начинаем отрабатывать дви-

жения: вскидка — поводка — обработка спускового крючка. Одной из основных ошибок при стрельбе влёт является остановка ружья в момент нажатия на спусковой крючок, в результате которой заряд проходит сзади мишени. Натянув бечеву или используя провода электролиний, начинаем нарабатывать точность движения ружья и обработку спускового крючка после вскидки и поводки. Вскидку производят одновременно с поворотом корпуса по направлению движения, провода ствол сантиметров на пять ниже провода и, не останавливая движения, нажимая на спусковой крючок. Движения производятся в обе стороны.

Добившись четкого выполнения это-

го движения, переходим к освоению следующего упражнения. На бечеве закрепляем мишень, изготовленную из пенопласта или темных пивных бутылок, равную по длине наиболее встречаемой дичи. Возьмем, к примеру, крикву, длина которой равняется примерно 60 см. В обе стороны от мишени, согласно таблице, делаем метки изолентой или кусочками яркого материала, соответствующие упреждению 20 м — 1,2 м, 30 м — 2 м, 40 м — 2,8 м. Эти расчетные упреждения будут соответствовать видимым при угле прицеливания от 60° до 90°. При более острых углах величина видимого упреждения будет уменьшаться от 60° — 40° $\frac{1}{2}$ от расчетного, от 40° — 15° — $\frac{1}{3}$ при угле

менее 15° боковое упреждение не берет. Точка прицеливания выносится над целью при стрельбе с подъема или полете дичи ниже роста стрелка, при движении ее от стрелка.

По высоко летящей дичи в угон точка прицеливания берется ниже мишени, и чем выше летит дичь, тем более просвет между стволом и дичью.

При движении дичи прямо на охотника стрелок выносит точку прицеливания выше ее, накрывая стволами или повернувшись боком вдоль линии полета дичи, берет упреждение, в зависимости от высоты полета, равное расчетному.

Прицелившись в метку, соответствующую упреждению на 20 м, стараемся запомнить проекцию угла между меткой и мишенью: сколько корпусов мишени укладывается в данное пространство. Наиболее удобным измерителем величины упреждений является видимая охотнику во время прицеливания и выстрела ширина дульной части стволов (И. Очагов. Упреждение при стрельбе. «Охота и охотничье хозяйство»). Это будет зависеть от калибра стволов и устройства оружия: горизонтальное, вертикальное или одностволка. И определится это опытным путем, примерно 1,5—2 ствола.

Затем медленно и плавно начинаем работать по схеме: изготовка, вскидка, с поворотом корпуса и выходом на предполагаемую траекторию движения мишени и обработка спускового крючка в районе метки учреждения, не отставившая движения ружья.

Обработка спускового крючка производится нажатием до упора, не взводя боевые пружины, так как при многократном взведении происходит нерациональный износ боевых пружин. Движения отрабатываются в обе стороны постепенно увеличивая скорость дви-

жения до тех пор, пока не станет искажаться техника движения. То же самое на расстоянии 30—40 м. Тренировка с таким приспособлением в течение примерно 2—3 месяцев, 3—4 раза в неделю и лучше ежедневно 200—300 раз, позволяет научиться более точно определять расстояние до цели, выбрать нужное упреждение, выработать автоматизм движений, что позволит стрелять более результативно. Если есть возможность, то нужно закрепить полученные навыки на круглом стенде, правда, полученные на стенде навыки позволяют улучшить качество стрельбы на расстоянии 15—25 м, так как вырабатывается автоматизм на взятие упреждения примерно 1,2 м, что мало для стрельбы на 30—40 м.

На охоте приходится стрелять из различных положений: лежа, сидя, с колен, стоя, поэтому желательно отрабатывать вышеперечисленные упражнения из этих положений.

Даже опытным охотникам желательно проводить такие тренировки хотя бы за месяц до открытия охоты, делая 200—300 условных выстрелов в день. Что позволит быстрее вспомнить подзабытые навыки.

На охоте дичь летает с различными скоростями, на разной высоте, маневрирует в полете, поэтому каждый выстрел надо анализировать, почему попал или не попал, что надо было делать, чтобы попасть. Не надо стрелять на предельные дистанции, пока не научитесь поражать цель на дистанциях 15—30 м, иначе — устая трата боеприпасов и подранки.

Одежда при стрельбе на охоте должна быть легкой и удобной, не стесняющей движений. При смене одежды нужно поработать с ружьем, чтобы приспособиться. В межсезонье нужно проводить попутную тренировку, наблюдая

за полетами птиц: ласточек, стрижей, голубей, ворон, мысленно определяя расстояние, направление полета, предполагаемое упреждение, что позволяет научиться быстрее ориентироваться при стрельбе на охоте.

Если есть возможность использовать пневматическую винтовку, то используем ее для отработки навыков стрельбы навскидку по угонным мишеням. Изготавливаем из резины автомобильной камеры мишень диаметром 10 см, подвешиваем ее на шнуре на расстоянии 10 м на высоте немного выше роста человека. Вначале отрабатываем вскидку, прицеливание и обработку спускового крючка, совместив в одну линию зрачок глаза, пенек мушки, проектируемый в прорези прицельной планки, точно по середине и на уровне верхней кромки и нижней кромки мишени. Обработываем спусковой крючок нажатием до упора. Движения начинаем медленно, постепенно увеличивая скорость так, чтобы движения слитно переходили из одного в другое. Сделав 20—25 условных выстрелов, производим 5—6 выстрелов из винтовки по мишени. Так 5—10 серий ежедневно не менее 3—4 раз в неделю, а лучше ежедневно.

В результате тренировок движения ваши станут более точными, результативность стрельбы повысится. Отрезаем нижнюю половину мишени, уменьшив ее размер, и продолжаем тренировки. При улучшении результативности отдвигаем мишень на 15 м от стрелка. Тренировки по такому принципу позволяют повисить результативность стрельбы по угонным мишеням. Данная методика апробирована как при подготовке к соревнованиям, так и при подготовке к сезону охоты. Тренируйтесь, и вас ждет успех.

Александр Максимович Роздобудко

Здравствуй, уважаемая редакция! Хотим обратиться к вам с большой просьбой поздравить нашего дорогого и любимого мужа, папу и дедушку, Роздобудко Александра Максимовича, с юбилеем. Ему исполнилось 60 лет. Ваш журнал он выписывает очень давно, читает его и перечитывает, ждет следующего номера с нетерпением.

Наш папа — охотник с многолетним стажем, председатель охотколлектива, член совета охотколлектива Ахтубинского района. Со своим коллективом регулярно выезжает в уголья для поддержания порядка, охотно делится своим опытом с молодыми и начинающими охотниками. За свою работу не раз награждался благодарственными грамотами.

Охота для отца — самое любимое занятие в жизни,

всегда с нетерпением ждет ее открытия и тщательно готовится. Стоит это не мало денег и труда, но настоящий охотник пойдет на все, чтобы сделать свою охоту незабываемой и удачной.

Мы все его родные — жена, дети, внуки от всего сердца поздравляем с юбилеем, желаем здоровья, семейного счастья, удачи в делах и на охоте.

Н. ПОПОВА
г. Знаменск

Производим и реализуем ГУМАННЫЙ КАПКАН КА-2

для отлова соболя, куницы,
белки, хорь, колонка.

ЗАО «СКВИРЭЛ»
610014; г. Киров,
ул. Пугачева, 35
8(8332) 56-22-28;
8-922-668-10-09
squirrel.kirov@mail.ru

ЗАКУПАЕМ ПУШИНУ

Очередная выставка РОСТ 2012 в Ижевске

Алексей БЛЮМ

Экспозиция выставки РОСТ вряд ли занимала больше трети площади зала и производила впечатление «на скорую руку». Стенды ИЖМАШа и ИЖМЕХа, несколько фирм с охотничьими ножами, немного с одеждой и обувью. Оптическую продукцию представляли: ОАО «Вологодский оптико-механический завод», ОАО ПО «Новосибирский приборостроительный завод» и ООО «РусОптикСистем» из Сергиева Посада. И практически всё.

Что же интересное было на стендах ижевских оружейников? Поскольку нас в большей мере интересует охотничье оружие, я начну с ИЖМЕХа с модели MP155.

Собственно, совсем новым это ружьё назвать нельзя — самозарядное, с газоотводным механизмом, под две длины гильз — 76 и 89 мм. Конечно, конструктивно и в прикладном плане оно очень близко к предыдущей модели этого ряда MP153, однако есть и серьёзные новшества, которые ставят новую модель на более высокий уровень.

Первое, что отмечено в заводском проспекте, это разные размеры ствольной коробки, которые зависят от длины патронника: длинный патронник, соответственно, длиннее и коробка. Это существенное отличие от MP153, у которого длина коробки одинакова, не зависимо от длины патронника. Сама ствольная коробка изготовлена из сплава «эргаль» (алюминий, магний, титан и др.), что делает меньшей общую массу ружья.

Разработан и установлен в газовом поршне новый механизм регулировки импульса двигателя автоматики, а это заметно улучшило баланс ружья.

В конструкцию ружья введён механизм, отключающий подачу патрона из магазина, чего не было в модели MP153.

В новой модели установлен более совершенный ударно-спусковой механизм и увеличенная кнопка предохранителя.

Эта информация взята из заводского каталога, а ниже мы приводим мнение о новом ружье представителей завода.

«Охотничье ружьё MP155 является продолжением модельной линии самозарядных ружей и глубокой модернизацией уже всем хорошо известного ружья MP153. Основное отличие нового ружья от предыдущей модели это заметно сниженный вес. Обычная 153-я модель весит 3,4–3,5 кг, иногда до 3,7 кг, тогда как 155-я — 3,1–3,2 кг. Пробные стрельбы не показали по ощущениям стрелков сколько-нибудь заметного увеличения импульса отдачи. За счёт чего снижен вес? Прежде все-

го, за счёт применения сплава «эргаль», который в настоящее время во всём мире применяется очень широко.

В этом ружье можно применять более мощные заряды. Выпускаться оно будет с патронниками 76 и 89 мм. Конечно, под патрон длиной 89 мм оно будет несколько тяжелее, т. к. его ствольная коробка на 12 мм длиннее, чем коробка ружья с патронником 76 мм. У ружья MP153 коробка была единая, что для 76 мм, что для 89 мм. И это, в некоторой степени, лучше, потому что длинный ход затвора позволяет избегать излишних нагрузок при подаче и экстракции патрона, и сам ход его мягче. Вообще MP153 делалось для американского рынка, как специализированное утино-гусиное ружьё. Но у наших охотников всё несколько не так. Общий дефицит заставляет использовать почти любое охотничье ружьё, как универсальное. Поэтому 155 модель облегчена и сделана именно для нашего охотника, его можно было использовать на разных охотах, в том числе и на ходовых. В общем, как универсальное, чем, кстати, завоевали наш оружейный рынок турки, завозя свои полуавтоматы с весом 3,1 кг и даже меньше. При выборе ружья модели MP155 следует обращать внимание на длину патронника и помнить, что ружьё с патронником 89 мм тяжелее. Правда, на заводе пробовали стрелять из ружья с патронником 89 мм патронами с гильзой 70 и 76 мм, но заметного ухудшения боя не отметили.

Ещё один нюанс. Ни одна из деталей спускового механизма MP155 не взаимозаменяема с УСМ MP153.

Нам кажется, что ружьё получилось хорошее, оно обречено на успех, только очень затянulo освоение».

И уже традиционно я не могу не сказать нескольких слов об MP221 — штуцере «Артемиды». По проспекту завод предлагает этот штуцер под три патрона: .308 Win, .30-06 и 45-70 Gov. Если не принимать во внимание последний, кстати, древний «как мир», ему вот-вот исполнится 150 лет, то два первых патрона наименее пригодны для использования в штуцерной конструкции. Причём с этим согласны и специалисты завода. «Артемиды» сделана на базе обычного двуствольного ружья ИЖ 43, колодка которого рассчитана на гораздо более скромные давления, чем те, которые развивают при выстреле .308 и .30-06. Охотничьи штуцера никогда не предназначались для дальней стрельбы, а всегда были оружием короткого выстрела. Указанные же патроны разрабатывались для карабинов и их баллистика оптимальна именно для дальнего выстрела. Те

(или тот) от которых зависит выбор боеприпаса для разрабатываемого образца, в частности для штуцера «Артемиды», никак не хотят замечать имеющийся у нас практически идеальный штуцерный патрон 9x53R. Относительно невысокое (2600 кг/см²) давление, достаточная убийность на дистанциях до 200 м для всех крупных животных нашей фауны, делает этот патрон лучшим из всех выпускаемых нашей промышленностью для наиболее популярных у нас загонных охот и охот из засидки. Снятые в своё время с производства, в угоду симпатиям руководства к патрону .308Win, девятимиллиметровые карабины «Лось» и «Медведь» оставили многих охотников без надёжного высокоубойного оружия. Но тогда это можно было объяснить хотя бы тем, что не хватает производственных мощностей: можно выпускать либо тот калибр, либо — другой. Теперь то, что мешало?! Зверовые охотники, специализирующиеся на добыче крупного зверя, и сейчас готовы сменить любой вариант карабина кал.7,62 на девятимиллиметровые «Лось» или «Медведь».

Экспозиция ИЖМАШа немного интереснее. Из того, что может заинтересовать охотников, там были показаны: лёгкий малокалиберный (22LR) барабанный карабин «Ястреб» с ударно-спусковым механизмом револьвера «Наган»; вернули из истории и снова предложили для знакомства посетителям охотничий самозарядный карабин «Изюбрь» под патрон .308Win. Но особое впечатление произвела охотничья(!), хотя и не совсем новинка, винтовка «Рекорд 338» под охотничий вариант патрона 338 Lapua Mag., который с полуболочечной пулей массой 15 г имеет дульную энергию более 6 тыс. джоулей. Об этой винтовке написано, что она может использоваться для охоты на самых крупных представителей отечественной фауны — медведей и копытных. Вопрос только: «Кто же и где её будет использовать?» При заявленной массе 5,6 кг без оптического прицела, а с оптикой да с полным магазином ещё на килограмм больше (без оптики она вообще не имеет смысла), с дисбалансом на тяжёлый ствол — разве она может быть охотничьим оружием? Давно опытом многих сотен зверовых охотников определено, что 4000 Дж мощности патрона за глаза достаточно даже для «самых крупных представителей нашей фауны».

1. Общий вид MP 155
2. Неполная разборка MP 155
3. Ствольная коробка вид справа
4. Затворы: верхний — MP 155 нижний — MP 153

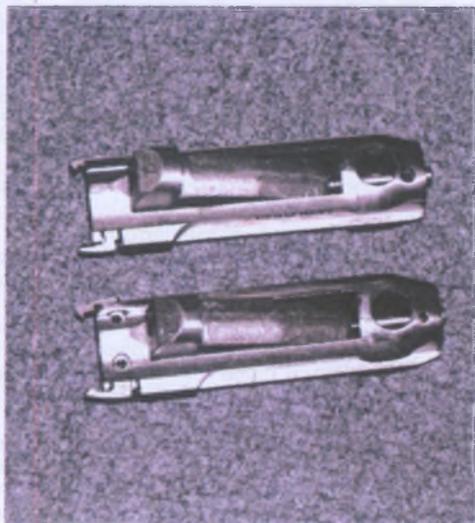
1

2

3

4

Кухта

В. СЕКОВАНОВ

*Леса окутала кухта
И в ветках затаилась.
Нежданно с дерева, куста
На голову свалилась...*

Густо осыпала деревья кухта. В лесу тихо. Лишь заворчит в глухом сосняке ворон да по сушине затарабанит дятел. К земле пригнула кухта елочную молодежь. Тряхнешь за вершинку, как пружины разогнутся мохнатые ветки, закачаются. Придавила кухта и вековые ели, поджала огромные мохнатые лапы. Треснет ветвь — с шумом понесется вниз лавина снега и льда, закружится облако белой пыли. Вскочит испуганный беляк с лежки, пулей понесется прочь, тревожно защебечут птицы. Не только ветви ломает кухта. «Трах-тара-рах» услышишь порою в лесу, присядешь от неожиданности. «Ух, ты! Не черт ли возится?» Ближе подойдешь, увидишь упавшее старое дерево — не выдержало снежного гнета. Особенно тяжко лесу в снежные мягкие зимы, когда после оттепели ударит морозец — стонет обледенелый лес!

В эту зиму жестоко обошлась природа с Иваном Крутовым. Лес всегда был для него вторым домом, но сегодня, будто дьявол пришел по его, Крутова, душу. Он замерзал...

Протяжно свистнув, маленький тепловозик с вагончиком, мерно покачиваясь и бойко постукивая на стыках рельсов, покатило по узкоколейке к дальним лесозаготовительным деланкам. Ближний лес был выпластан почти подчистую. Лишь в трудно доступных местах кое-где темнели островки-недорубки березняка. Вдали от поселка лес еще был. Не один десяток километров тряслись лесорубы, кочегаря железную печку и балагуря. Охотники, зная не понаслышке, что лучше плохо ехать, чем хорошо идти, частенько пользовались этим единственным видом транспорта.

В то утро отец и сын Крутовы направились проверять капканы по расставленным ранее путикам. При них была

лайка по кличке Выюга. Егерь, Иван Крутов, мужик лет сорока, невысокий, сухощавый слыл натурой увлекающейся, мог пробежать по заснеженному лесу без передышки и с десяток километров. «Ваньке и семь верст не клюшка», — частенько шутили над ним охотники. Упрямства Крутову не занимать. Уж ежели что решил, все бросит, а дело сделает. Лесовал он и зверя, и птицу. Нынче отправился с отцом и сын Серега. Крутов-младший, лет пятнадцати от роду, крепкий с виду парнишка, охотился не впервой на боровую дичь и зайца, помогал проверять отцу капканы. С первых дней промысла захватил Серегу капканый лов. Без устали выискивал он место, где поставить капкан, делал из веток крышу, чтобы не засыпал снег, сноровисто его настораживал, хитро вешал приманку. В сентябре, когда только еще готовились к промыслу, он попросил отца выделить участок для самостоятельного лова. Сначала Иван артачился, а потом поразмыслил: «Хорошо, хоть желание есть. Пусть лесом поживет. Сейчас многие торговать рвутся. Не всем же на рынке барахло продавать?»

Выделил Иван сыну одностволку, обозначил участок леса, расположенный недалеко от избушки, где они обычно ночевали.

— Серега, далеко не забирайся, проверь капканы и шарь в избушку, дров заготовь да протопи печку. Хоть и тепло сегодня, а плащ не снимай, кухта нынче тяжелая. Понял?

— Ты-то чего свой не надел?

— Я к штормовке привык. Проеду к дальнему путику, капканы осматрю. Вечером в избушку явлюсь. Ну, а завтра по железке домой.

— Ладно. Понял, — отозвался Серега и спрыгнул с замедляющего ход тепловоза.

Крутов проехал еще километра пятнадцать, крикнул остроушку лайку, свистнул машинисту, чтобы остановил, и под громкое «ни пуха, ни пера» сошел в снега.

До ближайших капканов было километра два. Собака, зная маршрут, резво шла впереди. Первый капкан поставлен был на берегу речки Вилтовки на норку. В отдельном «дворике» рядом с настороженным капканом висел нетро-

нутый кусок мяса бобра, пойманного Иваном неделю назад. «Все цело. След норчака хотя и был невдалеке, но, видно, сытым шел, котяра», — подумал охотник.

На подходе ко второму капкану издали определил, что ловушка сработала. Действительно, попался матерый хорь. С помощью жерди-очепы капкан с добычей был поднят примерно на метр, чтоб мыши не изгрызли шкурку. Все же голова зверька была попорчена. «Сойка-разбойница сработала. Ишь голос подает: скры-скры. Хорь, конечно, не куница, а все одно — пушнина».

В стороне залаяла Выюга. «Где-то на берегу Вилтовки орет. Кого же она там надыбала?»

Иван побежал на лай руслом речки. «Должен выдержать ледок, чай были морозцы-то». Но самоуверенность подвела. Пробегая сузившимся руслом, с треском провалился в ледяную воду. Мигом выскочил из холодной ванны и ползком добрался до берега.

«Черт подери, спички подмочил! Хорошо еще, что энзе есть». Крутов достал коробок, завернутый в целлофан, развел костер у старого выворотня. Скинул промокшую штормовку, болотники, выжал портянки, повесил для просушки. «На быструю, видно, попал или ключи рядом, — подумал запоздало. — Вот уж точно: поспешишь — людей насмешишь. Берегом надо было рвать».

Смолистый корень быстро опламенился, просушил одежду. Вернулась лайка. В умных ее глазах Иван прочел укор: «Я тут стараюсь, зову, а ты, чего застрял?»...

— Кого это ты там чиховостила?

Собака смотрела на хозяина немигающими глазами, нетерпеливо повизгивала.

— Ну-ну, без обид. Допустил я оплошку — с кем не бывает. Мелочевка это. Другую добычу отыщем.

Собака махнула хвостом, подошла, лизнула в лицо.

— Одобряешь. Поняла, значит. В избушку рано. Жалко день хоронить. Деньги надо зарабатывать. Давит житуха-то. Светка письмо из города прислала. Пишет — учеба идет чин по чину, да вот беда — сапоги у ней разваливаются, совсем худые. А мне совестно — купить не на что. Хозяйством не проживешь. Такие-то дела, Выюга. Ну, что пошла дочке на сапоги промышлять?..

Собака не двинулась с места.

— Ты, что, дурашка? О моем здоровье заботишься? Да просок я. Эка бедо, штаны промочил. День только начался. Погода теплая, не замерзну. Зас-

ветло на старый ус выберемся, а там, почитай, дома.

Настрой хозяина передался и Вьюге. Собака, одобрительно взвизгнув, махнула хвостом, исчезла в ближайшем пихтаче. «Тоже не больно домой-то тянет. Одно слово — охотница-а-а».

Во всех оставшихся капканах добычи не оказалось. Не увидел Иван и куньего следа. «Повыдушили брэки куньи. Две плотины бобров нарушили, сволочи. Обнаглели совсем. На черном рынке сбывают пушнину».

Иван сел на поваленную осину, закурил. Вспомнил, как прошлый год приехал в областной центр покупать Светке пальто. Та повела на рынок. Всякой всячины полно. И тряпок уйма и съестного горы. А цены — не по карману простому человеку. Уныло бродили они вдоль заваленных товаром прилавков. Смотрит Иван — мужик куньими шкурками торгует. Подошел, спрашивает:

— Почем штуку продашь честному человеку.

— За сорок зелененьких отдам.

— Рехнулся что ли?

— В полном здравии.

— Из-под собаки добыты или капканом?

— А хрен его знает.

— Откуда кунички?

— С Вилтовки привезли. Высший сорт!

Затрясся Иван от злости и обиды, за грудки схватил торгаша, закричал:

— Чужими руками жар загребаете! Знаешь, паскуда, я пятую часть за куньцу получаю! Моими куньцами торгуешь, гад!

Вывался торгаш из его рук, шкурки за пазуху сунул, рванул к выходу. Иван — было за ним, да Светка за руку схватила.

— Дожили, мать честная! Раньше, дочка, представитель заготконторы пушнину у охотников покупал, по домам даже ездил. Уважение было к промысловому. А теперь жулье скупает пушнину без зазрения совести, и брэки обнаглели.

— Не связывайся ты с ними, пап!

— А кто же хапуг к порядку призывает?!

Не забыл Крутов эту поездку. Еще по чернотропу снял пятьдесят браконьерских капканов. Троих поймал, штраф выписал. «Все равно шалят! Разве один управлюсь на такой территории. Раньше два егеря участок охраняли, теперь один остался — сократили. Пертурба-

цию устроили. Экономия, говорят. Зарплата-то у егеря — нищенская. Нашли на чем экономить. Скоро все леса опустеют. Брэки плодятся, а егерей с работы гонят. И кому в голову пришло дурацкие приказы давать?» — с горечью рассуждал Крутов.

«Чего я тут высижу? — спохватился Иван, резво встал, пошел к старой делянке. — Там, может, нашибусь на куний след». С трудом перелез небольшое болотце, вытаскивая сапоги с налипшими лаптями черной грязи. Чертыхаясь, околачивал болотники от грязи о стволы небольших сосенок. «На мокрую землю снежок-то лег!»

Выбравшись из болота на берег, сунулся в заросшую делянку. Перелезая через очередной завал, наткнулся на след куньей. «Наконец-то! Свеж следок — тропить надо. Непросто, зато интересно. Вольная зверушка. По кругу редко ходит, не заяц. Порой с десятком километров отмахнешь, прежде чем щелкнешь куничку».

— Вьюга, Вьюга! — позвал лайку Крутов.

Собака не появилась. «Не дай бог, за сохатыми увязалась. За лосями охота не запланирована. За куньей иду. Ладно. Догонит Вьюга — не впервой».

Крутов двинулся по следу. Долго петлял по лесу, вышел на свежую делянку. Огромные размеры вырубки поразили. «Рубанули лесочку — целое государство влезет! Здесь ведь одна хвоя была — елка да пихта. Вековые леса шумели. Теперь только ветер гуляет. При таких-то аппетитах скоро весь лес изведут. Дела-а!»

След куньей резко повернул, вывел в недоруб. «Не нравится, видно, куничке в делянке, в лесок тянет». Продравшись через мелкий ершистый ельник, Крутов увидел перья и кровь. «Рябка словила, бестия. Теперь наелась, кумушка, на отдых направилась, дрыхнет, поди, недалече. Отыщем мы тебя с Вьюгой».

Следы четко выделялись на снегу, выдавая каждое движение куньей. Иван вновь позвал Вьюгу. На этот раз собака явилась, тяжело дышала, вывалив красный язык.

— Где тебя носило сердешную? Часа два куньцу троплю. С тобой бы уж добыли!

Крутов ткнул лайку носом в след.

Вьюга все поняла, на махах скрылась из вида. Вскоре затарабанил по лесу ее лай. Крутов бросился на зовущий звук. Пробежав метров двести, понял, что куньца уходит. «Догоним! Вьюга — не шавка какая, пять сезонов в лесу».

Иван остановился. Определил направление хода куньей, ломанул наперерез, продираясь через завалы и густую чащобу. «По кругу не пойдет — надо на перехват». Лай прорезался громче. Но следа куньей не было. «Верхом, кумушка, шпаришь, верхом. Ничего, не проведешь! Верховое чутье и слух у Вьюги что надо, и глаз — ватерпас».

Лайка безошибочно шла за куньей, вдруг остановилась. Иван замедлил бег, стал скрытно подходить к елке, около которой челноком крутилась собака, с провизгом долдонила на что-то невидимое в густых ветвях. Куньца, учуяв охотника, черной молнией перемкнула на соседнюю ель. Крутов успел вскинуть ружье, выстрелить. Но куньца вновь проворно пошла верхом. Собака рванулась вслед. Не разбирая дороги, побежал и Иван. «Промазал, видно. Если в дупло уйдет, выкуривать придется, а то, не дай Бог, и дерево рубить. Топоришко-то туристский, едрена корень! В сторону от «железки» пошла, шельма, к Терентьеву прилему. Там прошлый год мужик сгинул — только через две недели мертвого нашли». Долго бежал охотник за удаляющимся лаем.

«Все равно достану. Не уйдешь бестия», — в распалившемся азарте размышлял Крутов. Но вот лай стал слышен отчетливее. «Опять на одном месте тарабанит. Задуплилась куничка!» Торопясь по следу собаки, Иван увидел и след зверька. «На землю спустилась, кумушка, упарилась там, наверху». Увидел на следах красную бусинку. «Кровянит следок-то, кровянит! Зацепил, кажись. Чувствуется, что уста-ла».

Иван бросил след и полез прямо на лай. На опушке увидел огромную ель, собаку, картинно гарцующую по кругу. Вьюга скулила, подпрыгивала, как волейбольный мяч. «Умела бы лазить по деревьям, наверняка была бы где-то на вершине». Иван стал медленно обходить ель, внимательно всматриваясь в крону. «Густа больно елка да и снегу много на ветках — не углядишь бестию». Сделал несколько кругов, но куньцу не обнаружил. «Не обманула ли нас эта шельма? Смылась незаметно, а мы тут мыкаемся зря». Но собака продолжала метаться вокруг дерева. «Что за наваждение? Дупла-то, вроде, нет. Где же ты, бестия?»

С вершины посыпалась снежная пыль. «Ага, пошевелилась, кумушка. Знаем теперь, где ты. Врешь, не проведешь!» Среди ветвей и снега он наконец-то обнаружил затаившегося зверька. Не спеша поднял ружье. После выстрела куньца, кувыркаясь, полетела вниз. Еще на лету поймала ее Вьюга, положила к ногам хозяина. Иван поднял зверька, внимательно осмотрел

добычу. «Не каждый раз такую добы-
дешь. Подфартило!»

В скупых лучах зимнего солнца бар-
хатный мех и янтарный галстук куницы
блестели. «А ведь больше не увижу я
тебя в лесу». Иван осторожно смахнул
капельки крови с головы зверька, бе-
режно положил куницу в рюкзаки. «Из-
вини, зверушка, Светке сапоги нуж-
ны...»

Только теперь, когда нервное напря-
жение спало, Крутов почувствовал, как
в лесу похолодало.

— Ну что, дорогуша, домой пора. Ус-
тала? Ничего, отдохнешь в избушке.

Крутов ласково потрепал Вьюгу по
голове, прикинул направление по ком-
пасу, висевшему у него на шее, мур-
лыкая себе под нос частушку: «Через
речку есть дощечка, тонкая, гибучая. У
миленка есть девчонка, как крапива
гибучая», полез напрямик в лесную
крепь. Шел по компасу, внимательно
осматривал местность. Вековые ели,
нахлобучив белые тяжелые шлемы,
дремали. Тихо было. Лишь черный дя-
тел выколачивал на сушине дробь.

В пойме безымянного ручья Крутов
пересек следы сохатых. «Бык и корова
с телком прошли — живы еще лоси в
наших краях! Смотрите не попадитесь
брэку на мушку».

На угоре показался крупный сосняк.
«За недорубом должен быть старый
ус», — прикинул Крутов. Но прошел час,
а ус не появился. Впереди замыаячил
горельник. «Как он тут оказался? — не-
доуменно подумал Иван. — Ой, ля-ля.
Видно, далеко нас занесло! Надо по-
торопливаться, а то темнеет». Он еще
раз внимательно сверился по компасу,
двинулся вперед. В стороне на-
смешливо застрекотала сойка. Горель-
ник кончился. «Куда нас занесло? Ни
единого ориентира! Вот тебе раз». В
голицига болотных сапог набился снег.
От мороза кухта стала сыпучей, напа-
дала в сапоги. «Балда, сыну велел плащ
одеть, а сам штормовку напялил. Был
бы плащ — не валился бы снег в сапо-
ги. Теперь дрожи, да форс держи».

Пальцы левой ноги стали мерзнуть.
«Видать, и сапог проколот... Пришла
беда — отворяй ворота, — с тревогой
думал Иван. — Всегда засветло выхо-
дил на узкоколейку, а сегодня, видно,
из графика выбился».

В частом ельнике загремел глухарь,
по прямой перелетел поляну и уселся
на толстенный сук старой сосны мет-
рах в пятидесяти от Ивана. «Живи, пока
я в лесу!»

Крутов часто останавливался, вытря-
хивал снег из сапог, растирал руками
замерзшие ноги. Но сапоги вновь на-
бивались снегом.

Зимняя ночь наваливается быстро.
Вроде еще и светло, а не успеешь обер-
нуться, будто мохнатой шапкой накры-
ет округу. На край леса Крутов вышел
уже в сумерках — дальше в низине уга-
дывалась делянка. «Что-то раньше я ее
не замечал, — с тревогой подумал
Иван. — Может, и заночевать здесь?
Ежели в делянку влезу, пожалуй, и ко-
стер не развести: сплошь мелколесье.

А, не впервой ночью из леса выходить.
Невелика, поди, делянка — проскочу!»

Торопясь, он спустился в низину,
полез через мелколесье. Тяжело идти
по заснеженному лесу, но в десять раз
хуже пробираться через заросшую де-
лянку, заполненную сгнившими остат-
ками лесногохлама. Иван часто оста-
навливался, жег спички, освещая ком-
пас. «Только бы добраться до избуш-
ки. Там сын заждался, небось». Снег
из сапог он уже не вытряхивал, торо-
пился прорваться через гиблое место.
Но окутавшая округу темень, крепкий
мороз, осыпаящаяся кухта — все на-
валилось разом.

Часа два бежал Крутов, но «желез-
ка» не появлялась. «Далеко, видно,
забрался, едрена-корень». Иван достал
спичечный коробок, осторожно
ощупав содержимое, остолбенел. Кор-
обок был пуст... «Спички кончились!
Вот это влип! Куда дальше-то идти,
елки-моталки?» По спине ползли му-
рашки. Пытаясь прогнать страх, Кру-
тов подбодрил себя громким криком:
«Живы будем не помрем!» Полез че-
рез делянку напролом. Долго бродил,
надеясь выйти на «железку». Узкоко-
лейка словно провалилась сквозь зем-
лю.

Устал Крутов, плохо слушались ноги.
С ужасом почувствовал, что пальцы на
ногах стали деревенеть. Надежда выб-
раться на узкоколейку угасала. Иван
опустился на снег. Подошла собака,
лизнула лицо. Охотник прижал остро-
ушку к себе, греясь ее теплом. Тихо
говорил Вьюге:

— И зачем это мы с тобой маемся,
по суметам лазаем? Поболтались бы у
поселка часа два, сбили бы охотку — и
шабаш. А мы вон в какую даль забра-
лись!

Навалилась дремота. У Крутова зак-
рывались глаза. «Только не спать!»
Иван вскочил, стал бегать кругами.
Обессилев, повалился на снег. Впал в
полудрему.

Снилось Крутову, будто бы птицей
подлетела к его избушке быстрая трой-
ка. Увидел Иван, на улицу вышел. Ку-
чер седой на облучке сидит, а в рас-
писных санях красавица в куньем меху,
улыбается. Кричит весело из саней:

— Садись со мной, Иван, рядышком.
С ветерком прокачу. Смотри, кони ко-
пытами снег роют, на месте стоять не
могут.

— Откуда ты меня знаешь?

— Я все знаю, Иван!

— Холодно. Замерз я.

— Здесь тепло, иди скорей!

Нет желания у Ивана в сани садить-
ся, но ноги сами несут. Вот он уже ря-
дом с красавицей в санях. Она смеет-
ся, стеклянными глазками на Ивана
смотрит. «Обними меня крепко», —
шепчет на ухо. Вихрем понесли кони.
Снег столбом в разные стороны полетел,
деревья замелькали. Тепло стало
Ивану. Птицей летит тройка — Иван по
сторонам смотрит. Оглянулся и остол-
бенел: стая волков следом бежит.

— Сожрут серые! — кричит Иван.

— Не бойся — охрана это, — смеет-
ся спутница.

Долго колесили по заснеженному
лесу. Вдруг кричит красавица кучеру:
«Останови лошадей!» Как вкопанные
стали кони. Храпят, гривами трясут,
копытами снег по сторонам разбрасы-
вают. И волки пропали.

— Пойдем, погуляем, Иван, — лас-
ково шепчет на ухо красавица.

— Холодно там. Только согрелся.

— Не бойся — не замерзнешь. Шуба
у меня теплая, широкая. И тебе места
хватит.

Только вылез Иван из саней — сразу
тройка с места в карьер рванула, ис-
чезла за деревьями.

— Ну, мужик сиволопый, догони-ка
меня, — говорит ему спутница. И нет в
ее голосе ласки.

— Ты это куда привезла меня? — кри-
чит Иван, кулаками машет. — В избуш-
ку отвези!

А та смеется:

— Ишь чего захотел, ишь чего захотел. Догони сначала.

Рванулся Иван к ней, а она уже далеко. Разозлился, припустил во весь дух. Вот-вот догонит. Только протянул руку, чтобы схватить, а красавица вдруг нуницей обернулась и с маху на ель здоровую взлетела, затаилась. Тут собака громко с провизгом залаяла. Тарабанит во всю.

Иван открыл глаза, не понимает, где он. Собака лицо лижет, скулит, взлаивает. Понял — его будит. И еще понял Иван, что замерзает. Рукавицы скинул, руки снегом растер, погрел в мохнатой шкуре лайки. Сапоги сбросил, давай, снегом пальцы оттирать. Переобулся, Выюгу к себе прижал. Собака вдруг насторожилась, подняла остроносую морду, взвизгнула и, вырвавшись из рук, скрылась в ночи.

«Вьюга! Вьюга!» — звал Крутов. Собака не вернулась.

Морозило все сильней. Сидеть было невмоготу. Иван схватил топор, стал остренело крушить мелколесье. «Врешь — не возьмешь, смертушка. Помирать нам рановато!» — пытался бодрить себя Крутов. Обессилел, выронил топор, повалился в снег. «Серег, где ты?!» — закричал Крутов.

Серег в хорошем расположении духа влетел в избушку. Еще бы! Хоря и белку добыл. Теперь он промысловик. Отец доволен будет. Быстро наполнил лучковой пилой дров, перетаскал в избушку, затопил печку. Вскипятил чай, ужин приготовил — все чин по чину, как наказывал отец. Есть не стал, только попил чаю. «Отец придет — вместе поужинаем».

Взял старую районную газету и уж в который раз прочитал: «В районе участились случаи браконьерства. Так, 20-го ноября нигде не работающие Сломин Г. и Пестин С. на берегу Вилтовки выследили и застрелили лося. Но дармовым мясом им воспользоваться не удалось. На месте преступления оказался егерь Крутов И. В. Проявив мужество, он задержал браконьеров. За нанесение ущерба охотничьему хозяйству Сломин и Пестин оштрафованы. Ружья браконьеров конфискованы...»

«Писать мастаки, а помощи отцу никакой. Только он и бьется с брэками. Больше никому нет дела до них. Боятся. Лес — дело темное. Сломин и Пестин предлагали мясо отцу, а когда он отказался, грозилась счеты свести. Да разве бату напугаешь? Не зря в округе мужики его Крутым кличут», — поджидая отца думал Серег.

Он вспомнил, как прошлой осенью собрал в лесу двухведерную корзину груздей, еле нес. Подходя к Остинскому полю, услышал выстрелы и шум мотора. «Брэки!» Серег пихнул корзину под куст и помчался домой.

Отец сидел за столом, пил чай. Переводя дух, Серег выпалил:

— Батя, брэки на машине орудуют.

— Где?

— На Остинском поле овсы мнут.

Фары-то, что прожектора шарят!

Егерь поставил на стол стакан, сжал кулаки, потом взял ружье и молча вышел на улицу. Сын выскочил следом.

— Батя, и я с тобой.

— Пошли.

Когда подходили к полю, запахло дымом. На опушке леса полыхала поваленная бурей ель, в стороне стояла машина. Было светло, как днем. У огня сидели трое, пили водку. Рядом грудой валялись окровавленные зайцы. Приставленные к крыльям машины злоеще поблескивали вороненой сталью ружья.

«Стреляют по всему, что шевелится. Обнаглели брэки совсем. Волки и те после разбора ноги уносят», — с горечью подумал Крутов.

Отец с сыном незаметно вплотную подошли к костру, остановились. Приезжие, как сговорившись, разом подняли вверх головы, заводили по сторонам глазами.

— Как поохотились? — резко спросил Кругов.

— А тебе-то что? Ты что поп, чтобы исповедоваться? — прищурив маленькие заплывшие жиром глазки, прошепелявил с короткой, как у быка, шеей толстяк.

— Я Крутов Иван, егерь здешний, а это сын мой Серег.

— Не знаем таких. Мы из города были.

— Садись, с нами водочки хлебни, где еще поохотиться посоветуй.

— Что? Не удовольились?! Мало дичи загубили, мало овсов помяли?! Я постою, вот вы насидитесь. Только не здесь, а в зоне на нарах. Теперь совет — сдайте подобру-поздорову документы и ружья.

— Чего-чего? — переспросил щегольски одетый фронт. — Ты знаешь, ошметок, на кого наезжать удумал? Остаток жизни на таблетках доживать охота?

— К чему волноваться? Не твоих же кроликов постреляли, — жестом остановив фронта, уже миролюбиво сказал толстяк. — Много зайчиков по полям и лесам бегают. Нам хватит. Не кипятись — бабки мы отблагодарим. Зачем на рожон лезть? Живи тихо, не выпячивайся. И все будет хорошо. Хорошо будет, понял? Давай дружку заведем. Машинёшку у нас по дешевке приватизируешь, кран от цистерны с бензином для тебя откроем. На машине разьежжешь будешь — в ногах правды нет!

— Сдайте документы и ружья, — сухо повторил егерь. — Номер вашей машины запомнил — все равно нигуда не денетесь. Зря стараетесь. Крутов не продается!

Неожиданно сидевший молча длинноволосый верзила вскочил, выхватил из ножен нож и с криком: «Зарежу!» бросился на егеря. Крутов сделал обманное движение, верзила юзом пронесся мимо, с треском грузно упал на кучу лесного хлама.

Егерь скинул с плеча ружье, крикнул:

— Еще кто поднимется — порешу!

Серег, забирай ружья, быстро!

Фронт напряжился, готовясь к прыжку. Крутов навскидку выстрелил, разнес в дребезги бутылку водки. Браконьеры распластались на земле.

Услышав приказ отца, Серег сорвался с места, быстро собрал ружья, разрядил, подбежал к нему, громыкая железом, и бросил на землю.

— Сними трамблер и ключ зажигания заberi. — вновь скомандовал отец.

— Готово! — крикнул Серег.

— Завтра жду вас в конторе в девять ноль-ноль. Спокойной ночи, господа! Смотрите, не проспите! — напоследок насмешливо произнес Крутов и, пропустив Серегу вперед, пошел следом. Сзади долго слышались угрозы и мат.

— Промеж себя, видно, разодрались, волки, — слушая удаляющуюся ругань, сказал Крутов.

«Деньги делают всё! Отец говорил потом, что откупились, брэки. Штрафом отделались! Но больше в наших краях не появлялись. Отвадили!», — вспомнил Серег.

В избушке потемнело. «Пора бы отцу подойти».

Серег вышел в надежде увидеть Вьюгу, обычно прибегавшую домой чуть раньше отца. Кругом пустынно, холодно. Он несколько раз свистнул — никто не откликнулся. «Случилось что-то!» — с тревогой подумал Серег. Вернулся в избушку, быстро оделся, схватил ружье, спички, фонарик, выскочил за порог. Пошел по узкоколейке, часто останавливался, кричал. Лес безмолвствовал. Серег сдернул с плеча ружье, выстрелил, прислушался. Тихо. Вынул еще два патрона, выстрелил с интервалом в минуту. Ответа не было. Включил фонарик, надеясь, что отец увидит луч света, побежал по узкоколейке. Сноп света выхватил в темноте силуэт бегущего зверя. «Волк!» — насторожился Серег. Сорвал с плеча ружье, всадил в ствол картенный патрон. Зверь бежал навстречу, по узкоколейке. «Да это же Вьюга!» — разглагольствовал Серег.

— Вьюга, Вьюга — сюда. Вот! Вот! Вот! — закричал он. Лайка подбежала тяжело дыша. — Вьюга, а где отец?

Собака взлаяла, заскулила. Серег пытался ее успокоить — не помогло. Сунул под нос кусок хлеба — не притронулась.

— Пап! — что есть силы крикнул Серег. Еще раз выстрелил, прислушался.

Теперь было ясно — отец попал в беду. Собака развернулась, скуля, побежала в обратном направлении. У Серег мороз прошел по коже. Долго бежал за Вьюгой по узкоколейке. Голос лайки отдалился, стал глуше. Серег понял, что лайка в лесу. Света фонариком, нашел ее след, побежал на голос. Продираясь через чащобу, падал, вновь поднимался. Останавливался, слушал — лай был на одном месте. Собака звала.

«Вьюга, лай громче, не молчи», — мысленно умолял собаку Серег. Выскочил на открытое место, замер от неожиданности. Вся поляна была ис-

топтана, кругом валялось исковерканное мелкоколосье. Сереге показалось, что тут был смертный бой: «Не с брѣками ли схватился отец?»...

Вьюга лаяла совсем рядом в мелком ельнике. Не добежав до собаки, Серега запнулся за что-то мягкое, высветил лучом света рюкзак. Рядом валялось ружье. Отца не было.

— Пап! — крикнул Серега. В ответ только надрывный лай Вьюги заполнял округу.

Протиснувшись сквозь еловый заслон, Серега оказался рядом с собакой, лучом света стал обшаривать ельник. Увидел отца. Подогнув под себя небольшую елку, отец лежал на спине, руки его были скрещены на груди, глаза закрыты, на ресницах осел иней.

Серега нагнулся, схватил ворот за куржевшей штормовки, начал трясти отца. Тело было непослушным и тяжелым. Он стал растирать снегом руки и лицо отца.

— Пап, просыпайся!

Отец молчал. Серега вновь начал в отчаянье трясти безжизненное тело.

— Пап, проснись же! Проснись!

Отец шевельнулся, двинул правой рукой. Серега посветил в лицо, увидел медленно открывающиеся глаза. Снова стал растирать лицо отца.

— Ггуу, — слышался гортанный звук.

— Проснись, пап!

— Кто это? — сквозь забытие, еле шевеля онемевшими губами, прошептал отец.

— Проснись же наконец! Ты меня слышишь?! — тряся отца, кричал Серега.

— Как ты сюда попал? — прошептал отец.

— Вьюга привела! — обрадовавшись родному голосу, со слезами на глазах крикнул Серега.

Он стащил с отца болотники, стал растирать ноги снегом, быстро скинул свои сапоги, снял теплые шерстяные носки, натянул на ноги отца, сноровисто переобул его в свои сапоги.

Из темного облака вынырнула луна, осветила округу бледным светом.

— Пошли, отец. Далеко идти надо.

— Сынок, может, здесь ночью или вскорь запалим?

— Разве в делянке-то ночью спроводим?

— И то верно. Ружье, рюкзак надо отыскать.

— Я нашел. Надо идти, пока луна светит. Поднимайся скорее, отец. Фонариком наш еле светит — батарейки сели.

Серега протянул отцу руку, второй рукой зацепил молодую березу, стал тащить отца на себя. Тот кой-как встал, шатаясь, ухватился за березу. Серега надел рюкзак, на одно плечо навесил ружья, на второе оперся отец. Шли медленно, на ощупь по следу Сереги. Порой спотыкались, падали. Отлежавшись, вновь поднимались и брели вперед. Хрустел под ногами снег. На небе выпали звезды.

Неожиданно Серега споткнулся, полетел под горку и со всего маху ударился боком обо что-то твердое.

— Подъем, — сквозь зубы сказал Серега. Морщась от боли, он медленно встал. Сильная боль в боку не давала покоя. «Рѣбра сильно ушиб. А, может, сломал?»

Словно перехватив мысль сына, Иван сказал:

— Держись, Серега!

В стороне послышались зловещие звуки: В-у-у! У-у-у-у! В-у-у-у!

— Волки, сынок! — Остановились, прислушались. — На семь голосов воют. Вьюгу возьми на поводок — разорвут. Картечью заряди.

Собака злобно зарычала, оцетинила загривок.

— Не выдумай с поводка сорваться, — урезонив собаку Крутов. — Сожрут и пикнуть не успеешь.

По мелькнувшей вдалеке тени Серега выстрелил навскидку.

— Не горячись! Наверняка бить надо — патронов мало, а дорога длинная. За собакой следи.

Волки пропустили их, следовали по пятам. Впереди показались прогал.

— Узкоколейка, пап!

— Наконец-то! Там будет полегче.

С трудом выбрались на узкоколейку. Охватывают стороной, сволочи. Дай-ка, сынок, одностовку, она полегче.

Волчьи тени маячили и справа, и слева.

— Серега, стереги правую сторону, а я — левую.

Пройдя километра три, подошли к Вилтовке. От мороза сухо потрескивали деревья. Вой волков прекратился, но зловещие тени мелькали все ближе.

— Загнать хотят, — сказал отец, поднял ружье и выстрелил по освещенному луной зверю. — Наглеть начали. Это прибылой глупыш на рожон лезет. Матерые — поумней, выжидают. Опасны они, сынок...

«Только бы дойти! Только бы дойти!» — твердил про себя Серега.

Волки показались и спереди. Нехотя уступали дорогу.

— Измором хотят взять. Держись, сынок, — подбадривая себя и сына, сказал Иван.

Вьюга неожиданно рванулась, поводок выскользнул из рук. У Сереги захватило дух. К собаке тут же метнулась тень. Волк шел на махах. Серега вскинул ружье, напустил зверя, выстрелил. Волк не остановился. Он выстрелил из второго ствола. Зверь ткнулся в снег шагах в десяти.

— Вьюга! Вьюга! — в один голос позвали отец и сын. Лайка мигом очутилась рядом. Серега сноровисто схватил поводок, погладил собаку.

— Тебе что, дурашка, жизнь надоела?

— Молодец! Кажись, переярка прищучил, — похвалил отец.

Волки отстали. Сзади слышалась

грызня, рычание, треск раздираемой шкуры.

— Собрата жрут. У них свои законы, сынок.

Впереди в лунном свете замаячил поворот.

— Ванькинский криуль впереди, за ним — дом, да сил у меня нет, — тихо сказал отец, выронил ружье и осел на снег.

Серега попытался поднять отца, но не смог. Тогда он взвалил его на себя, прогибаясь под тяжелой ношей, пошатываясь, пошел. Но скоро выбился из сил. Остановился, бережно положил отца на снег. Сзади опять послышалась вой.

— Сынок, так не дойти — волокуша нужна.

Серега вытащил топор, вырубил пару молодых елок, перевалил на них отца и, собрав остаток сил, потащил волокушу. «Только бы дойти!» — твердил он. По сторонам вновь замаячили тени. В лунном свете показалась избушка.

— Наконец-то! Пап, считай мы дома.

Серега пустил в избушку Вьюгу, втащил отца, закрыл став. «Дошли! А вот дальше-то как!» Положил отца на нары, снял с него сапоги, накрыл полущубком. Растопил печку, поставил кипятить чай.

Избушка наполнилась теплом. Иван приподнялся на нарах, достал папиросу, закурил.

— Как ноги, отец?

— Обошлось. — Иван молчал, думал, докурив папиросу, сказал: — Сынок, может, бросить тебе лесное дело? Сам видишь, опасное занятие.

Серега молча подкинул в печку дров.

— Нет, батя. Если уж мы отступимся, кто тогда охранит лес?

Рисунки И. Маковеевой

Словарь русского охотничьего языка

Е. ЦЕЛЫХОВА

Кулема, кулемка — самолловное оружие, действующее по тому же принципу, что и **пасть**, однако давящий гнет состоит из одного массивного бревна, которое при падении бьет зверя (белку, горностая, колонка, соболя, поперек тела (*Изготовление кулем требует от охотника меньше времени, сил и материала, чем сооружение пасти или слопца (исключение составляют кулемы на медведя и косулю) (Черенков С. Е., Матюнин М. М. «Самоловы»*); виды **кулем**: **кулемка** на белку, горностая и колонка, **кулемка** на соболя, **кулемка** Рослякова, Вороговская **кулемка**, **кулемка** на куницу, **кулемка** на норку, **кулема** на косулю или **огородная пасть**, **кулема** на медведя, ловушка-давилка на соболя, **жердка** на горностая, пружинная **кулемка** на куницу, **лисий башмак**; название ловушки заимствовано из языка коми и переводится «ловушка, сеть».

Куропач — (разгов.) самец куропатки (*В ряде районов нашей страны белая куропатка имеет большое хозяйственное значение. У этой куропатки много местных названий. Самца зовут куропач, барабанщик, питун, самку — курочка, куропать, куропатка, белый тетерев, таловка, ольховка, березовка («Настольная книга охотника-спортсмена»*).

Лабаз — 1) место хранения запасов; 2) засидка (*Лабазы эти делают весьма различной формы и величины, смотря по тому, для одного или для двух охотников они предназначаются, и бывают или закрытые с боков, как сидьбы, или просто открытые, имеющие только один деревянный помост (А. А. Черкасов «Записки охотника Восточной Сибири»*); возможно также **лабазить** ставить **лабаз**, сидеть на **лабазе**; 3) лодка с двускатной крышей, применяемая на севере европейской части СССР (*Н. Ф. Реймерс «Словарь охотника»*); существует мнение, что слово заимствовано из языка коми, однако противники этой точки зрения утверждают, что слово исконно для славянских языков, а в коми, чувашском и татарском является заимствованием из русского: русское «лабазина» «хворостина, палка», укр. «лабуз» «стебли сорной травы», польское «lobozg» «сорняк», старославянское «loboz, lobozie и т. д.» «стебель, хворост, мелкая заросль, кустарник», которые сближаются с др.-инд. «libija» «тростник, лиана» (по М. Фасмеру); вероятно, связано также с диалектным «лава, лавы» «пешеходный мостик через речку, топкое место» («Большой толковый словарь русского языка»).

Лад — составляющая экстерьера борзой собаки (согласно П. М. Губину («*Полное руководство ко псовой охот-*

те») и гончей); возможно, также: **ладистая**, **ладная** хорошо, пропорционально сложенная; **неладистая**; в **борзых ладах**, в **сучьих ладах**, в **кобелиных ладах**; вероятно, связано с общеязыковым «лад — способ, образец, манера» («Большой толковый словарь русского языка»).

Лаз — 1) место, по которому обычно проходит зверь и где возможен его отстрел или травля; возможно, также: **становиться на лазу**; **верный лаз**; 2) входное отверстие норы (*Во всякой барсучьей норе несколько отнорков имеют сообщение с дневной поверхностью для освежения воздуха; они же служат и побочными выходами из норы, если главный лаз будет захвачен (А. А. Черкасов «Записки охотника Восточной Сибири»*); 3) отверстие в снегу, оставленное хищным зверьком (горностаем, лаской), нырнувшим в подснежные ходы полевков и др. грызунов; 4) **продух во льду**, из которого вылезает из воды нерпа или иное ластоногое; 5) **то же**, что чело берлоги; 6) входное отверстие в собачьей будке (*Н. Ф. Реймерс «Словарь охотника»*); 7) вход в хатку бобра (по Н. Ф. Реймерсу); отглагольное существительное в значениях 2—7 близкое к общеязыковому «узкое небольшое отверстие, щель, через которое можно пройти, проникнуть куда-либо» («Большой толковый словарь русского языка»).

Лай — звуки, издаваемые собакой и некоторыми другими животными (*Лай* похожий на влзлаивание крик испуганной косули (*Н. Ф. Реймерс «Словарь охотника»*); **лаять** — издавать особые звуки; общеязыковое слово древнего происхождения: др.-инд. *gayati* «лает», однако в рамках охотничьего языка упорбление не абсолютное: о гончей, идущей по следу, говорят «**отдавать голос**».

Ледянка — переносная живоловушка на горностая. (*Ловушку изготавливают следующим образом. Зимой замораживают в цилиндрическом ведре воду на толщину 3—5 см. Затем в центре ледяного цилиндра, при помощи бутылки, наполненной горячей водой, делают отверстие диаметром 4—5 см. Через него выливают оставшуюся внутри... незамерзшую воду. После чего ведро вносят в теплое помещение и через 15—20 минут вытряхивают из него ледяной цилиндр. Внутри этого цилиндра кладут немного сена с зерном и сажат живую мышь (Черенков С. Е., Матюнин М. М. «Самоловы»*).

Лежать — 1) (о звере) находиться на **лежке**; **лежать на слуху** — говорится о далеко встающем звере; **лежать крепко** \ **не крепко**; **ложиться, залегать** — уходить на лежку; 2) **даун**, одна из основных команд, выполнения которой добиваются от легавой собаки или спаниеля в период дрессировки.

Лежка — место, где зверь прячется и отдыхает днем (*Беляк для своей лежки выбирает места с густым подсадом, плотной травой, любит залегать в буреломах и вырубке (Н. П. Пахомов «Как охотиться с гончими»*); **выдержать лежку** — остаться на **лежке**, несмотря на наличие рядом людей и собак (*Лучшие дни для подъема, когда морозец схватит землю в лесу станет «шорстоко», шаги охотника и собак и вообще все звуки гулко разносятся. В это время зайцы не выдерживают лежки и вскакивают издалека, и собаки скоро и легко прихватывают их взбудные следы (Н. П. Пахомов «Как охотиться с гончими»*).

Лезть, пролезть, слезть — (о звере) уходить **лазами**, по перелазам (*В то же время на глазах другого судьи через просеку тихо слезает шумовая лиса (Н. П. Пахомов «Охота с гончей»*); из общеславянского словарного фонда.

Лепиться — 1) подсаживаться к чучелам на деревья (о тетеревах); 2) с лета садиться на дерево (о тетереве, молодом глухаре, рябчике) (*Когда нагон делается умело, тетерева лепятся с березы на березу, делая незначительные перелеты, чтобы поменьше отрываться от кормежки (А. Н. Зворыкин «Охота нагоном»*); метафорический перенос.

Лесная дичь — дичь, обитающая в лесу; согласно официальной классификации (в Правилах охоты от 16 ноября 2010 г.) выделяются только **боровая, степная, полевая, болотно-луговая и водоплавающая дичь** (при этом речь идет только о птицах, тогда как звери подпадают под категории **пушные животные, медведи или копытные животные**); лесная дичь в некоторых случаях является синонимом **боровой дичь** (Энциклопедия «Русская охота»).

Лёт — утреннее и вечернее перемещение уток с кормежки на ночевку и обратно; на этом явлении основана охота на уток на перелетах; **стрельба в лёт** — стрельба птицы на лету.

Летовать — (разгов.) проводить летний период времени; возможно также **летовые** — летнее место пребывания (о волке).

Лещеватость, лещеватое сложение — сложение собаки с узкой клинообразной грудной клеткой (*Есть породы гончих слабого, лещеватого сложения — обыкновенно параты, но в таковых паратости хватают очень ненадолго, и после одного дня охоты такие гончие никуда не годятся и требуют отдыха (Н. П. Кишенский, «Ружейная охота с гончими»*); возможно и о других животных (*Н. Ф. Реймерс «Словарь охотника»*).

Продолжение следует

Начало см. № 1—12. 2012 г., № 1—2. 2013 г.

Насмешка старого соболя

Геннадий ЛАПСИН
г. Новосибирск

Старое доброе время, о котором мы иногда вспоминаем с ностальгией, выглядит как-то моложе. Вспоминая молодость, приходится сомневаться в незыблемости некоторых утверждений. Например, что учиться надо на чужих ошибках. С этим нельзя не согласиться. Но как их избежать молодому человеку в условиях дикой тайги, когда на десятки километров вокруг нет ни души. Без шишек и просчётов не обойтись.

Будучи студентом, я охотился на соболей в прибайкальской тайге в учебно-опытном охотничьем хозяйстве Иркутского сельскохозяйственного института. Охотничьи угодья, преимущественно из темнохвойной тайги, занимали бассейн речки Морская Колесма, впадающей в Байкал около деревни Большая Голоустная. В военные и послевоенные годы здесь заготавливали древесину. Хвойники уцелели только на крутых склонах хребтов. Леса на полтора километра в обе стороны от рек, ручьёв и водоёмов являются водоохраной зоной, — запрещены для рубки, что закреплено в законах. Как в советское, так и в настоящее время лесозаготовители плевали на закон — как валяли, так и валят лес от берегов до непреступных скал.

Вечно зелёная тайга зияла пустыми глазницами сплошных вырубок, поросших молодыми берёзами и осинами; убегала к темнеющим вдали серым хребтам в космах багряных облаков, освещённых лучами низкого зимнего солнца. Вдоль речек, изгибаясь гигантскими змеями, тянулись лежнёвые дороги из ядрёных лиственниц, скреплённых между собой железными скобами. Люди давно покинули эти места, но кое-где уцелели брошенные посёлки лесозаготовителей; ещё добротные дома чернели провалами выбитых окон и сорванных дверей; везде царил запустение и уныние. Надвигалась неминуемая гибель построек, недавно так необходимых человеку.

В ту зиму на территории хозяйства охотились на пушного зверя шесть человек. Преподаватель и три студента-первокурсника жили в большом зимовье в истоке Морской Колесмы в пяти—шести километрах от Байкала. Второкурсник Анатолий обитал в старенькой сторожке на заброшенном верхнем складе лесозаготовителей, которых в тайге было немало. Склад — это расчищенная в лесу площадка, на которую трелевали только что сваленные дере-

вья. Здесь обрубали сучки, если надо кряжевали на ассортимент, а затем грузили на автомобили. Рядом находились различные бытовки для отдыха рабочих и мелкого ремонта техники. Вокруг противотанковыми ежами громоздились горы откомлёвки и вершинника.

Моё «центральное зимовье» тоже находилось на берегу безымянного ручья на заброшенном верхнем складе лесозаготовителей. Я был как бы «вольным стрелком», потому что писал дипломную работу именно по приписному охотничьему хозяйству, что позволяло мне собирать материал и охотиться везде, где заблагорассудится. Когда надоедало одиночество — уходил с охотой к своему брату-охотоведу.

Жил в бывшей кузнице, просторном бревенчатом помещении с прокопчёнными стенами и высоким потолком. В небольшой пристройке осталась куча древесного угля, который ранее использовался как кокс. Он прекрасно горел в железной печи и спасал меня в любые морозы от холода. Никогда, ни до, ни после у меня не было в тайге такого прекрасного топлива.

Внутри избушки, кроме железной печи, небольшого стола и голых нар из необструганных досок, ничего не было. В советское время студенты-охотоведы находились в очень тяжелом финансовом положении. Это в первую очередь касалось тех, кто занимался промысловой охотой. Только содержание промысловой лайки в течение всего периода обучения требовало уйму времени и средств.

Заход в тайгу осуществлялся на свои деньги. Кроме этого, необходимо было приобрести оружие, боеприпасы, специальную суконную одежду, продукты питания для себя и собаки. Обычно студенты ехали в специализированные промысловые хозяйства, где проходили практику, или списывались с охотоведами, выпускниками нашего института. В таких случаях промхозы помогали им забраться на охотничий участок. В остальных случаях студент полностью полагался на свои силы и возможности.

На кафедре мне выдали стипендию за четыре месяца и, слава Богу, вручили комбинированное ружьё «Белка», которое обладало отличным боем.

И вот в конце октября высаживаюсь во второй половине дня из автобуса с огромным рюкзаком и собакой, не доезжая десятка километров до посёлка Кочергат. До моей избушки семнадцать километров. К концу пути силы покидают меня, плечи в садинах и кровоподтёках от лямок.

Само собой разумеется, я не мог и не имел возможности занести спальный мешок или какое-нибудь постельное бельё и запасные тёплые вещи. Спать приходилось на голых нарах.

С вечера занело погоду: тёмные тучи седыми космами цеплялись за вершины хребтов, юго-западный ветер усиливался с каждым часом. Всю ночь деревья надсадно стонали и скрипели под его неослабевающим напором.

Утро было хмурым и серым. Снежные вихри металась среди могучих деревьев, втягивали в свою круговерть сорванные хвоинки, кору молодых веток, мелкие сучки и всякую ветошь. Тайга испуганно ухала, выла и свистела; надсадно скрипели старые кедровые исполины, и, не выдержав яростного напора стихии, какой-нибудь из них опрокидывался навзничь, круша на своём пути вся и всё. От удара содрогалась земля, окрестная тайга оглушительным грохотом отдавала последние почести заслуженному кормильцу окрестной живности.

Собака нехотя вылезла из конуры, потянулась всем телом, прогнувшись в спине, сбегала к кучам откомлёвки по своим делам и юркнула в тёплое чрево своего убежища.

Погода была явно не для промысла соболя. Как говорила моя мать: «В такую погоду добрый хозяин собаку гулять не выпускает», но какое-то смутное предчувствие удачи вытолкнуло меня с собакой в снежную круговерть. С Люстрой, дворноватой, но добычливой лайкой, чёрной, как смоль соболятницей, я охотился пятый год. Встретив «парной» след, она на первых порах сгоряча могла спорить в пяту, но через сотню метров, учув по запаху свою оплошность, разворачивалась и преследовала зверька напористо и спорно, пока не загоняла его на дерево или в укрытие.

С полчаса мы шли через высокоствольный кедрчак, поражённый сибирским шелкопрядом. Больно было смотреть на могучие кедровые с серыми безжизненными космами погибшей хвои, а то и полностью голыми ветками. Кое-где унылую картину оживляли разлапистые ветки с живой хвоей, точно изумрудные лоскуты на сером одеяле.

Всё так же, не переставая, шумел в ветвах ветер, валил густой снег. Буря быстро заметал наши следы. Люстра бежала чуть впереди, не проявляя прищущей ей прыти. Мы приближались к подножью хребта, где заканчивался кедрчак и начиналась старая гарь. В небольшом распадке перехватили свежий след соболя. Люстра бросилась в

погоню, но вскоре вернулась — снег и ветер быстро переменяли следы. Я взял собаку на поводок, и мы пошли распутывать соболиные ребусы. Люстра сначала пыталась бежать впереди меня, но после десятка резких рывков за поводок и шарканый мордой о стволы деревьев угомонилась и покорно брела сзади.

Ветер не унимался, под его напором жалобно шумели высокие кедры, молодые ели раскачивались из стороны в сторону, словно маятники старинных часов, снег валил и кружилась в диком танце не переставая. В такую ветреную погоду у соболя короткий след. Зверёк где-то рядом. Только бы не потерять его в снежной мешанине.

В еловом распадке, в который мы спустились, было по-вечернему сумрачно и мрачно; ветер не мог разгуляться под разлапистыми елями и пихтами, где соболиные следы хорошо просматривались. Зверёк более тщательно обследовал выворотни и поваленные деревья в поисках мышей. Мы настигали его. Следы становились с каждой минутой заметней и свежей, позёмка не успевала их заметать. Собака почуяла близость добычи. Спустил её с поводка — она моментально исчезла в тайге. Прошёл по следам не более пяти минут, когда сквозь вой ветра донёсся лай собаки «по зрячему». Зверёк задеревил на невысокой пихте. Я подошёл к добыче. Тёмный красавец, не таясь, изящно полустоял, полусидел на двух сучках: задние ноги опирались на нижний, а передние на верхний сук. Маленький хищник безбоязненно с нескрываемым любопытством наблюдал за невиданными пришельцами. Шикарный соболь был само спокойствие. Он впервые увидел собаку и человека и не понимал плачевности своего положения. Желанная добыча была в каких-то семи метрах от беснующегося пса и приводила его в неистовство. Я рассматривал красивого зверька в столь редкой позе и горько сожалел, что не было фотоаппарата.

Мы заповлевали добычу. С восхищением разглядываю княжий мех роскошного соболя, без всякого сомнения, относящегося к самому ценному баргузинскому кряжу. По чёрному меху струится нацвет из яркой седой ости, с двойной зонарностью остевого волоса и густой шелковистой подпуши. Редчайший трофей даже для Прибайкальской тайги — один зверёк на тысячу. В остальных подзонах сибирской тайги, где не выпускали при расселении баргузинских соболей, вообще нет таких красавцев.

Окрылённые успехом углубились в тайгу. День казался прекрасным, а погода расчудесной — лучше не бывает. Я готов был всю зиму не видеть солнца лишь бы каждый день добывать по соболю. Мы шли среди кедров-великанов вверх по хребту к старой гари, заросшей ольхой, молодыми осинами и редкими берёзками. Снегопад прекратился, но ветер, шурша позёмкой, продолжать дуть с неослабевающей силой. На всём пути ни одной живой

души, ни одного следка. Но мы упорно шли вперёд, не теряя надежды на удачу. Какая-то неведомая сила заставляла меня двигаться в избранном направлении. Холодный ветер пронизывал через суконную куртку насквозь, мёрзлы лицо и руки.

К полдню перехватили соболиный след. Это была несомненная удача. Численность соболя в угодьях была невысокой. Судя по округлости и размеру отпечатков лап на снегу, след принадлежал крупному коту. Он был коротким. Маленький хищник пересекал гать поперёк, не отвлекаясь на поиски пищи. Его путь лежал в прихребтовые распадки, поросшие тёмнохвойным лесом, где соболь мог найти пропитание и залечь в уютное гнездо на днёвку. Ветер гнал позёмку, заметал следы снегом, выдувал запах зверька. Собака не могла работать в таких условиях. Виновато взглянув на меня, демонстративно убежала в сторону. Весь её вид как бы говорил: не стоит колготиться в этом чапыжнике по следу без запаха. Пришлось снова взять её на поводок и привязывать к рюкзаку.

След то терялся в снежных заносах, то появлялся вновь в относительно тихих местах. Продвигались медленно — мешала ольха. Для охотника это самое вредное дерево. Здесь на хребте произрастала кустарниковая форма ольхи высотой до четырёх—пяти метров. Только центральные ветви росли более или менее вертикально, остальные вкривь и вкось, образуя труднопроходимые густые заросли. Мы с трудом двигались по следу соболя, для которого не существовало никаких преград. Люстра часто запутывалась среди когтистых ветвей. Мне приходилось ежеминутно наклоняться, подлезать под ветки, отодвигать их в сторону, перешагивать через обгорелые стволы поваленных деревьев. Кустарник стылкими ветками цеплялся за одежду, не хотел пропускать. Я ругал себя за то, что выбрал такой маршрут. Но именно интуиция подсказала мне, где искать соболя. В данном случае надо радоваться, а не изводить себя ненужными упрёками.

Ветер поутих, выше поднялись тучи, в них появились просветы. Похолодало. Соболю надоело рыскать по продуваемой ветрами гари, побежка тянулась вниз к густому кедрачу. Отпустил с поводка продрогшую собаку. Она стремглав бросилась по ясно различимому на снегу следу. Зверёк недалёко. И точно, донёслось взлаивание, но какое-то редкое и неуверенное. Затем лай прекратился. «Сколосась», — решил я и побежал на помощь. В густом кедраче соболь услышал преследование, забрался на высокий разлапистый кедр. Посидел, послушал, определил, что его преследует какой-то зверь. Инстинкт самосохранения подсказал ему, что следует запутать следы. Ловкий хищник пробрался к окончанию сучка, на котором сидел, и перепрыгнул на ветки соседнего кедра. Таким

же манером оказался на следующем дереве, прыгнул на землю — и был таков. Люстра прибежала к кедру, на который забрался соболь, и неуверенно залаяла; не почуяв запаха зверька, сделала круг, нашла выходной след и снова бросилась в погоню.

Пока собака крутилась в поисках выходного следа, мастеровитому соболу, по всей вероятности не впервые морочащему голову преследователям, хватило времени добежать до надёжного убежища. Все представители семейства кунных имеют на своём индивидуальном участке по несколько убежищ: в корнях деревьев, в дуплах, валежинах, норах, курумниках и прочих местах.

Люстра азартно лаяла в небольшую норку в двух метрах от тонкой ели, тщетно пытаясь лапами расширить отверстие. Мёрзлая земля не поддавалась. Я на всякий случай сделал большой круг — выходных следов соболя не было. «Здесь ты, голубчик, — снимаю рюкзак, радостно приговаривал я. — Сейчас мы тебя выкурим».

Попробовал топором расширить вход в убежище, но мёрзлая земля вперемешку с мелкими камнями, словно броня, надёжно хранила добровольного затворника. Зверёк чувствовал свою защищённость и несколько раз проорчал, что привело собаку в неистовство, а меня в восторг.

Развёл в полуметре от норы костёр. Когда он разгорелся ярким пламенем, навалил на него сырого мха. Чего-чего, а мха в прибайкальской тайге хватает. В небо устремился столб дыма, словно из трубы мощного паровоза. Веником из веток пихты начал загонять дым в нору. Пять, десять минут машу, а проку никакого. По-видимому, нора длинная, глухая и дым до зверька не доходит.

Ещё раз попробовал выкурить соболя — не получилось. Поставил капкан у входа в нору. Насторожил и хотел оставить без всякой маскировки, но почему-то присыпал тонким слоем снега.

Ночью долго ворочался, не мог уснуть, чего со мной никогда не случалось. В голову лезли всякие неприятные мысли.

Рано утром, когда на востоке только просветлело небо, я был на пути к капкану. День выдался на загляденье чудесным: в меру морозным, тихим и солнечным. Снег под лучами ласкового солнца блестел так ярко, что слепил глаза. После ненастья весело свистели синицы, где-то вдали плакался желна, весёлой дробью приветствовали друг друга извечные трудяги-дятлы, визгливо кричали сойки. Вся таёжная живность, от мелкой мыши до изюбря, старательно набивала желудки доступным кормом.

Вот и капкан. От него ровной цепочкой уходят соболиные следы, теряясь в таёжных дебрях. Я раздосадован своей оплошностью. Вдобавок ко всему старый соболь поиздевался надо мной властью. На смерзшемся на капкане снегу красовалась до неприличия огромная куча соболиных экскрементов.

Опасная охота

Документальный очерк

Юрий ВЬЕ-ТАН-ГИ

В начале 80-х годов прошлого века на северо-востоке Якутии, на её бескрайних просторах была довольно высокая плотность лося и северного оленя, ну, а где копытные, там и «вечный спутник» их — волк, которого в простонародье и среди охотников часто зовут полярным. Надо сказать, что советская власть не жалела средств на борьбу с этими хитрым и жестоким хищником, наибольший результат достигался при отстреле с вертолёта. Успех такой охоты на 20 % зависел от проводника — коневода, оленевода или просто охотника, знающего местные условия, все таёжные урочища, мелкие ручьи и речушки, удобные для обитания стаи после дерзких её налётов, — и на 80 % от пилота-командира экипажа, который кроме лётного мастерства имеет опыт следопыта, способен без посадки с высоты читать следы волчьей стаи и определять направление их движения.

Работая заместителем председателя Томпонского райисполкома в течение ряда лет, я имел мало свободного времени для охоты на волков, но, если появлялась возможность, никогда не упускал ее. В те годы некоторым организациям выделялась годовая норма лётных часов и, если до конца года она не использовалась, то в следующем году уменьшалась на эту же цифру. Естественно, что все старались лётные часы использовать полностью. За несколько лет отстрела волков мне приходилось летать со многими командирами экипажей вертолётов МИ-4 и МИ-8, с очень опытными лётчиками, но среди них охотником был только Стальник Пётр Васильевич. Этот человек был не только пилотом от Бога, но и замечательным следопытом и азартным охотником, в то же время очень выдержанным и спокойным, когда этого требовала обстановка. Полёты с ним были интересны и, главное, результативны. В отстреле хищников всегда принимал участие районный охотовед Виктор Николаевич Костенко, редкостный стрелок. Этому я был лично свидетелем. Спускаясь на резиновых лодках по одной из рек вдоль Верхоянского хребта, я увидел, что с галечной косы поднимаются один за другим четыре глухаря; Костенко, который плыл впереди меня на лодке метрах в ста, резко обернулся на шум крыльев и с расстояния 150—170 метров, сделав четыре выстрела из карабина СКС, сбил всех четырёх глухарей.

И вот в один из последних февральских дней мне позвонил начальник ТУСМ-6 и сообщил, что у них осталось около 12 часов и можно полетать, «погонять» волков. В субботу около 8 часов утра мы с районным охотоведом уже были на лётном поле аэропорта «Хандыга». Дождавшись прогрева двигателя и подхода экипажа с командиром, мы быстренько покидали в вертолёт свой багаж (брзент, рюкзаки, оружие, лыжи, термоса с едой и питьём) и полетели в сторону Верхоянского хребта, планируя выйти на верхнее течение реки Тыры, где по данным охотоведа и пилотов появилось несколько стай серых разбойников. Внутри фюзеляжа стало тепло, летать планировали весь световой день, поэтому в салоне дополнительно была закреплена алюминиевая бочка-ёмкость с авиационным керосином. Быстро посоветовавшись с командиром и охотоведом, мы спланировали свои действия на случай обнаружения стаи и, прильнув к иллюминаторам, стали следить за местностью, где слева были скалы и сопки, а справа равнина с редкими и чахлыми лиственницами. Снега было много, особенно в предгорьях, от 60 до 100 см. Читая и расширявая быстро проносящиеся внизу следы различных зверей, мы старательно высматривали свежие следы волков... Мы уже пролетели километров 50—60 и хотели сменить маршрут, как вдруг внизу на белом фоне я заметил два больших чёрных пятна, почти правильные круги (очевидно, растерзанные лоси или олени) и неожиданно увидел несколько мелькнувших белых пятен. «Волки!» — кричал я. «Где?» — крикнул охотовед и быстро подскочил к моему окну на левом борту. Услышав наши крики, командир резко пошёл на снижение, и через некоторое время мы увидели девять волков, которые, прекратив бежать след в след, веером стали разбегаться в разные стороны. Выделив резвую тройцу, которая старалась уйти в сторону горного хребта, командир, заложив крутой вираж, начал преследование. В это время года наст в предгорьях прочный и залит постоянными ветрами, поэтому группа уходила очень быстро; мы испугались, что можем их упустить. «Поспешите, командир!» — крикнул я в кабину пилота, но Стальник и без нас чётко знал своё дело. Через пару минут мы уже были над одним из серых хищни-

ков. Откинув дверь и подождав, когда волк окажется на чистом месте, я навскидку сделал два выстрела из карабина СКС — зверь, перекувырнувшись через голову, замер в снегу. Вертолёт завис в метре от земли, и мы, соскочив в снег, быстро затащили волка в вертолёт на заранее расстеленный в хвосте брезент. Двух оставшихся волков удалось отстрелять в течение 20 минут, а на остальные ушёл практически весь световой день...

Пока мы гонялись за этой тройцей, остальные волки изо всех сил улепывали в сторону р. Тыры, благо до неё оставалось около десяти километров. В то время, когда командир распутывал оставшиеся следы, шестёрка выскочила на лёд речки и пошла вверх в горы. Спасаясь от погони, волк бежит быстро, каким-то особым чутьём находя участки с плотным наметённым ветром снегом и вывалив красный длинный язык, который, похоже, играет роль своеобразного радиатора. Эту шестёрку наиболее крупных и матёрых волков мы догнали уже на входе в ущелье начавшихся Верхоянских гор. Удачно отстреляв карточку ещё троих, мы много времени затратили на седьмого зверя, который оказался волчицей. Она проявляла недюжинную изобретательность, чтобы укрыться от грохочущего летающего чудовища: пряталась под коряги, под обрывистый берег ручья, ныряла в снег, затаивалась в снегу после выстрелов, будучи уже раненой, и притворялась мертвой, а когда мы начинали садиться на подходящий участок в ущелье, быстро вскакивала и продолжала убежать. Убежать от вертолёта сложно, но были случаи, когда отдельные особи при удачно сложившихся для них обстоятельствах всё-таки спасались от преследования и в дальнейшем, с учётом приобретённого опыта, становились очень проблемными для отстрела, особенно если были вожаками стаи.

Зимний день очень короткий, после 2-х часов дня начинает темнеть, особенно в горах. Оставалось ещё пара волков, нужно было торопиться. К открытой двери сел охотовед Костенко, так как я замёрз и решил немного согреться горячим кофе в салоне вертолёта. Пролетев ещё какое-то расстояние вверх по ущелью, настигли седьмого волка, и после пары выстрелов он растянулся на снегу у ручья. Мы сели и решили быстренько перекусить. Бортмеханик выпрыгнул на снег и сказал, что прицелив волка к вертолёту. Причём на откидные сидения, все начали дружно поглощать взятые с собой припасы, заливая их кофе и специальным напитком, который в большом шахтёрском термосе брал с собой Костенко, там был золотой корень, шиповник, листья смородины и пара столовых ложек хорошего молдавского коньяка «Белый аист». Заканчивая трапезу и обернувшись на звук открываемой двери, я увидел в проёме растерянное лицо бортмеханика, который тихо сказал: «А волка-то нет, мужики...» Коман-

дир мельком глянул в его сторону: «Не морочь голову, куда ему деться, я почти сел на него... Всё, парни, кончайте жрать, закидывайте волка и полетели дальше». И отправился в кабину запускать двигатель. Я, как сидевший ближе всех к двери, первым высочил наружу и, осмотревшись, с удивлением увидел, что волка действительно нигде нет. «Мужики, а где волчара-то?» — обратился я ко всем высипавшим из вертолёта. «Удрал, наверное...» — многозначительно сказал бортмеханик. После этого все начали искать след лѐжки с кровью, а потом следы. Лѐжку-то мы нашли по крови, а вот следов никаких не было...

При посадке вертолёта винтом всё замело в радиусе метров на 100. Но и дальше этого расстояния, кроме входного следа, было абсолютно чисто, волк как бы испарился... Тут Костенко оседало: «Ищите в снегу, зарылся, гад». Снега было больше метра, но все стали дружно перепахивать его ногами. Минут десять мы топтали снег вокруг вертолёта. Я же, набрав в лѐтные унты снега, присел на единственное дерево, которое корнем вмѣрзло в ручей и под углом 30—35 градусов возвышалось над снегом. Вытряхнув снег из унтов и поняв, что волк нас обманул и удрал, я стал качаться на стволе дерева, призывая друзей бросить это глупое дело и лететь дальше, искать последнего зверя. Мои расквашивания на стволе привели к тому, что под хохот товарищей я спикировал лицом в снег. Вставая и отряхиваясь от снега, я заметил под деревом кусочек меха и подумал, что это от моих унтов, внутри которых был собачий мех, а снаружи овечий. Без всякой мысли, машинально, сняв перчатку, я попытался взять его в руку, но он не поддавался... как бы вмѣрз в снег. Потянув сильнее, я увидел, что он становится всё больше, а затем резко рванул под дерево в снег. «Волк!» — закричал я и бросился в кабину за оружием. Выскочив из вертолёта и сбив с ног членов экипажа, которые уже готовились к полѣту, сми-

рившись с тем, что волка не найдѐм, я ринулся к стволу дерева. Следом за мной подбежал охотовед с вопросом: «Где он?». Я молча указал под ствол наклоненного дерева. Костенко сказал: «Положи карабин и потихоньку разгребай снег...» А сам достал из кобуры служебный пистолет «ТТ» и изготовился к стрельбе. Разгребая снег, я понял, что откопал только хвост, а туловище уходит под корневище дерева. «Тяни за хвост», — посоветовал кто-то из членов экипажа, полукругом вставших метрах в пяти от нас с охотоведом. Взявшись за хвост, я стал потихоньку тянуть волка на себя. Сначала он подался сантиметров на тридцать (я даже успел разглядеть окровавленный зад), но затем рывком начал энергично зарываться в снег дальше под корень. «Хвост оторву!» — крикнул я. «Не бойся, тащи сильнее!» — кричали вокруг, а я боялся тащить сильнее, вдруг он резко развернѣтся и бросится на меня... «Стреляй через снег!» — закричал я охотоведу и тот по контуру туши в снегу сделал несколько выстрелов. С трудом я выволок из-под дерева мѣртваго волка, который весил не менее 60—65 кг. Огромный волчище!

Начинало смеркаться. Обсуждать происшедшее продолжили уже в вертолёте, который быстро поднялся из русла горного ручья и полетел в глубь ущелья, куда убежал последний волк. Стенки сопки с двух сторон становились всё круче, ущелье всё уже. Через минуту полѣта мы уже летели плотно зажатые огромными скалами, а след волка вѣл дальше в глубину ущелья. Самого хищника не было видно. Пока мы занимались его собратьями, у него было достаточно времени, чтобы оторваться от нас. Летя по следу, мы глубже втягивались в глубину ущелья. Наконец услышали крик второго пилота: «Вижу, выскочил из-за камня и ушѣл за поворот!» Но, завернув за поворот, мы увидели, что ущелье превратилось в узкую щель и лететь дальше практически невозможно. На длину ремня, которым был пристѣгнут, когда сидел на откидном сидении у дверей, я встал и через плечо бортмеханика, сидевшего на распорке в дверях кабины, посмотрел вперѣд и ужаснулся: перед

нами была отвесная чѣрная скала, как бы рассечѣнная топором на две половинки, — для полѣта нашего вертолёта места не было. Скосив глаза на командира, я понял, что наше положение более чем критическое, по его правой щеке и шее струился пот, а плечи и лицо (оно было белее снега) выдавали крайнюю степень напряжения. Плехнувшись обратно на сиденье, я подумал: «Всѣ, сейчас грохнемся...». В иллюминатор мне хорошо были видны лопасти основного винта, которые сдували снег с соседней скалы вместе с мелкими и средними камнями. «Вот и всѣ, конец...» — промелькнуло в голове, и я скорее машинально, чем сознательно, быстро откатил дверь. В вертолѣт ворвался грохот двигателя и хлопающий шум винта, вместе со снежным вихрем. Справа внизу сквозь снежную пыль я разглядел крутой склон, на глубине семи — десяти метров переходящий в пологий, и очень глубокий снег. Вертолѣт стоял на месте и не мог развернуться... Я ещё раз заглянул в кабину: бортмеханика в проходе уже не было, он бледный, закрыл глаза, сидел рядом с охотоведом, который, не понимая опасности, с чашкой кофе в руке смотрел в иллюминатор по своему борту. Вновь взглянув в открытую дверь, я увидел, что винт уже чиркает по снегу скалы и вот-вот зацепит её. Недолго думая, я отстегнул страховочный ремень и, схватив «СКС», прыгнул вниз на склон. Очевидно, автоматически сработал инстинкт выживания. Летя вниз, я рассчитывал, что покачусь по склону, но снег оказался глубоким и недостаточно прочным, и я «солдатиком» провалился почти по шею, чудом не задев острый большой камень, об который сильно ударил прикладом карабина, и он куда-то улетел вверх и в сторону. Глянув вверх, я увидел, что вертолѣт, грохоча над моей головой, всё ещё стоит на месте. В голове молнией пронеслось: «Сейчас упадѣт мне на голову». Рывком выдрал тело из снега, я покатился вниз на лѣд ручья, к счастью, он оказался довольно близко. Вскочив на ноги, увидев на льду свой карабин, подбежал, схватил его и кинулся вниз к ручью, но грохот вертолёта преследовал меня, несколько не ослабевая. Заскочив под каменный козырёк, я осторожно посмотрел вверх. Увиденное меня порадовало: сдвиг 50 метров назад, вертолѣт практически развернулся и, наклонив вниз кабину, с ускорением пошѣл вниз по ущелью. «Ур-р-ра! — закричал я и даже запрыгал от радости. — Молодцы!» Грохоча, вертолѣт скрылся за поворотом. Я же, закинув за плечо поудобнее карабин, пошѣл вниз по льду ручья уверенный, что вертолѣт сейчас развернѣтся и заберѣт меня. Идти было легко, на льду снега почти не было, меня окружали огромные заснеженные скалы и высокое небо, которое уже стало блекнуть. День заканчивался, но вертолёта все не было. Я почувствовал лѣгкий озноб и только тут вспомнил о куртке. Из одежды на мне были лишь лѣтные

ползунки и унты, свитер тёплый исландской шерсти, шерстяная рубашка, шапка ондатровая, шарф мохеровый и перчатки. Похлопав себя по карманам брюк, проверил: спички и пара зажигалок (аварийный запас) как всегда оказались при мне.

Чтобы ускорить встречу с вертолётom, я трусой побежал вниз по ущелью. Пробежав метров триста, я вспотел, а свитер покрылся изморозью. Перейдя на быстрый шаг, я стал подмерзать, на улице было не менее минус 45 градусов. Холод вынудил меня вновь перейти на бег трусой. Пробежав еще примерно столько же по всё более расширяющемуся ущелью, я вдруг обнаружил, что под ногами хлопает вода. «Наледь, — пронеслось в голове, — унты-то намокнут!» Подошва унтов, действительно, намокла и затвердела на морозе, стало скользко. Лёд в ущелье был немного ложбинкой, и наледная вода медленно глубиной с сантиметр стекала вниз по ущелью. Так как унты уже намокли и терять мне было нечего, я стал разгоняться и катиться вниз, как на коньках. Скорость моего движения значительно увеличилась, и я быстро всё дальше и дальше уходил от места своего прыжка. А шума вертолёта всё ещё не было слышно. «Что случилось, почему они за мной не летят?» Я и подумать не мог, что никто не заметил моего прыжка... Выкатившись за очередной поворот ущелья, я вдруг с ужасом увидел, что впереди метрах в 25—30 лёд резко обрывается и дальше ничего не видно — пустота... Ледяное русло ручья в этом месте уже имело сужение и напоминало жёлоб. Мои судорожные рыбки выбраться с середины к чахлам кустикам и камням на берег привели только к падению на мокрый лёд. Упав, я умудрился ещё скатиться вниз метра на три, а быстро поднявшись, вновь поскользнулся, упал и стал медленно сползать к обрыву... зацепиться кожаными перчатками за лёд никак не удавалось. «Где-то в кармане брюк есть складной нож», — вспомнил я. Повернувшись на бок, вытащил его и, раскрыв, с размаху попытался воткнуть в лёд, чтобы остановить своё медленное сползание к обрыву, глубину которого я не знал, — и от этого становилось еще страшнее. Трах! — и хвалёное чешское лезвие складного охотничьего ножа отломилось у самой рукоятки. Безрезультатная возня на льду привела к тому, что я ещё ближе сполз к обрыву. Помощи ждать было неоткуда и я решил резким броском выскочить из жёлоба и ухватиться за кустики тальника, что росли на краю ручья. Резко рванувшись, я почти выскочил из злополучного жёлоба и успел схватиться одной рукой за какой-то

куст, но намокшая и замёрзшая одежда сковала движения, и я повис на самом краю обрыва. Осторожно посмотрев на то, за что я держусь, — испугался. Это были даже не кустики тальника, а какие-то три жалких сухих стебля неизвестного мне растения. Я замер и похолодел, и тут до меня, приближаясь, донёсся долгожданный шум вертолёта, который, судя по усиливающемуся звуку, явно шёл вверх по ущелью. «Что делать? Сколько я ещё продержусь?» Очень осторожно стал поворачивать голову, чтобы хоть краешком глаза посмотреть, что там внизу и какая высота. Увиденное меня ужаснуло: жёлоб переходит в замёрзший водопад высотой примерно с двухэтажный дом. Моё естественное любопытство не осталось безнаказанным: когда я повернул голову обратно, обнаружил, что в руке остался всего один стебель!.. В лесу главное — ружьё, нож, спички, поэтому я решил, чтобы не сломать при падении карабин, остo-

рожно снять ремень с плеча и спустить вниз, авось да не разобьётся. С надеждой глядя на последний стебелёк и стараясь не шевелиться, осторожно проделал эту почти ювелирную работу и с удовлетворением услышал внизу один за другим два глухих удара. И вдруг, скользя по ледяной кромке, неожиданно полетел вниз. Пологий скат обледенелого водопада несколько смягчил моё падение, но образовавшаяся от постоянного стока воды естественная чаша оказалась сантиметров на пять — семь залита наледной водой, и пока я, секунд 20 барахтаюсь, приходил в себя, окончательно вымок и почувствовал, что начал по-настоящему замерзать. Но самое страшное, что шума вертолёта опять не было слышно. «Нужно срочно разводить костёр, иначе конец... замёрзну» — пронеслось в голове. Выбрав под обрывом ручья удобное место, я стал быстро собирать сушняк из небольшого завала. Спички, упакованные в советское резиновое изделие № 1, оказались сухими, и костёр удалось зажечь...

Где-то в глубине гор, на моё счастье, вновь послышался гул вертолёта. Темнота сгушалась очень быстро, и хотя костёр разгорелся, я не мог согреться и дрожал от холода, и впервые за время моего необдуманного прыжка со страхом подумал, что если вертолёт уйдёт, я вряд ли мокрый продержусь на таком морозе всю ночь, да и где в темноте искать дрова? К моему счастью гул вертолёта стал быстро нарастать, и через короткое время, о, счастливое мгновение! он завис над моей головой рядом с костром. Форточка напротив командира вертолёта съехала в сторону, и первое, что я увидел, был огромный грозящий мне кулак, а затем злое лицо самого Стальнюка. Вертолёт подсел, и я быстро заскочил в салон, где на меня накинулись все одновременно. Счастливым оттого, что я на борту, летим домой и всё так удачно закончилось, я почти за шумом винтов не слышал, как меня ругают за опрометчивый прыжок. Но слова Стальнюка, что их бы всех посадили и они бы уже никогда не были допущены к лётной работе за потерю зам. Председателя райисполкома, я всё же услышал. Были слова и непечатные...

Позднее выяснилось, что, как я и предполагал, момент моего прыжка никто не заметил и хватились только минут через пять — шесть, успев за это время выскочить к подножью гор и взять курс по равнине на аэродром села Тёплый Ключ. Ещё на подлёте к аэропорту Хандыга командир строгонастрого запретил всем хоть словом обмолвиться о случившемся, так как это могло стоить лётной карьеры ему и членам экипажа. И только по прошествии тридцати лет я решил рассказать эту необычную историю. А последнего, ушедшего от нас волка, как оказалось, вожака стаи, мы всё-таки добыли в воскресенье на следующей неделе, почти под самым посёлком Аллах-Юнь, он успел уйти за 250 километров.

Республика Саха (Якутия)

Егерь Багдановического заказника

Сергей Иванович Берсенёв

Здравствуйтесь, уважаемая редакция журнала!

К вам обращается в очередной раз Костромин Владимир Павлович, член Общества охотников и рыболовов с 1964 года, постоянный подписчик и читатель нашего любимого журнала. Журнал уже публиковал мои статьи об охоте в Австрийских Альпах, охоте на медведя в Уральских горах. Я постоянно живу в г. Заречный Свердловской области, в городе атомных энергетиков и до выхода на пенсию сам работал на Белоярской атомной электростанции, участник ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС в 1986 г., постоянно занимаюсь всё свободное время охотой. Мне посчастливилось охотиться не только у нас на Урале и в Сибири, но и на Камчатке, Чукотке, в Казахстане, Киргизии, Чехословакии, Германии, Австрии. Побывал я на разных видах охоты в интереснейших

регионах, впечатлений очень много, на всю жизнь. Но я хотел бы сейчас рассказывать о своём товарище по охоте и давнишнем друге Берсенёве Сергее.

Берсенёв Сергей Иванович родился в марте 1954 года в д. Бараба Богдановического района Свердловской области, где и живёт по сей день. Его дядя — Шантарин Василий Семёнович был моим хорошим знакомым и работал егерем Богдановического заказника Управления охотничьего хозяйства Свердловской области. Мы часто охотились вместе. Всё свободное время Сергей проводил в лесу, помогая дяде Васе строить кормушки для копытных, заготавливать веточный корм, сено и т.д. В апреле 1984 года дядя Вася решил уйти на пенсию и рекомендовал на должность егеря Сергея. Вот с того времени и работает Сергей Иванович егерем Богдановического заказника, а сейчас он старший государственный инспектор. Воспитал двух сыновей, младший сын Матвей работает вместе с отцом — тоже госинспектор.

Богдановический заказник — это территория 57,6 тысяч гектаров, угодья очень разнообразны, северная часть — вековой сосновый бор с болотистой местностью, с речушками и ручьями, а южная часть заказника — лесостепная зона, где множество красивых берёзовых колков, полей, болот и ручьёв. По данным учёта 2010 года на территории заказника обитало 2700 косуль, 150 ло-

сей, 100 кабанов, есть, конечно же, водоплавающая и боровая дичь, пушной зверь. Особо охраняемый вид — это сибирская косуля. Уже много лет охота на неё полностью запрещена, хотя раньше разрешалось отстреливать определённый процент от численности.

Сергей всё свободное время проводит в лесу. Летом он заготавливает веточный корм, косит сено и развозит по кормушкам зерноотходы. Работы выполняет очень много. Раз в угодьях много косуль, то в зимний период каждый год приходят волки и рыси. Сергей каждый год отстреливает по несколько волков и рысей, которые не прочь полакомиться свежей косулятиной. Этот процесс занимает много времени, приходится привлекать для организации охоты членов охотколлектива из местных жителей. Большой урон природе приносят заезжие браконьеры. Каждую ночь Сергей и его товарищи, а также и сотрудники «Дирекции» организуют дежурства и рейды. Несколько раз результаты рейдов показывали по нашему областному телевидению, но любители бесплатной охоты постоянно пытаются проникнуть на территорию госзаказника. После задержания браконьеров Сергеем приходится потом ещё и ездить по судам, и слушать угрозы в свой адрес. Однажды его частный дом с гаражом браконьеры подожгли. Сгорел полностью гараж вместе с новым «УАЗ», принадлежавшим Сергеем лично, который он покупал на свои деньги, отклады-

С.И. Берсенёв и В.П. Костромин

вая их из своей мизерной зарплаты. Поджигателей, конечно, не нашли, хотя следствие и проводилось.

Мы видим, что если бы Сергей занимался охраной спуска рукава, то в заказнике давно бы все перебили и вывезли. А браконьеры сейчас вооружены самым современным оружием, ночной оптикой, мощными вездеходами, имея в друзьях влиятельных людей, да и мало-снего позволяет проникнуть в любой уголок заказника.

Но Сергей Иванович всегда на посту! Мы желаем ему крепкого здоровья, удачи во всём, долгих лет жизни, семейного благополучия.

Друзья и товарищи по охоте

Всем, кому не безразлична природа Северного Байкала, безусловно, будет интересна вышедшая книга «Природа Байкала. Баргузинский заповедник», посвященная 95-летию Баргузинского заповедника.

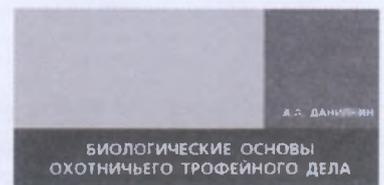
Великолепное издание включает в себя сведения об истории организации старейшего заповедника в России, о его деятельности и природных комплексах, о разнообразии животного и растительного мира северо-восточного побережья оз. Байкал, о народах, проживающих и проживавших в этих краях и их традициях. Издание щедро иллюстрировано яркими фотографиями, спутниковыми снимками местности и картами. Те, кто хочет лично посетить заповедные просторы Подлеморья и своими глазами увидеть тёмные хвойные леса, безграничный простор Великого Озера и великолепие упирающихся в небо гор, смогут найти исчерпывающую информацию для себя на страницах этой книги.

Кроме того, в книге есть замечательные стихи наших земляков — Татьяны Ветровой и Юрия Сакунова, не раз посещавших заповедник и посвятивших ему немало трогательных строк, материалы биологов-охотоведов, экологов и замечательных писателей-натуралистов Олега Гусева и Семёна Устинова, список изданий о Баргузинском заповеднике и даже завершающий кроссворд на заповедную тематику.

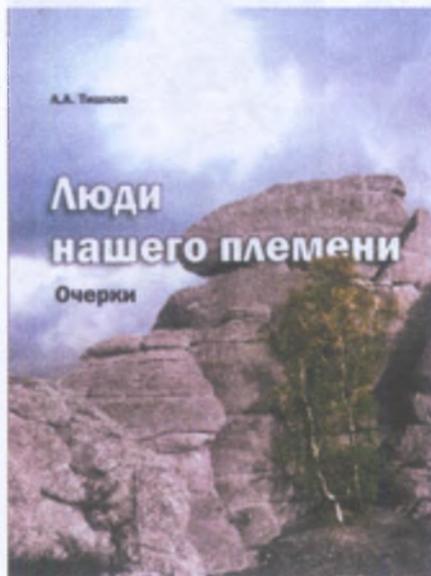
Отдел экологического просвещения Баргузинского заповедника

Данилкин А.А. Биологические основы охотничьего трофейного дела. — М.: Товарищество научных изданий КМК, 2010, 150 с.

Эта книга — учебное пособие по увеличению ресурсов крупной дичи и сохранению качественных популяций животных в условиях интенсификации трофейной охоты в России. Предназначено для студентов-охотоведов специалистов и руководителей охотничьих хозяйств.

Книга о замечательных людях

Вышла в свет книга известного биогеографа, автора многих научных работ и научно-популярных произведений, заместителя Директора Института географии РАН, доктора географических наук, профессора Аркадия Александровича Тишкова «Люди нашего племени», посвященная учителям, коллегам и друзьям автора. В ней 22 содержательных очерка об ученых, имена которых широко известны знатокам и любителям природы, биологии и географии нашей страны. Среди героев книги есть и те, кто в разные годы печатался в нашем журнале, стоял у истоков создания научных основ охотничьего дела, охраны окружающей среды.

Автор пишет, что «...В книге представлены очерки о близких, «судьбоносных» лично для автора людях», принявших эстафету от ученых начала 20-го века — периода расцвета отечественной биологической и географической науки. Эти люди сохраняли традиции, доброту и интеллигентность, желание помочь, научить, воспитать.

Основу книги составляют историко-биографические очерки, осмысливающие жизнь и научное наследие таких известных и видных ученых, как Ю.А. Исаков, Д.Л. Арманд, А.А. Насимович, С.В. Кириков, И.П. Герасимов, В.С. Залетаев, а также о более молодых, ныне живущих В.М. Котляков, Ю.Г. Пузаченко, А.А. Чибилеве и М.А. Глазовской, которую в начале 2012 года научная общественность поздравила со 100-летним юбилеем.

Книгу (после развернутого Предисловия) открывает очерк «Лица отече-

А. А. Тишков. Люди нашего племени. Очерки об ученых — учителях, друзьях, коллегах. Российская академия наук. Институт географии. М. 2012. 276 С.

ственной географии второй половины 20-го века», в которой читатель знакомится с портретами коллег, выполненными в разные годы двумя замечательными учеными — В.В. Мазингом и А.Д. Армандом. И эти портреты в жанре дружественных шаржей — по сути, история науки «в лицах», как нельзя лучше знакомят читателя с атмосферой научного сообщества в разные периоды ее развития. Герои всех последующих очерков также знакомы читателям нашего журнала, особенно старшего поколения.

Первый такой очерк посвящен Анне Петровне Разорёновой (1903—1988). Почти 60 лет назад она организовала биологический кружок при Московском обществе испытателей природы (МОИП), в котором занимались многие будущие ученые — биологи и специалисты в области охраны природы. А до этого она, как зоолог, специалист по пушному делу, принимала участие в создании заповедных территорий, преподавала в разных учебных заведениях, работала научным сотрудником отдела пушнины Народного комиссариата внешней торговли, а затем ассистентом кафедры техники охотничьего промысла Всесоюзного заочного института пушнины в Балашихе. Это было в начале 1930-х гг., а затем она работала в Зоологическом музее МГУ, снова в Московском зоотехническом институте или, как он стал потом называться, — Московский пушно-меховой институт (с очной формой обучения) и преподавала в техникуме Министерства заготовок СССР в Сходне под Москвой.

Человек уникальной судьбы, ставший для сотен мальчишек и девочек, «разорёновских детей», «второй мамой», А.П. Разорёнова оставила яркий след в истории, а ее вклад в воспитание юннатов еще требует осмысления

Не менее эмоционально, ярко, с нескрываемой теплотой пишет автор рецензируемой книги и о своем учителе Юрии Андреевиче Исакове (1912—1988) в очерке «Мистер Икс». Воспитанник знаменитого биологического кружка при зоопарке (КЮБЗ) Юрий Андреевич прожил нелегкую жизнь: еще в 1920-х гг. подавал надежды, потом, в период репрессий, на долгие 20 лет был вычеркнут из жизни, пребывал в лагере, работал на Беломорканале. Затем вынужденно скитался с семьей по стране, работая в Гасан-Кулийском, Астраханском и Дарвинском заповедниках и в Западной Сибири. Только в 1955 году Исаков вернулся в Москву и ждал еще много лет реабилитации. Но все это не помешало ему стать одним из лидеров отечественной орнитологии, заповедного дела. Юрий Андреевич неоднократно выступал на страницах нашего журнала с содержательными статьями об орнитологии и проблемах заповедного дела, которое он знал, как говорят,

Аркадий Александрович Тишков

не понаслышке.

Очерк о Д.Л. Арманде (1905—1976) называется «Рыцари науки». Герой очерка действительно был таковым. Интересно, что рецензируемая книга вышла спустя несколько лет после рубрикации записок самого Д.Л. Арманды «Путь теософа в стране советов» (2009) и воспоминаний коллег к 100-летию ученого. Давид Львович — автор одной из первых общественно значимых книг по охране природы «Нам и внукам», стоявший у истоков экологического движения в стране, один из авторов проекта первого закона РСФСР по охране природы, предстает в очерке энциклопедически образованным ученым, добрым и светлым человеком, всю жизнь борющимся за нравственное совершенствование человечества, гуманизацию науки и общества. Таким он и был в жизни, и таким его знали все, кому посчастливилось быть с ним знакомым лично.

За основу очерка о А.А. Насимовиче А.А. Тишков взял несколько опубликованных ранее, в соавторстве с автором данной рецензии, статей в сборнике «Териологи Москвы» и др. В то же время в нем много личного, отчасти субъективного, но вполне допустимого для биографических произведений, претендующих на личный взгляд на человека. Андрей Александрович Насимович, поистине, был незаурядной личностью. Человеческой редкостью, чуткой души и бесконечного обаяния, А.А. Насимович был также выдающимся ученым-териологом, видным деятелем охраны природы и знатоком заповедного дела. Он многие годы работал на Кавказском и в Лапландском заповедниках, в Главном управлении по заповедникам, стоял у истоков знаменитой серии «География промысловой фауны» (позже — «Промысловые животные России и прилегающих стран», работа над которой продолжа-

ется и сейчас в стенах Института географии РАН), для которой написал несколько монографических разделов. Именно ему принадлежит развитие, вслед за А.Н. Формозовым, «снежной экологии», что отражено в его монографии 1953 г. «Роль режима снежного покрова в жизни копытных животных на территории СССР». С журналом «Охота и охотничье хозяйство» А.А. Насимович сотрудничал много лет и в разные годы опубликовал здесь немало содержательных статей о заповедном деле и о роли хищных млекопитающих в природных экосистемах. Личность А.А. Насимовича описана в очерке с разных сторон и, конечно, как отмечает автор в очерке, его роль и в науке, и в заповедном деле оценена, к сожалению, пока недостаточно.

Опустим разбор замечательных статей-воспоминаний об Э.М. Мурзаеве, М.И. Нейштадте, О.С. Гребенщикове, Б.А. Тихомирове и других, а обратимся к очерку о С. В. Кирикове, оставившем яркий след в науке, охране природы, в изучении промысловой фауны нашей страны и в истории ее охотничьего промысла. Его судьба — судьба многих, родившихся на переломе XIX и XX вв., переживших революцию, репрессии, Гражданскую и Отечественную войны. Ученик одного из родоначальников отечественной экологии В.В. Станчинского, В.С. Кириков в 1920-е г. участвовал в создании Березинского

заповедника, закончил аспирантуру Московского пушно-мехового института, где работал позже ассистентом, затем в 1930-х гг. работал в Башкирском заповеднике, где изучал природу Южного Урала. После защиты докторской диссертации Сергей Васильевич до последних дней работал в Институте географии. Автор рецензируемой книги также подробно описывает работу С.В. Кирикова по изучению широко распространенного и численности охотничье-промысловых животных, рассказывает о случаях, когда ученый стал первооткрывателем (как это было, к примеру, с восстановлением ареала соболя в Европейской части России). Рассказано в очерке и о работе Сергея Васильевича по созданию знаменитых книг об исторических изменениях животного мира СССР, книг по промысловым животным и влиянию человека на их популяции, а также научно-популярных книг «В лесах и степях Южного Урала» и «По Южному Уралу и Башкирии». Читателям нашего журнала наверняка известны его научные труды о тетеревиных птицах России.

Очень интересен и очерк о директоре Института степи УрО РАН (Оренбург) А.А. Чибилеве, который в самые сложные 1990-е годы сумел создать уникальный Институт, занимающийся проблемами изучения и сохранения степей, организовал Оренбургский

степной заповедник и Бузулукский национальный парк.

Подробные очерки в книге представлены об ушедших из жизни молодыми друзьями и коллегах автора — Н.Ф. Глазозовом и М.В. Глазове. Последний был постоянным автором «Охоты и охотничьего хозяйства». Здесь печатались его фотографии и статьи.

Читать книгу интересно и местами даже захватывающе, так как в биографии каждого из героев немало интригующих событий, интересных встреч, путешествий. Читатель получает важную историческую информацию о жизни академического и природоохранного сообщества, о тонкостях жизни тружеников науки.

И, конечно, хочется отметить, что многие герои книги А.А. Тишкова были замечательными знатоками охотничьей фауны, охотниками, авторами известных книг и статей об охоте и промысловой фауне, заметок о природе нашей стране. Будем надеяться, что с книгой смогут ознакомиться все, кому интересно прочитать о плееде российских ученых, внесших заметный вклад в биологию, географию, охрану природы и заповедное дело нашей страны.

М.А. ВАЙСФЕЛЬД,
Ведущий научный сотрудник
лаб. Биogeографии
Института географии РАН,
кандидат географических наук

Обращаться по телефону: 495-959-00-16

Папа, мама, я — дружная семья

Здравствуйте, дорогая редакция! Пишет вам дочь охотника. Мой папа, Авдеев Александр Петрович, до 20 лет жил в Курской области. После окончания лесотехнического техникума по распределению приехал в Архангельскую область, в поселок Малошуйка, работал по профессии и занимался охотой. И вот уже 30 лет как он здесь, в Иркутской области, и 20 лет как выписывает журнал «Охо-

та и охотничье хозяйство».

Александр Петрович — охотник широкого профиля. Его добычей становились куница, выдра, норка, россомаха, рысь, олень, лось. Также папуля интересуется дичью и является заядлым рыбаком. Такому разнообразию дичи способствует место, в котором мы проживаем, это тайга с большим количеством озер и рек, а в 10 км от поселка — Белое море.

Когда открывается охота на лося и выпадает достаточно снега, для папы начинается самое счастливое время. В этот период он всегда старается взять отпуск. И вот, когда из-за мороза на улице носа не высунешь, папуля по нескольку дней, а то и неделю, проводит в лесу — ночует в избушке, а иной раз просто у костра под елью. И все потому, что охота доставляет ему огромное удовольствие.

Журнал «Охота и охотничье хозяйство» для него — это частичка охотничьего счастья, ведь можно снова погрузиться в охотничью атмосферу, находясь дома вне сезона охоты. Прочитывает он его «от корки до корки», самое интересно читает нам с ма-

мой. Когда я была маленькой, разглядывала картинки, спрашивала о животных, и папа мог рассказывать о них хотя целый день.

Мама тоже очень любит

этот журнал. Нам всем нравятся рассказы охотников из своей жизни, и у папы тоже много интересных историй из своего охотничьего опыта.

Арина АВДЕЕВА

Ледовый хоровод

Снимок сделан на таежной речке Уксунай. У моста образовался омут с кружалом и выходом воды в сторону. В редкий год природе удается создать завораживающее зрелище. Непрерывное движение ледяных «кувшинок» по кругу можно наблюдать один раз в 5—6 лет.

Евгений Владимирович
(подпись, к сожалению, затерта)

Алтайский кр., Тогульский р-н, с. Тогул, Березовая, 18

Ученик 1-го класса Саша Кочергин — 7 лет
Охотхозяйство Щигровское Курского ООИР

Добрые дела в природе

Этот парень в свободное от школы время не сидит у компьютера и не играет в виртуальные игры, а помогает взрослым в трудное для зверей время. Пока взрослые ещё заняты, можно немножко передохнуть, а заодно и покормить своих питомцев, а также сфотографироваться для школьного предмета «Окружающий мир» и выполнить задание «Добрые дела в природе». Парень этот не будет стрелять из «воздушки» по воробьям и синицам и разорять гнезда птиц. Не обязательно, чтобы из этого мальчугана вырос хороший охотник. Главное, чтобы он вырос хорошим, добрым человеком, любящим природу.

Н. КОЧЕРГИН
Курская обл.

САФАРИ ПО-НАШЕМУ

Если перечислять все трудности, которые имеются в охотхозяйствах и у охотоведов, их окажется очень много. Слава Богу, есть еще нормальные люди, которые не жалуются на трудности, а просто делают своё дело. Где-то надобать зерноотходов, где-то взять из своих домашних запасов. Доехать на своей машинёнке до нужного места, взять по мешку на плечо, и по глубокому снегу дойти до леса, а в лесу мешки можно и волоком тянуть, так легче, потому что снега в лесу поменьше. Всего пройти нужно около одного километра до подкормочной площадки и высыпать на ней корм. Немного отдохнуть, сходить

еще раза два—три, а то в следующий приезд может подсыпать снега, и идти придется метров на пять-сот дальше. И когда приезжаешь в следующий раз и видишь, что корм съеден, повсюду следы зверя, наступает такое удовлетворение, что ни одно «сафари» не сравнится. И веришь, что все твои труды не напрасны, и браконьеров накажет Бог, и примут, наконец, нормальные законы для защиты животного мира, и вообще все будет хорошо. Вот такие энтузиасты живут у нас. Такое у нас сафари!

Н. КОЧЕРГИН
Фото автора

РЯБЦЕВ В. Неудобная наука	1
СКЛЯРЕНКО А. Заводчик русских пегих гончих . . .	5
СЕВАСТЬЯНОВ А. Начало весны	6
ЕРМОЛЕНКО А. Антропогенное воздействие на популяции диких животных	8
ПАВЛОВСКИЙ С. Следы бурых медведей на снегу	10
МАМОНОВ Л. Из славной плеяды первопроходцев. К 180-летию со дня рождения М. В. Венюкова	14
ШЕСТАКОВ С., НОВИКОВА Т., БРИТВИН М. Паразитарные пузыри в тушах лосей	16
АСТАФЬЕВ Н. Юридическая консультация	18
ДИГИЛЕВИЧ А. Медвежонок	20
ЦЕЛЫХОВА Е. Русская охотничья культура	22
ГИБЕТ Л. Проблемы карельских лаек	24
ТОЛМАЧЕВ В. Учимся стрелять влёт	28
БЛЮМ А. Очердная выставка РОСТ 2012 в Ижевске	30
СЕКОВАНОВ В. Кухта	32
ЦЕЛЫХОВА Е. Словарь русского охотничьего языка	37
ЛАПСИН Г. Насмешка старого соболя	38
ВЬЕ-ТАН-ГИ Ю. Опасная охота	40
ВАЙСФЕЛЬД М. Книга о замечательных людях	44
КОЧЕРГИН Н. Добрые дела в природе. Сафари по нашему	46
ШИШКИН В. Коростели	48

На первой странице обложки:

Поздравляем всех женщин с праздником 8 марта. Наталья Анатольевна Дигилевич с медвежонок.
К фотоочерку «Медвежонок» А. Дигилевича

На второй странице обложки:

В марте свиристелям еще холодно
Фото М. Синицына

Рановато проснулись

Фото С. Тишкевича

На четвертой странице обложки:

Март. Разрешена охота только на волков
Фото А. Дигилевича

Главный редактор А.М. Блюм
Генеральный директор Т.А. Волжина

Редакционная коллегия:

М.В. Булгаков, Л.А. Гибет, И.А. Домский, А.А. Данилкин, А.П. Каледин, А.М. Лаврова, В.К. Мельников, В.Г. Сафонов, К.П. Савельева, А.А. Севастьянов, Е.К. Целыхова, В.Б. Чернышёв, В.С. Шишкин

Главный бухгалтер **Н.М. Видулина**
Зав. отделом писем **И.И. Полосухина**
Художественный редактор **М.Л. Кнерцер**
Оператор компьютера **Н.В. Дервиз**
Корректор **З.М. Данилова**
Фотокорреспондент **А.Ф. Дигилевич**

Сдано в набор 27.12.2012 г. Подписано к печати 04.02.2013 г.
Формат 84x108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 5,04. Тираж 28 000 экз. Заказ 2529.
Цена — по каталогу Роспечати

Адрес редакции: 101990, Москва, Милютинский переулок, д. 18А, офис 13
Тел.: (495) 628-25-57
Электронная почта ohot.a.ohothoz@mail.ru

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300 г. Чехов, Московской области, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpk.ru E-mail: marketing@chpk.ru
Факс 8(496)726-54-10, телефон: 8(495) 988-63-87
В случае обнаружения полиграфического брака обращайтесь, пожалуйста, по адресу типографии
Зарегистрирован Государственным комитетом по печати
12.10.90 № 452

Если лысуха (см. № 2) более других пастушковых тяготеет к воде, то **коростель** наименее влаголюбив. Его излюбленные местообитания — заливные луга, высокотравье с наличием кустарников, посевы клевера, поля зерновых культур. Заселяя агроландшафты, он дальше других пастушковых продвинулся на север: до Петрозаводска, Архангельска, Ханты-Мансийска, на востоке — до верховьев Лены. На юге доходит до зоны полупустынь. Спорадически в Закавказье, в горах Тянь-Шаня поднимается почти на 3 тыс. м над уровнем моря. Гнездятся коростели еще в Зап. Европе, Передней Азии. Известны залеты в США, Австралию, Новую Зеландию. Зимуют в Вост. Африке к югу от экватора. Понятно, что рассказы о пеших путешественниках коростелей далеки от реальности. Во время миграций птицы летят ночью рыхлыми стайками, образуют скопления перед броском через горные и водные преграды.

Размерами коростель (народное название на юге — дергач) заметно крупнее перепела. Длина 27—30 см, вес до 200 г, размах крыльев до 0,5 м. Общий тон окраски рыжеватобурый. У самца бровь, уздечка, бока шеи, зоб серовато-сизые. На спинной стороне перья с продольными, наствольными, темными пестринами, опала охристо-палево-белые. На боках широкие поперечные буровато-коричневые пестрины. Брюшко беловатое. Верхние и нижние кроющие крыла, подмышечные перья охристо-рыжие. Клев конический, охристо-розоватый. Ноги розовато-охристые, иногда с серым оттенком. Радужина бледно-коричневая. Окраска самки схожа, но серый цвет на голове и шее неразвит, опала на перьях спины светлее, пестрины на боках ярче. Молодые по окраске напоминают самку, пестрины на боках бледнее.

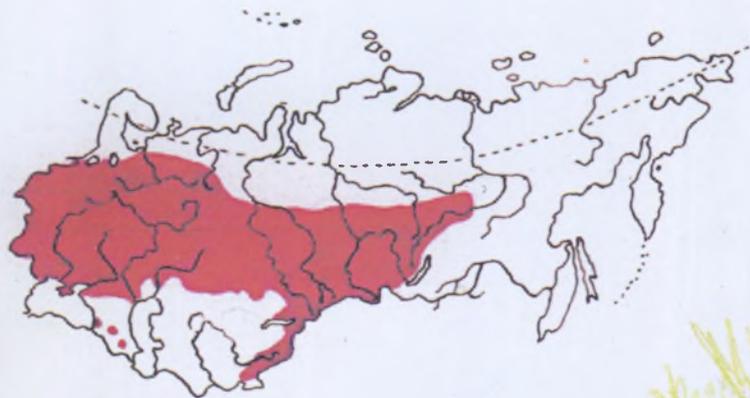
Прилет в среднюю полосу в конце апреля — начале мая. Через неделю уже можно слышать характерный брачный крик самцов — «крекс-крекс» (отсюда и латинское название этого вида — *Sorex sorex*). Коростели могут кричать и ночь напролет, и в дневное время, активно охраняя свои участки, привлекая самок. Вокальный репертуар включает также стрекотание, мяуканье, квохтание и т.д. Спектр супружеских отношений от моногамии до неупорядоченных брачных связей. Кладки в среднем от 7 до 12 яиц.

Скорлупа бледно-охристая с буроватыми пятнами. Насиживает обычно самка 2,5—3 недели. Пуховики черного цвета с буроватым оттенком. Выкармливают, водит птенцов чаще самка. Слетки на 34—38 день. Гнездование растянуто, встречаются двоянные, вторые и повторные кладки. Половозрелы в возрасте 1 года. В диете коростелей много животных кормов: насекомых, дождевых червей, моллюсков и т.д. Подают птицы и семена растений, в т.ч. злаков.

Коростель исключительно скрытная птица. Даже летом — во время неумолчного пения, увидеть его не просто. От опасности мастерски уходит по высокой траве. Взлетает крайне неохотно. В Зап. Европе численность коростелей в последнее время стремительно падала. В России, по подсчетам середины 90-х гг., обитало не менее 5 млн. птиц. В ряде субъектов РФ этот вид все же занесен в региональные Красные книги (Адыгея, Марий Эл, Ставропольский край, Ленинградская, Астраханская, Омская области и др.). Основными факторами гибели коростелей остаются неправильное ведение сенокоса, применение пестицидов, мелиорация заливных лугов, перепромысел на путях миграции и т.п.

Коростель занимает одно из первых мест в добыче охотника с подружейной собакой в Центральной России. Из-под стойки легавой собаки коростель зачастую быстро уходит. Более успешна охота с обученным спаниелем. Мясо сентябрьских птиц отличается белым цветом и прекрасными вкусовыми качествами. По мнению бывалых охотников, оно лучше, чем у другой болотно-луговой дичи. Подробнее об охоте на коростелей можно прочитать, например, в книге С.Ю. Фокина «Охота на болотно-луговую дичь» (2005).

В. ШИШКИН

Коростели

